

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия
*«Современные литературы стран
Центральной и Юго-Восточной Европы»*

Литературно-критическая
периодика
в странах Центральной
и Юго-Восточной Европы:
структура, типология,
социокультурный контекст

Ответственный редактор
к. ф. н. Л. Ф. Широкова

МОСКВА
2020

УДК 82.0
ББК 83.3(4)
Л64

Серия
*«Современные литературы стран
Центральной и Юго-Восточной Европы»*

Редколлегия:

Е. В. Байдалова, С. А. Кожина, А. В. Усачёва

Рецензенты:

*д. ф. н. Н. М. Куренная,
к. ф. н. П. В. Королькова*

Л64 **Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст** / И.Е. Адельгейм, Ю.П. Гусев, Н.Н. Старикова [и др.], под общ. ред. Л.Ф. Широковой (отв. ред.), Е.В. Байдаловой, С.А. Кожинной, А.В. Усачевой. — М.: Институт славяноведения РАН, 2020. — 256 с.: ил. (*Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»*)

ISSN 2618-8554

DOI 10.31168/2618-8554.2020

Коллективный труд посвящен проблемам литературно-критической периодики как важной части литературного процесса, выступающей в разные периоды на протяжении XX–XXI вв. в качестве рупора прогрессивных или консервативных сил, платформы для теоретического обоснования и художественного воплощения новых литературных направлений и течений. Главы, вошедшие в книгу, охватывают материал большинства славянских, а также румынской и венгерской литератур. В них представлен обзор и анализ широкого спектра литературно-критической периодики стран региона, а в ряде случаев — детальное рассмотрение отдельных, наиболее значимых изданий.

Книга адресована литературоведам, культурологам, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурой стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

The collective scientific work devoted to the problems of literary and critical periodicals as an important part of the literary process, appearing in different periods during the XX–XXI centuries as a mouthpiece of progressive or conservative forces, a platform for theoretical justification and artistic embodiment of new literary trends. The book chapters cover the material of most Slavic, as well as Romanian and Hungarian literatures. They provide an overview and analysis of a wide range of literary and critical periodicals in the region, and in some cases — a detailed review of individual, most significant journals.

The book is addressed to literary scholars, cultural scientists, students and postgraduates of philological specialties, as well as a wide range of readers interested in the culture of Central and South-Eastern Europe.

УДК 82.0
ББК 83.3(4)

ISSN 2618-8554
DOI 10.31168/2618-8554.2020

© Коллектив авторов, текст, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020

От редколлегии

Предлагаемая вниманию читателя книга основана на материалах круглого стола «Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы XX–XXI вв.: структура, типология, социокультурный контекст», который был проведен Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в декабре 2018 г.

Будучи важной частью литературного процесса, периодика выступает в разные периоды истории как рупор прогрессивных или консервативных сил, как платформа для теоретического обоснования и художественного воплощения новых литературных направлений и течений. Литературные журналы нередко оказываются авторитетным и действенным инструментом не только в эстетической, но и в идеологической сфере, поэтому историко-литературные аспекты предложенной тематики нашли отражение во многих главах труда.

Работы, вошедшие в книгу, охватывают материал большинства славянских литератур региона, а также румынской и венгерской и имеют два основных направления. В одних главах преобладает подход, предполагающий обзор и анализ широкого спектра литературно-критической периодики в той или иной стране, особенностей ее структуры и функционирования, в других — более детальное рассмотрение отдельных, наиболее примечательных и важных для национальной литературы определенного периода печатных органов.

К исследованиям первого типа относится работа И.Е. Адельгейм «"Идеального строя не существует". Положение литературной периодики в постсоциалистической Польше», где говорится об особенностях развития рынка польской литературно-критической периодики после 1989 г.; автор дает характеристику наиболее значимым изданиям с разной направленностью и с разной целевой аудиторией. Н.Н. Старикова в исследовании «"Журнальный зал" инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ» представила оппозиционные литературно-критические журналы периода социализма, вышедшие на словенском языке в самой стране и за рубежом и сыграв-

шие существенную роль в культурной и общественно-политической жизни Словении. Обзор белорусских изданий под углом зрения различных подходов к оценке литературного процесса, их языковой политики и эстетических принципов дает М.А. Ламм в работе «Эстетическая двойственность белорусской литературно-критической периодики». В центре внимания А.Г. Шешкен — основные литературно-критические издания, оказавшие влияние на становление македонской литературы («Роль литературных журналов 1945–1960-х гг. в формировании литературно-критической мысли Македонии»). А.В. Усачева в главе «Литературно-критическая периодика в социокультурном контексте современной Румынии» пишет о румынских журналах и газетах, уделяющих внимание вопросам литературы, и характеризует их историю и формы существования в наши дни. Обзор современной сербской периодики, нацеленной на литературоведческую проблематику, представлен в работе Е.В. Шатько «Славистические литературоведческие журналы Сербии после 1991 г.».

Главы второго типа, вошедшие в труд, относятся к разным периодам в развитии национальных литератур XX–XXI вв. Так, А.В. Семёнова в работе «Журнал “Триф” Александра Майковского (1908–1922–1925 гг.) и “скромные достижения кашубской музыки”» рассматривает историю, фазы становления и роль уникального для кашубской культуры издания и разностороннюю деятельность его создателя. Кратким, но плодотворным периодом существования двух словацких литературных изданий стали 1960-е гг., о чем пишет в своей главе «Словацкая литературная периодика времен “оттепели”: актуальность творческого наследия» Л.Ф. Широкова. На материале времен «застоя» и засилья цензуры 1970–1980-х гг. основаны работы Ю.П. Гусева «Журнал “Беселё”» и С.А. Кожинной «“Револвер Ревью”: специфика появления и современное состояние». В первом случае речь идет о венгерском самиздате — о журнале, ставшем трибуной инакомыслия в условиях идеологического диктата. Во втором — об истории создания и функционирования журнала чешского андеграунда и об альтернативной культурной среде периода «нормализации». Оба автора прослеживают судьбы этих печатных органов вплоть до наших дней, когда их характер логически менялся, а значимость и популярность неизбежно снижались. Проблемы современной периодики поднимаются в работах Е.В. Байдаловой «Must-read украинской ин-

теллектуальной элиты: журнал “Критика” как социокультурное явление» и Н.А. Луньковой «Конфликт двух поколений постмодернистских поэтов в газете “Литературен вестник”». В первом тексте украинский журнал представлен в контексте социокультурных процессов в стране последних десятилетий, рассмотрены его интеллектуальная база и вклад в развитие гуманитарной мысли. В центре второго — кризисный момент в деятельности болгарского журнала, приведший к принципиальному спору литераторов разных поколений.

Особого внимания заслуживают две работы иностранных участников, ставшие истинным украшением книги. Это воспоминания современников, очевидцев и непосредственных, активных участников событий — белорусского литератора и публициста Сергея Ивановича Дубовца («“Наша Нива” — газета-миссия») и венгерского писателя и общественного деятеля Ференца Кёсега («Свобода за решеткой»).

Представленный труд продолжает научно-исследовательскую литературоведческую серию «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы», в основе которой лежит лонгитюдное мониторинговое исследование литературного процесса в странах региона.

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.01

*Ирина Евгеньевна
АДЕЛЬГЕЙМ
(Москва)*

«Идеального строя не существует». Положение литературной периодики в постсоциалистической Польше

Аннотация:

Работа посвящена тем изменениям, которые претерпела после 1989 г. такая важная область литературного процесса, как рынок литературно-критической периодики, испытавший на себе «плюсы» и «минусы» нового строя и изменения положения Слова в жизни польского общества. Политический перелом, способствовавший децентрализации и разнообразию литературной жизни, привел сперва к расцвету, а затем к кризису рынка литературно-художественных и литературно-критических изданий, который объясняется причинами не только экономическими (нехватка финансов), но и социальными и культурными (литература утратила прежнее значимое место в общественной коммуникации, уменьшился интерес к дифференциации общества).

Ключевые слова:

польская литературная периодика, постсоциалистический период, децентрализация, рынок

*Irina J. ADELGEYM
(Moscow)*

“There is no ideal system”. The situation of literary periodicals in post-socialist Poland

Abstract:

The study is devoted to the changes that have undergone since 1989, such an important area of the literary process as the market of literary and critical periodicals, experienced the «pros» and «cons» of the new system and changes in the position of the Word in the life of Polish society. The political change that contributed to the decentralization and diversity of literary life, led first to the flourishing, and then to the crisis of the market of literary-artistic and literary-critical publications, which is due to reasons not only economic (lack of finance), but also social and cultural (literature has lost its former significant place in public communication, decreased interest in the differentiation of society).

Keywords:

Polish literary periodicals, post-socialist period, decentralization, market

Именно стихийное развитие рынка периодики оказалось одним из первых, наиболее явных последствий радикальных перемен в области печатного слова: ликвидации системы центрального управления и предварительной цензуры, изменения финансирования и т.д. По словам Пшемислава Чаплиньского, несмотря на то, что читатели литературно-художественной и литературно-критической периодики* составляют не более 1–2% общего числа поляков, читающих прессу, без осмысления того, что произошло в этой области, невозможно понять совершившийся в стране перелом¹.

На открытии заседаний «Круглого стола» — переговоров между властью и оппозицией (договоренность о которых была достигнута лидером «Солидарности» Лехом Валенсой и министром внутренних дел генералом Чеславом Кишаком) 6 февраля 1989 г. — выступил Ежи Турович, многолетний главный редактор еженедельника «Tygodnik Powszechny» («Тыгодник Повшехны» / «Всеобщий еженедельник»), бывшего в годы ПНР неформальным органом оппозиции. Он говорил о том, что необходимо изменить в системе взаимоотношений общества и власти, в частности — и прежде всего — в области культуры: «Восстановление положения общества как субъекта, предоставление ему возможности контролировать способ осуществления власти и принятие принципа социально-политического плюрализма невозможно без существования подлинного общественного мнения. Это требует разрушения прежней монополии в сфере СМИ [...]. Согласно принципу плюрализма, весь спектр социально-политических или идеологических взглядов должен иметь право быть отраженным в средствах массовой информации, возможность создавать печатные органы, охват аудитории и тиражи которых будут соответствовать социальному спросу. Следовательно, должна быть радикально изменена вся система разрешений на публикацию периодических изданий, ограничения тиражей и распределения бумаги и подчинения этой системы социальному контролю. [...] Кроме то-

* Следует заметить, что монотематических литературных журналов в Польше почти нет: как правило, можно говорить о культурно-общественных или литературно-художественных изданиях. Речь в статье идет о положении журналов, публикующих на своих страницах и художественные тексты, и литературно-критические статьи, а также о тех *не* научных изданиях, которые информируют читателя о новинках литературного процесса.

го, вопрос цензуры средств массовой информации. Опасаюсь, что в сегодняшней ситуации, особенно геополитической, существование цензуры является необходимым злом. Однако следует свести это зло к минимуму, т.е. ограничить функции цензуры защитой подлинных интересов и безопасности государства и отказаться от защиты — как прежде — интересов власти или партии путем ограничения информации или устранения взглядов, которые кого-то не устраивают»².

Цензура была официально отменена более чем через год — 6 июня 1990 г. Но редакции журналов отреагировали на еще не закрепленную законом свободу моментально — публикации ранее запрещенных в Польше и в СССР текстов начались сразу: журнал «*Życie Literackie*» («Жиче Литерацке» / «Литературная жизнь») напечатал «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и «В круге первом» Александра Солженицына³; журнал «*Literatura na Świecie*» («Литература на Швече» / «Литература в мире») выпустил сдвоенный номер⁴, посвященный творчеству Владимира Высоцкого, Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Леонида Пастернака, Геннадия Айги, Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Владимира Войновича; журнал «*Polityka*» («Полигыка» / «Политика») опубликовал стенограмму процесса над Иосифом Бродским 1964 г.⁵; в журналах «*Polityka*», «*Literatura*» («Литература» / «Литература»), «*Odra*» («Одра / «Одра»), «*W drodze*» («В дродзе» / «В пути»), газетах «*Gazeta Wyborcza*» («Газета Выборча» / «Газета избирателя»), «*Tygodnik Powszechny*», «*Tygodnik Solidarność*» («Тыгодник Солидарношьць» / «Еженедельник Солидарность»), «*Tygodnik Literacki*» («Тыгодник Литерацки» / «Литературный еженедельник»). В приложении «*Ex Libris. The Polish and East European Review of Books*» («Экслибрис. Польское и восточно-европейское книжное обозрение») появились продолжившиеся в дальнейшем публикации, связанные с приездом польских писателей-эмигрантов: материалы, посвященные Ежи Косиньскому (1989), Янушу Гловацкому (1989), Александру Вату (1989, в связи с приездом его вдовы), Чеславу Милошу (1989, 1990), Станиславу Винцензу (1989), Станиславу Бараньчаку (1990), Владзимежу Одоевскому (1991), Збигневу Херберту (1991), Густаву Герлингу-Грудзиньскому (1991), Хенрику Гринбергу (1992) и т.д.; в 1990 г. крупнейшая польская газета «Газета Выборча» ввела рубрику «Возвращения», комментирующую публикации в стране писателей-эмигрантов и пр.

Уже в 1989 г. было ликвидировано Главное управление по контролю над публикациями и зрелищами, т.е. орган, выдававший разрешение (а точнее, как правило, отказывавший в таковом под предлогом дефицита бумаги) на создание любого официального печатного издания. Новые условия: открытие границ, появление свободного рынка, отсутствие препон в распространении, относительно дешевая и быстрая печать, — благоприятствовали изданию газет и журналов, в том числе связанных с областью литературы и культуры в целом. Интеллигенция, особенно молодежь, охотно пользовалась новыми возможностями: создавались общества и фонды, выпускавшие новые периодические издания; в первое десятилетие после 1989 г. они появлялись во множестве по всей стране. Таким образом, первоначальный — стихийный — расцвет рынка польской литературной периодики можно определить как спонтанную реакцию на обретенную свободу коммуникации и потребность в самоидентификации в этих новых условиях.

Ситуация с литературно-критическими изданиями отразила общий процесс децентрализации культурной жизни в новой Польше. Не все они были сосредоточены исключительно на проблематике, связанной с конкретным регионом, однако породила их, безусловно, возникшая после разрушения централизованной системы управления культурой потребность активизировать литературную и культурную жизнь *на местах*, в той или иной точке Польши. «Нет никаких сомнений в том, что мы влияли на литературную жизнь в городе — на наши мероприятия [...] приходило порой более трехсот человек»⁶, — вспоминает создатель одного из подобных провинциальных изданий. Во вступительной статье к первому номеру одного из новых журналов редакция писала: «Значимой видится проблема литературной критики, которой следует оживить литературную жизнь, восстановить связи внутри среды»⁷. Создавались новые газеты и журналы местной интеллигенцией — научной и творческой, часто при поддержке местной или районной администрации, и были адресованы, прежде всего, конкретной читательской аудитории. Организация «своего» издания также укрепляла собственные позиции молодых авторов на книжном рынке: «Это был момент, когда каждый, кто хотел занять место на рынке — особенно молодые, еще не дебютировавшие писатели — создавали собственные литературные журналы»⁸. Характерно,

что названия некоторых непосредственно или опосредованно отсылали к месту издания и/или топосу («Borussia» — «Боруссия» / «Боруссия»*; «Krasnogruda. Narody, kultury, małe ojczyzny Europy Śródkowo-Wschodniej» — «Красногруда. Народы, культуры, мале ойчызны Эуропы Сьрудково-Всходней» / «Красногруда. Народы, культуры, малые родины Центральной и Восточной Европы»; «Latarnia Morska» — «Лятарня Морска» / «Маяк»), к более широкому понятию провинции или пограничья («Kresy» — «Кресы» / «Кресы»**); «Pogranicza. Szczeciński Dwumiesięcznik Kulturalny» — «Погранича. Щециньски Двумещенник Культуральны» / «Пограничья. Щецинский культурный журнал»; «Siódma Prowincja» — «Сюдма Провинця» / «Седьмая провинция»; «Miesięcznik Prowincjonalny» — «Мещенник Провинцьональны» / «Провинциальный журнал»; «Tygiel Kultury. Miesięcznik społeczno-kulturalny» — «Тыгель Культуры. Мещенник сполечно-культуральны» / «Культурный тигль. Общественно-культурный журнал»; «Łabuź. Prowincjonalny Okazjonalnik Literacki» — «Лабузь. Провинцьональны Оказьональник Литерацки» / «Камыш. Провинциальный окказиональный литературный журнал»), к идее предоставления трибуны молодым авторам («Pracownia. Pismo literackie» — «Працовня. Писмо литерацке» / «Мастерская. Литературный журнал»; «Дукcja. Pismo literacko-artystyczne» — «Дыкця. Писмо литерацко-артыстычне» / «Дикция. Литературно-художественный журнал»; «Studium. Pismo literacko-artystyczne» — «Студьум. Писмо литерацко-артыстычнэ» / «Штудии. Литературно-художественный журнал»).

Отметим (в порядке их появления на рынке) наиболее интересные из действительно *огромного* множества возникших на волне «бума» изданий так называемой «формации 1989»⁹.

♦ «Pracownia. Pismo literackie» («Працовня. Писмо литерацке» / «Мастерская. Литературный журнал», Остроленка, с 1989 г., раз в квартал). Занимаясь первоначально главным образом литературой и искусством региона, это издание затем стало публиковать на своих страницах стихи и прозу авторов из всей Польши, а также литератур-

* Латинское название Пруссии.

** Восточные Кресы (от польск. «окраины») — поликультурное и полирелигиозное пространство польско-украинского, польско-литовского, польско-белорусского пограничья, в значительной степени сформировавшее национальный дискурс.

но-критические тексты и рецензии, в том числе связанные с литературным процессом Белоруссии и Украины (цикл «Ближайший Восток»). Название журнала акцентировало желание его создателей предоставить молодым авторам свободную трибуну для творческого диалога с маститыми художниками. Во второй половине 1990-х гг. «Працовня» активно публиковала тексты поколения писателей, родившихся в 1970-е гг.

♦ «Kresy» («Кресы» / «Кресы», Люблин, 1990–2010, раз в квартал). Созданный местными полонистами и культурологами журнал представлял творчество (художественные тексты, эссеистику, литературоведческие статьи, рецензии) авторов разных поколений — от Густава Герлинга-Грудзиньского и Тадеуша Ружевица до самых молодых. Проблематика Кресов, окраин, пограничья понималась редакцией широко: «Кресовая традиция — не монолит. В ней есть разные течения. [...] пора бы уже попытаться показать ее внутреннюю дифференцированность и конфликты в лоне ее традиции. Кресы — в широком понимании — это периферии, окраины. Вдали от центра, официоза, моды и суеты. Представляется разумным исследовать периферии европейской культуры. [...] Имеет также смысл заглянуть на периферии и окраины интересов, моды и привычек. [...] „Кресовость” — это также конец определенного периода времени, можно сказать, завершение определенной эпохи. Это кризисная ситуация, состояние исчерпанности ряда культурных и литературных моделей»¹⁰.

♦ «Borussia» («Борусся» / «Боруссия», Ольштын, 1991–2017, два раза в год). Журнал был ориентирован, прежде всего, на тематику пограничья, польско-немецких связей в районе Вармии и Мазур. Порожденный концепцией открытого регионализма* и характерными для начала 1990-х гг. местными инициативами, журнал на протяжении всего времени своего существования последовательно при-

* По определению проф. Роберта Трабы, основателя Культурного сообщества «Боруссия», «открытый регионализм обращен к будущему, стремится к определению себя в мире путем открытости и одновременно идентификации с местом, в измерении локальном и региональном, через интерактивное соприкосновение семейной памяти и „не нашего” наследства». (Rozmowa z prof. Robertem Trabą, dyrektorem Centrum Badań Historycznych Polskiej Akademii Nauk w Berlinie, założycielem Wspólnoty Kulturowej Borussia // Pomerania. 2013. № 4. Цит. по: Obserwatorium żywej kultury — sieć badawcza. URL: <http://ozkultura.pl/wpis/949/7>. Дата обращения: 08.07.2019.)

держивался этой программы, публикуя материалы, посвященные прошлому, современной специфике и перспективам региона, области взаимного проникновения и сосуществования культур, религий и традиций. В «Боруссии» публиковались как местные малоизвестные поэты и прозаики, так и авторы, уже получившие известность в Польше.

♦ «Siódma Prowincja» («Сюдма Провинция» / «Седьмая провинция»), Серадз, с 1991 г., раз в квартал). Журнал, важное место в котором занимает раздел «Литература. Искусство. Рецензии», выполняет для Лодзинского воеводства культуртрегерские функции, а также пропагандирует творчество местных авторов.

♦ «Tytuł» («Тытул» / «Заглавие»), Гданьск, 1991–2002, раз в квартал). Созданный крупным гданьским прозаиком Стефаном Хвином и его женой журнал печатал, прежде всего, поэзию, прозу, интервью, эссе местных авторов: самого Хвина, а также Войцеха Венцеля, Павла Хюлле, Ирены Куран-Богущкой, Кристины Ларс* и др. Уделяя главное внимание различным аспектам поликультурного характера Гданьска и соседних — скандинавских и прибалтийских — стран, журнал опубликовал также немало произведений как молодых, так и маститых авторов, не связанных с регионом (Юрий Лотман, Чеслав Милош, Анджей Щипёрский, Ежи Пильх и др.).

♦ «Fraza. Poezja-Proza-Esej» («Фраза. Поэзия-Проза-Эсей» / «Фраза. Поэзия-Проза-Эссе»), Жешув, с 1991 г., раз в квартал). Журнал был создан молодыми сотрудниками Высшей педагогической школы Жешова с мыслью о начинающих поэтах, прозаиках и критиках, однако публикуются здесь и известные авторы. Акцентируя внимание на проблемах, прежде всего, юго-восточной части Польши, польско-украинского пограничья (а также украинской литературы, что способствует укреплению культурных связей с соседней страной), на различных проявлениях поликультурности этих территорий, «Фраза» не ограничивается данной проблематикой, сопоставляя происходящее в регионе и за его пределами: таким образом, изданию удается совмещать общепольский и локальный характер, отслеживать явления текущего литературного процесса, характерные как для страны в целом, так и для региона.

* Псевдоним Кристины Хвин.

♦ «Arkusz. Miesięcznik Kulturalny» («Аркуш. Мешенчик Культуральный» / «Лист. Культурный журнал», Познань, с 1991 г., раз в месяц). Журналу «Аркуш», возникшему как воскресное приложение (1991–1994 гг.) к газете «Głos Wielkopolski» («Глос Велькопольски» / «Голос Великопольши»), удалось и в дальнейшем сохранить «газетный» характер: он оперативно реагирует на события и явления современной художественной культуры, уделяя основное внимание проблемам литературы. Это программное мультипоколенческое и общепольское издание, хотя большинство авторов составляют представители познанской интеллектуальной среды. «Аркуш» гордится тем, что на его страницах нередко появлялись первые публикации произведений крупных поэтов (таких, как Вислава Шимборская, Станислав Бараньчак, Юлия Хартвиг).

♦ «Łabuź. Prowincjonalny Okazjonalnik Literacki» («Лабузь. Провинциальный Оказьональник Литерацки» / «Камыш. Провинциальный окказиональный литературный журнал», Лобез, с 1992 г., раз в квартал). Созданный в маленьком городке на Поморье силами местной интеллигенции журнал определяет себя как историко-литературное издание, занимается современной и далекой историей города и региона, имеет обширный литературный отдел, представляющий прозу и поэзию, а также рецензии на выходящие вне «мейнстрима» или малыми тиражами местных издательств книги, связанные с Западно-Поморским воеводством, а также материалы, посвященные провинциальной культуре, особенное внимание уделяя области поэзии. «Лабузь» — одна из интереснейших издательских инициатив в рамках того, что можно, по аналогии с открытым регионализмом, назвать открытым провинциализмом («Камыш — болотное растение. Нащупывая корнями под водой комочки почвы, оно укрепляет свой фундамент. Так и „Лабузь”, который нащупывает в пространстве комочки истории, сознания, ценностей. В этом, пожалуй, его сила. [...] Наши корни здесь все еще неглубоки. [...] [провинциальность. — *И. А.*] активизирует, обусловливает, определяет, заставляет понять, узнать, объяснить себе»¹¹).

♦ «Przegląd Artystyczno-Literacki» («Пшеглэнд Артыстычно-Литерацки» / «Художественно-литературное обозрение», Торунь, 1992–2002, раз в месяц). Журнал был создан силами исследователей-гуманитариев из Университета имени Николая Коперника и творческой (главным образом, литературной) среды Куявско-Поморского вое-

водства. Это определило научно-художественный характер издания, публикующего глубокие литературоведческие статьи и произведения местных писателей.

♦ «Magazyn Literacki KSIĄŻKI» («Магазин Литерацки КЩЁН-ЖКИ» / «Литературный журнал КНИГИ», Варшава, с 1992 г., раз в месяц). Журнал первоначально назывался просто «Magazyn Literacki» («Магазин Литерацки» / «Литературный журнал»), выходил нерегулярно и публиковал поэтические и прозаические произведения, главным образом, дебюты, а также литературно-критические тексты и рецензии. С 2001 г. стал выходить ежемесячно под новым названием, сделавшись крупнейшим в Польше печатным органом, регулярно представляющим читателю десятки рецензий, интервью с писателями, новинки издательского рынка и публицистические тексты, а также — по меньшей мере четыре раза в год — тематические приложения.

♦ «Krasnogruda. Narody, kultury, małe ojczyzny Europy Śródkowo-Wschodniej» («Красногруда. Народы, культуры, мале ойчызны Эуропы Сьрудково-Всходней» / «Красногруда. Народы, культуры, малые родины Центральной и Восточной Европы», Сейны, с 1993 г., нерегулярно). Издаваемый на границе Польши и Литвы журнал много внимания уделяет стереотипам, связанным с понятием провинции, проблематике поликультурности регионов Центральной Европы. Названия некоторых постоянных рубрик говорят сами за себя: «Национальные и религиозные братства» (история и культура малых регионов, национальных и религиозных групп), «Периферии» (культурные явления вне центров, вне мейнстрима) и др.

♦ «Kwartalnik Artystyczny. Kujawy i Pomorze» («Квартальник Артыстычны. Куявы и Поможе» / «Художественный ежеквартальник. Куявы и Поморье», Быдгощ, с 1993 г., раз в квартал). Журнал, первоначально издававшийся Быдгоским театром, адресован тем, кто интересуется культурой и, прежде всего, литературой, публикует произведения как известных авторов, так и дебютантов. В числе авторов журнала такие крупнейшие фигуры польской литературы, как Чеслав Милош, Збигнев Херберт, Густав Герлинг-Грудзинский, Ян Блоньский, Станислав Лем, Рышард Капуцинский, Вислава Шимборская, Тадеуш Ружевиц, Юлия Хартвиг, Хенрик Гринберг, Юлиан Корнхаузер, Стефан Хвин, Антоний Либера, Рышард Крыницкий, Петр Зоммер.

♦ «Opisje. Kwartalnik Kulturalny» («Опсье. Квартальник Культуральны»), / «Опции. Культурный ежеквартальник», Катовице, с 1993 г., раз в квартал). Главной своей задачей журнал считает мониторинг новых явлений культуры. На протяжении своего существования «Опсье» выпускали ряд литературных приложений: «Na dziko» («На дзико» / «Дикарем», 1995–1997), поэтическую страничку, «Kursywa» («Курсыва» / «Курсив», 2000–2002, впоследствии стала самостоятельным изданием).

♦ «Topos. Dwumiesięcznik Literacki» («Топос. Двумещенчик Литерацки» / «Топос. Литературный журнал», Сопот, с 1993 г., раз в два месяца). Журнал специализируется на тематических номерах, посвященных тому или иному автору (например, Константы Ильдефонсу Галчиньскому, Збигневу Херберту, Чеславу Милошу, Тадеушу Ружевицу, Мирону Бялошевскому, Юлии Хартвиц, Ярославу Мареку Рымкевичу, Рышарду Капуциньскому, Тымотеушу Карповичу, ксендзу Яну Твардовскому, Юлиану Корнхаузеру, Станиславу Бараньчаку, а также Райнеру Марии Рильке, Францу Кафке, Томасу Мертону, Джеймсу Джойсу и др.).

♦ «Pogranicza. Szczeciński Dwumiesięcznik Kulturalny» («Погранича. Щечиньски Двумещенчик Культуральны») / «Пограничья. Щечинский культурный журнал», Щецин, 1994–2012, раз в два месяца). Созданный представителями писательской и университетской среды Щецина журнал публиковал материалы, связанные с историей культуры и художественной жизнью города и региона, проблематикой широко понимаемого пограничья (этнического, культурного, художественного), а также прозу, поэзию (в том числе дебютантскую), литературную критику. Много внимания «Погранича» уделяли культурным связям с близлежащими Германией и скандинавскими странами.

♦ «Portret. Pismo literacko-kulturalne» («Портрет. Писмо литерацко-культуральнэ») / «Портрет. Литературно-культурный журнал», Ольштын, 1995–2010, нерегулярно). Концепцией «Портрета» было создание «литературного портрета, со множеством перспектив, точек зрения, мыслей и опытов»¹². Открытый для дебютантов журнал содержал обширный раздел литературной критики, публиковал прозу, поэзию, эссеистику (в том числе переводы, в первую очередь, со славянских языков), а также материалы, посвященные проблемам философии, кино, театра, музыки.

♦ «Przecinek. Małe prozy i marginalia Jerzego Pluty» («Пшечинек. Мале прозы и маргиналя Ежего Плюты» / «Запятая. Малая проза и маргиналии Ежи Плюты», Вроцлав, 1995–2002, нерегулярно). «Пшечинек» был едва ли не единственным в Польше авторским литературным журналом, содержание которого составляли тексты одного автора, прозаика и литературного критика из Вроцлава, являвшегося одновременно редактором, художником и издателем.

♦ «Tygiel Kultury. Miesięcznik społeczno-kulturalny» («Тыгель Культуры. Мещенчик сполечно-культуральны» / «Культурный тигль. Общественно-культурный журнал», Лодзь, с 1996 г., раз в месяц). Уделяя основное внимание региональной тематике, журнал освещает литературные и художественные явления, характерные для Польши в целом и даже Европы (монографические номера, посвященные балканским проблемам, культуре Центральной Европы и пр.).

♦ «Awers. Ogólnopolski dwumiesięcznik literacko-społeczny» («Аверс. Огульнопольски двумещенчик литерацко-сполечны» / «Аверс. Общепольский литературно-общественный журнал», Влоцлавек, с 1996 г., раз в два месяца). Созданный в маленьком провинциальном городе журнал, по словам одного из его организаторов, даже заставил Ежи Гедройца, создателя парижской «Культуры» «обратить внимание на Влоцлавек — как место, где, несмотря ни на что, может родиться нечто конструктивное»¹³.

♦ «Dukcja. Pismo literacko-artystyczne» («Дыкця. Письмо литерацко-артыстычне» / «Дикция. Литературно-художественный журнал», Вроцлав, 1996–2000, нерегулярно). Выросший из студенческого издания журнал публиковал, прежде всего, стихи и рассказы молодых авторов (1960–70-х гг. рождения), интервью, эссе, рецензии, а также переводы (в основном, учитывая связь региона с немецкой культурой, с немецкого). Среди авторов — Анжей Сосновский, Эугениуш Ткачишин-Дыцкий, Кшиштоф Келер, Войцех Венцель, Кшиштоф Сивчик, Марцин Сендецкий, Бартломей Майзель, а также вроцлавские писатели Адам Боровский, Ежи Лукош, Эва Зонненберг, Михал Витковский, Марцин Курек.

♦ «Arkadia. Pismo Katastroficzne» («Аркадя. Писмо Катастрофичнэ» / «Аркадия. Катастрофический журнал», Миколув, с 1996 г., нерегулярно). Журнал ставит своей целью интеграцию творческой и интеллектуальной среды Верхней Силезии. Публикует, главным

образом, художественные тексты (прежде всего, поэзию), а также эссе, посвященные литературе и другим видам искусств. В целом «Аркадия» носит региональный характер, хотя среди авторов не только писатели и критики, связанные с Миколувом, но и варшавяне, и краковяне. Журнал публикует также многочисленные материалы, посвященные личности и творчеству родившегося в Миколуве культового поэта Рафала Воячека.

♦ «Miesięcznik Prowincjonalny» («Мещенчик Провинциальный» / «Провинциальный журнал», Радом, 1998–2016, раз в два месяца). Журнал являлся программно региональным изданием, хоть и не чуждался более широкой проблематики и объединял интерес к радомскому региону с универсальными рефлексиями, представлял как местных авторов, так и значительные явления польской и мировой художественной жизни.

♦ «Dziennik Portowy» («Дзенник Портовы» / «Портовый дневник», Легница, 1997–2003, нерегулярно). На страницах журнала печатались уже не только местные поэты, как в газете «Gazeta Forteczna» («Газета Фортечна» / «Крепостная газета»), из которой он вырос, но и другие авторы (Войцех Бонович, Анджей Сосновский, Мариуш Гжебальский и др.), а также переводы, интервью, дискуссии, эссе.

♦ «Studium. Pismo literacko-artystyczne» («Студьум. Писмо лите-рачко-артыстычнэ» / «Штудии. Литературно-художественный журнал», Краков, 1998–2008, раз в два месяца). Созданный студентами Ягеллонского университета журнал со временем стал одним из наиболее авторитетных польских изданий молодых литераторов¹⁴. «Студьум» ставил перед собой задачу «представить наиболее интересные явления молодой [неслучайно в 2005 г. подзаголовок был изменен на «Журнал о молодой литературе». — *И. А.*] — и самой молодой — польской и зарубежной литературы»¹⁵ во всем их разнообразии, причем стремился информировать читателя об авторах, не связанных с журналом «brulion»* и не являющихся последователями Новой волны** («нам было важно иметь собственный голос — с одной стороны, не присоединяться к слишком назойливо звучащему тогда хору поклонников „brulion”, с другой — не ходить на поклон

* Культовый журнал, ставший визитной карточкой части поколения молодых авторов 1960-х гг. рождения (подробнее см. ниже).

** Направление польской поэзии 1968–1976 гг.

к Корнхаузеру* или Маю**, дабы получить художественное благословение»¹⁶). На страницах журнала писатели, как правило, были представлены комплексно: интервью, фрагменты последних текстов, критика, рецензии. «Студьум» часто знакомил читателя с еще не дебютировавшими или только что дебютировавшими на книжном рынке авторами. Больше ни один регулярно выходивший в бумажном виде журнал не рисковал печатать такое количество начинающих писателей и поэтов. Подобным образом подбирались книги для рецензирования.

♦ «Nowa Okolica Poetów» («Нова Околица Поэтув» / «Новые поэтические окрестности», Жешув, с 1998 г., раз в квартал). Основанный группой поэтов из подкарпатского Жешува журнал полностью посвящен современной поэзии — польской и зарубежной (отсылающие к названию журнала рубрики — «Польско-немецкие окрестности», «Польско-американские окрестности», «Польско-итальянские окрестности»). На страницах «Новых поэтических окрестностей» регулярно публикуются авторы разных поколений и разной степени известности: Юлия Хартвиг, Людмила Марьянская, Аугустын Баран, Кшиштоф Карасек, Юзеф Курыляк, Ярослав Суйчиньский, Роберт Мельхорский, Тадеуш Витковский, Рышард Капуцинский, Ярослав Миколаевский, Войцех Касс, Януш Залевский, Ярослав Маркевич, Адриана Шиманьская, Кристина Родовская, Иоанна Вайс, Веслав Куликовский и др.

♦ «Przeźnik» («Пшеказьник» / «Передатчик», Строне Слёнске, с 1998 г., раз в месяц). Задача журнала — продвижение молодых местных авторов, причем редакция старается не публиковать критические отзывы о напечатанных на страницах «Пшеказьника» текстах и никак их не оценивать, стремясь быть форумом свободного творчества.

♦ «Undergrunt» («Андергрунт» / «Андергрунт», Торунь, 1998–2005, нерегулярно). Журнал был посвящен, главным образом, самой современной литературе, прежде всего прозе Вармии и Мазур, Куяв, Гданьского поморья. Созданный студентами, он быстро приобрел популярность и публиковал на своих страницах таких значимых

* Юлиан Корнхаузер (р. 1946) — польский поэт и литературный критик, крупнейший представитель течения Новая волна.

** Бронислав Май (р. 1953) — польский поэт, эссеист, критик.

писателей и критиков, как Яцек Подсядло, Яцек Денель, Даниэль Одий, Ежи Яжембский, Кинга Дунин, Роберт Осташевский и др.

♦ «На!art» («Ха!арт» / «Ха!арт»), Краков, с 1999 г., раз в квартал). Созданный студентами Ягеллонского университета журнал стал подлинной трибуной молодой литературы и критики (с акцентом на проблемы антропологии и социологии). Отличительной особенностью журнала являются обширные эссе и тематические рубрики (например, ангажированная литература, кэмп, политическая литература, ЛГБТ-литература, литературный Интернет и т.д.). Журнал завоевал репутацию одного из важнейших периодических изданий, программно представляющего творчество молодых польских авторов, и до сих пор в значительной степени определяет лицо культуры Кракова.

♦ «PIMKA» («ПИМКА» / «ПИМКА»), Гданьск, с 1999, нерегулярно). Журнал, название которого, очевидно, отсылает к роману Витольда Гомбровича «Фердидурка», был создан силами молодых поэтов и прозаиков Гданьска, Сопота и Гдыни, а также студентов Научного кружка полонистов Гданьского университета. Является трибуной начинающих авторов и переводчиков. Особое внимание уделяет феминистской критике, а также исследованиям, касающимся молодой литературы.

Новые периодические издания способствовали ускорению и углублению обмена информацией о литературе, оживлению литературного быта в провинции, выработке толерантности относительно эстетических вкусов, литературных взглядов и концепций, внезапно обнаруживших свое разнообразие, распаду единой системы критериев и в результате, с одной стороны, многообразию литературной продукции, с другой — расцвету графомании, который отметила, в частности, Мария Янион: «Децентрализация нарушила все критерии оценки, например, эстетической. Именно на этих „малых родинках“, которые я раньше так любила, выходит такое множество графоманий»¹⁷. Возражая исследовательнице с перспективы двух десятков лет, Рената Нольбжак утверждает, что, тем не менее, «анализируя явление в целом, невозможно переоценить значимость новых ценностей, которые вносили появлявшиеся литературные журналы в польскую культуру»¹⁸. В частности, они сыграли огромную роль в выработке языка дискуссий о самоидентификации отдельных регионов.

Во многих случаях журналы становились первым звеном культурной цепочки, давая начало фондам, издательствам, конкурсам, то есть расширяя инфраструктуру и питая конкуренцию. Среди журналов (в том числе сохранившихся после 1989 г. бывших подпольных изданий и изданий, появившихся в 2000-е гг., речь о которых пойдет дальше), основавших собственные издательства или выпускавших свои «Библиотеки»:

- «brulion» («брульон» / «черновик»): несколько десятков книг, несколько поэтических серий, дебюты значимых молодых поэтов Яцека Подсядло, Марцина Светлицкого, Марцина Барана, Марцина Сендецкого, Гжегожа Врублевского, Кшиштофа Яворского, Павла Филяса, Якуба Экера;

- «FA-art» («ФА-арт» / «ФА-арт»): значимые имена и позиции, среди которых «Антология постнатального творчества. D.G.J.L.O.S.W» Цезария К. Кендера, «Виданные повести» Войцеха Кучока, «Книга заклятий» Анджея Тузьяка;

- «Czas Kultury» («Час Культуры» / «Время Культуры»): книги авторов, во многом определивших ландшафт польской молодой прозы 1990-х гг., например, «Фракталы», «Книга паштетов» Наташи Гёрке; «Абсолютная амнезия» Изабеллы Филипяк; «Белый ворон» Анджея Стасюка; поэтические сборники Адама Видемана, Марцина Светлицкого, Мариуша Гжебальского, Мацея Рембажа, Збигнева Махея, Тадеуша Жуковского и др.;

- «Tytuł» («Тытул» / «Заглавие»): книги таких крупных авторов разных поколений, как Александр Юревич, Збигнев Жакевич, Стефан Хвин, Войцех Венцель, Казимеж Новосельский, Збигнев Янковский;

- «Kresy» («Кресы» / «Кресы»): поэтические сборники Анджея Сосновского, Дариуша Фокса, Анджея Невядомского, Тадеуша Пюро, Эугениуша Ткачишина-Дыцкого и др.; литературно-критическая серия, в которой вышли книги Марека Адамеца, Петра Зоммера;

- «Lampa i Iskra Boża» («Лампа и Искра Божья» / «Лампа и Искра Божья»): несколько десятков книг, в том числе такие значимые для пространства молодой литературы издания: «Парнас бис — словарь польской литературы, год рождения 1960-й и позже», «Вот вам ваши поэты. Антология польской лирики, год рождения 1960-й и позже»; поэтические сборники Яцека Подсядло, Казимежа Малиновского,

Войцеха Козака, Славомира Буршевского; проза Яна Собчака, Марек Сеправского, Анджея Новака, Войцеха Плохарского; эссеистика Ярослава Клейноцкого;

- «Fraza. Poezja-Proza-Esej» («Фраза. Поэзия-Проза-Эсей» / «Фраза. Поэзия-Проза-Эссе»): несколько десятков книг, в частности, поэтические сборники Мариуша Каляндька, Алиции Новославской, Магдалены Зых, Станислава Длуского, Гжегожа Коцюбы, Казимежа Ожога, Яна Вольского, Адама Лизаковского, Януша А. Агнатовича;

- «Pracownia. Pismo literackie» («Працовня. Писмо литерацке» / «Мастерская. Литературный журнал»): значимые поэтические дебюты Мариуша Гжебальского, Дариуша Сосницкого, Дариуша Лукашевского;

- «Portret. Pismo literacko-kulturalne» («Портрет. Писмо литерацко-культуральне» / «Портрет. Литературно-культурный журнал»): более полутора десятков книг, в том числе Мариуша Сеневица, Иоанну Виленговскую, Яцека Углика, Эву Берент;

- «Topos. Dwumiesięcznik Literacki» («Топос. Двумещенчик Литерацки» / «Топос. Литературный журнал»): более полутора сотен книг, в том числе поэзия Кшиштофа Карасека, Збигнева Янковского, Тересы Ференц, Богуславы Лятавец, Ардианы Шиманьской, Ежи Гужаньского, Лешека Александра Мочульского, Мечислава Махницкого, Славомира Матуша, Яна Польковского, Войцеха Касса, Пшемислава Даковича, Тадеуша Домбровского, Войцеха Гавловского, Войцеха Кудыбы, Гжегожа Коцюбы, Михала Козловского, Иоанны Рошак, Артура Новачевского, Кристины Домбровской, Мирослава Дзенья, Ярослава Якубовского и др., а также сборники эссе;

- «Na!art» («Ха!арт» / «Ха!арт»): более пятидесяти книг, несколько серий современной поэзии, прозы, литературы pop-fiction и т.д., гипертекстуальные романы, CD-book и пр.; среди авторов — Михал Витковский, Славомир Схуты, Марта Дзидо, Лукаш Орбитовский, Петр Мацежиньский, Ясь Капеля;

- «Studium. Pismo literacko-artystyczne» («Студьум. Писмо литерацко-артыстычнэ» / «Штудии. Литературно-художественный журнал»): почти сто книг. Среди них Анджеем Сосновский, Кшиштоф Сливка, Баргломей Майзль, Томаш Ружицкий, Войцех Бонович. Дебюты Иоанны Мюллер, Юстыны Баргельской, Иоанны Вайс, Яцека Денеля, Войцеха Кучока, Адама Видемана;

• «Pro-Libris» («Про-Либрис» / «Про-Либрис»): более ста книг, прежде всего художественной литературы. Это поэтические сборники, романы, рассказы авторов Любуского воеводства;

• «Dukcja. Pismo literacko-artystyczne» («Дыкця. Письмо литерачко-артыстычне» / «Дикция. Литературно-художественный журнал»): Михал Витковский, Марцин Курек, Агнешка Вольны, Миколай Сажиньский и т.д.

Многие региональные журналы, возникшие в 1990-е гг. или позже, занимались и/или занимаются также другой культуртрегерской деятельностью. Например, крупнейших авторов собирает каждые два года в Сопоте фестиваль поэзии, организуемый журналом «Топос»; «Альманах Провинциональный» устраивает презентации новых номеров, что привлекает достаточно много народу; журнал «Про-Либрис» представляет каждый номер по обе стороны польско-немецкой границы; «Топос» — организатор Общепольского поэтического конкурса имени Р. М. Рильке, а также Фестиваля поэзии; «Портрет» проводит авторские вечера; «Дыкця» совместно с Вроцлавским университетом — общепольские конференции; «Ха!арт» — фестивали молодой литературы, конференции (а кроме того, у него имеется собственный книжный магазин); «Альманах Провинциональный» в связи с выходом каждого номера журнала устраивает поэтический вечер, сопровождаемый концертом и выставкой; «eleWator» («элеВатор» / «элеВатор») регулярно организует презентации номеров журналов и т.д.

Таким образом, благодаря своей комплексной деятельности, периодические издания в новых условиях пропагандировали, в первую очередь, молодых авторов (часто на свой страх и риск), публикуя их на страницах своего журнала, затем в своем издательстве, знакомя с ними публику во время различных культурных мероприятий. Журналы становились «опытным полигоном» новой эстетики, «вкладывая средства в эксперимент и в случае успеха получая лишь часть прибыли, поскольку десятки молодых авторов, дебютировав в журнале, а затем выпустив в соответствующем издательстве первую книгу, переходили в более крупное издательство или — подобно Гретковской, Стасюку, Токарчук — создавали собственное»¹⁹.

Иначе говоря, складывалось то, что Петр Сливиньский и Пшемислав Чаплиньский назвали «литературной республикой со многими центрами»²⁰. По словам Адриана Синковского, «и журналы, функ-

ционировавшие официально, такие как „Twórczość” [„Творчество” / „Творчество”. — *И. А.*] или „Одра”, и те, которые выходили подпольно или даже эмигрантские „Zeszyty Literackie” [„Зешиты Литерацке” / „Литературные тетради”. — *И. А.*], хоть и не без скрипа, были вынуждены считаться с новыми явлениями в литературе, связанными с культурными центрами Лодзи, Быдгоща, Остроленки, Сопота, Щецина, Ольштына. Такие журналы, как „Борусся”, „Фраза”, „Погранича”, часто идентифицировавшие себя посредством категории места, активизировали сознание местных сообществ, немало способствовав рождению явления, которое стали именовать литературой малой родины»²¹.

Лишь некоторым региональным журналам (например, познавательным изданиям «Nowy Nurt. Ogólnopolski dwutygodnik literacki» — «Новы Нурт. Огульнопольски двутыгодник литерацки» / «Новое течение. Общепольское литературное издание»; «Аркуш») удалось стать общепольскими, однако благодаря Интернету со временем большинство из них получило неограниченную аудиторию²².

Другим значимым явлением 1990-х гг. стало возникновение изданий «быстрого реагирования», выходящих раз в неделю или в две недели. В их числе были «Тыгодник Литерацки» (1990–1991), «Wiadomości Kulturalne» («Вядомошчы культуральне» / «Культурные известия», 1994–1997, еженедельник), «Sycyna» («Сицина» / «Сицина», 1993–1999, раз в две недели), «Новы Нурт. Огульнопольски двутыгодник литерацки» (1994–1996, раз в две недели). О последнем стоит сказать более подробно. «Новы Нурт», отсылавший к названию издававшегося в 1965–1989 гг. в Познани общественно-культурного журнала «Nurt» («Нурт» / «Течение»), был создан с целью предоставления страниц именно молодым авторам. Журнал оперативно реагировал на события литературной жизни, прежде всего того ее сегмента, который был связан с молодой прозой и поэзией. На страницах издания были опубликованы произведения Марцина Светлицкого, Яцека Подсядло, Марцина Сендецкого, Кшиштофа Келера и др., определивших лицо новой польской поэзии 1990-х гг., а также работы ведущих молодых критиков. Отличительной чертой журнала «Новы Нурт» — в противовес многим другим новым периодическим изданиям — была установка на преемственность. Просуществовавший всего два года журнал стал подлинной, весь-

ма содержательной хроникой текущего литературного процесса — в первую очередь, творчества и взглядов молодых его участников во всем их разнообразии, а также ареной бурных литературно-критических дискуссий. Выходивший раз в две недели «Новы Нурт» оперативно и ярко реагировал на издательские новинки и явления литературной жизни. Каждый номер открывался эссе, посвященным той или иной проблеме современной литературы, в каждом номере печаталось большое интервью с известным или начинающим писателем, а также его новые тексты и посвященные им критические отзывы. Одной из идей журнала было привлечение самых молодых авторов к более активному и разнообразному участию в литературной жизни: дебютанта, опубликовавшегося на страницах издания, приглашали затем выступить в роли критика, брали у него интервью и т.д. В основе концепции журнала лежала идея диалога, воплощающегося не только в непосредственных дискуссиях, но и в соседстве на одной «трибуне» самых разных художественных и критических текстов и личностей. Диалог различных стратегий, представление различных сегментов молодой литературной среды (литераторы, связанные с журналами «брульон», «ФА-арт», «Фраза», «Литература на Щвече», силезские поэты), публикации дебютантов, рецензирование, предоставление читателю информации о других литературных журналах и т.д., с одной стороны, способствовали выстраиванию панорамы молодой польской литературы, своего рода карты, помогавшей в ней ориентироваться, с другой — создавали благоприятную атмосферу для развития этой литературы. Журнал становился «проводником литературной жизни, поскольку удовлетворял фундаментальную потребность читателей литературных журналов — потребность в получении актуальной информации и комментировании текущей литературной продукции»²³. Как справедливо отмечает Марцин Вечорек, журнал «являлся также свидетельством стабилизации системы литературных институтов. Можно сказать, что издание, созданное с целью оперативного информирования читателя о жизни молодой литературы, появилось лишь тогда, когда творчество дебютантов стало значимым элементом польской литературы»²⁴.

Эти — более мобильные, чем ежемесячные и, тем более, ежеквартальные — издания обеспечивали актуальность информации и поддерживали сам тонус критической дискуссии. Именно в них

родилась идея критической рубрики «Двухголосие», делавшая литературу предметом непосредственного профессионального спора. Иначе говоря, литература трактовалась как объект, достойный общественной дискуссии, а литературно-критическое издание позиционировало себя как площадку таких дебатов, своего рода агору.

Наконец еще одной отличительной чертой этого периода можно считать доброжелательное отношение крупных СМИ к литературно-критической и литературно-художественной периодике.

Во-первых, возникла новая для Польши система «культурных приложений» или вкладок к массовым изданиям, прежде всего газетам. И поначалу именно они служили ареной серьезной критики и определяли ее динамику, а связь с крупной газетой поддерживала в суровых условиях свободного рынка. «Экслибрис» (1990–1993 — ежемесячное приложение к газетам «*Życie Warszawy*» («Жиче Варшавы» / «Жизнь Варшавы») и «*Czas Krakowski*» («Час Краковски» / «Краковское время»); 1993–1996 — выходившее раз в две недели, издававшееся отдельно приложение к газете «Жиче Варшавы») стал амбициозной попыткой создать польский аналог влиятельного и престижного приложения к крупной газете вроде «*New York Times' Book Review*» («Нью-Йоркское книжное обозрение»). Это приложение отличала прекрасная литературная публицистика и блестящие развернутые рецензии на литературные новинки (интересно, что его бесплатно раздавали студентам). Появились также в 1991 г. «*Polityka-Kultura*» («Политыка-Культура» / «Политика-Культура», приложение к еженедельнику «Политыка»), уже упоминавшийся «Аркуш», в 1993 г. — «*Plus-minus*» («Плюс-минус» / «Плюс-минус», субботнее приложение к газете «*Rzeczpospolita*» — «Жечпосполита» / «Речь Посполитая»), «*Apokryf*» («Апокрыф» / «Апокриф» — ежемесячное приложение к еженедельнику «Тыгодник Повшехны»), «Час Краковски» (выходящее два раза в месяц приложение к одноименной газете), «*Gazeta o Książkach*» («Газета о Кщёнжках» / «Газета о книгах», с 1995 г. — «*Gazeta-Książki*» («Газета-Кщёнжки» / «Газета-Книги»), приложение к газете «Газета Выборча»), «*LSD*» (выходящее два раза в месяц приложение к газете «*Dziennik Poznański*» («Дзенник Познаньски» / «Познанская ежедневная газета»)) и т.д.

Во-вторых, действовал принцип своеобразной трансмиссии: большая часть многотиражных СМИ публиковала тексты, представля-

ющие новые номера малотиражных социокультурных журналов. Помещаемые на страницах газет рецензии или аннотации содержания журнала привлекали внимание читателя к существованию издания, знакомили с его характером, совершали своеобразный «перевод» гипотетически элитарного содержания на более доступный язык, убеждали потенциального адресата в привлекательности и значимости материала. Эта практика себя оправдывала: «именно такой — вынужденно кружной путь к художественному изданию — оказывается наиболее эффективным. Поскольку ежедневная пресса и популярные еженедельники выступают в роли распространителей информации, именно они обеспечивают литературным журналам приток новых читателей»²⁵.

То, что массовое издание сознательно отсылало своего читателя к некоему пространству за его пределами, свидетельствовало: в тот период СМИ еще не претендовали на иллюзию полноты охвата реальности. Более того, в те годы это являлось способом создания имиджа: уделять внимание и место на своих страницах культуре было модно и престижно (таким образом СМИ демонстрировали разнообразие предлагаемого «ассортимента» и подчеркивали авторитетность своего издания, на страницах которого выступают деятели культуры; другими словами, по инерции культура еще занимала в общественной иерархии ценностей значимое место).

Перелом в области литературной (и, шире, социокультурной) периодики носил характер «ликвидаторский и творческий»²⁶: с одной стороны, в течение нескольких первых лет существования постсоциалистической Польши число литературно-критических и литературно-художественных изданий выросло втрое (каждый год появлялось в среднем около десятка новинок, а в 1990 г., например, — двадцать), с другой — средний тираж такого рода журналов упал также почти втрое; одновременно с «бумом» на новые издания закрылись очень многие существовавшие в ПНР журналы до 1989 г. — как официальные, так и оппозиционные.

Что касается литературных периодических изданий, вышедших еще в социалистической Польше, более половины из них не преодолело рубеж 1989 г., в частности:

• «*Życie Literackie*» («Жиче Литерацке» / «Литературная жизнь», Краков, 1951–1990) — журнал, первым в ПНР напечатавший произ-

ведения Чеслава Милоша и Витольда Гомбровича, однако в 1981 г. поддержавший введение военного положения, потерявший не согласившуюся с этим часть редакции и утративший свою значимость.

- «Kultura» («Культура» / «Культура», так называемая «варшавская» — в отличие от парижской — «Культура», Варшава, 1963–1981, 1985–1990) — литературно-общественный еженедельник.

- «Poezja» («Поэзия» / «Поэзия», Варшава, 1965–1989) — журнал, в первом номере которого в свое время дебютировал культовый поэт Рафал Воячек.

По словам Э. Банашкевича-Зигмунта, «в 1989–1990 гг. были ликвидированы наиболее скомпрометировавшие себя издания, державшиеся на плаву только благодаря государственным средствам»²⁷. Выдержали же испытание, в первую очередь, старые журналы, во-первых, имевшие государственные дотации, а, во-вторых, обладавшие серьезными традициями, профессиональным опытным составом редакции, несколькими, а не одним поколением читателей:

- «Twórczość» («Творчощьчъ» / «Творчество», Варшава, с 1945 г.) — старейший польский журнал, остающийся важнейшей площадкой литературной критики (здесь публикуются рецензии не только на художественные, но и на литературоведческие тексты) и панорамой современной польской прозы, местом презентации новых текстов сложившихся авторов и дебютантов.

- «Nowe Książki» («Новэ Кшёнжки» / «Новые книги», Варшава, с 1949 г.) — журнал литературной критики, публикующий рецензии и аннотации (около восьмидесяти в каждом номере), интервью, публицистические материалы, информацию о событиях на книжном рынке. Приложение «Курьер» дополняет содержание журнала короткими анонсами и аннотациями, предоставляемыми издателями.

- «Literatura na Świecie» («Литература на Щвече» / «Литература в мире», Варшава, с 1971 г.) — аналог советского / российского журнала «Иностранная литература», публикующий переводы мировой литературы, а также литературоведческие статьи и эссе. Специальные номера в период ПНР служили поистине «окном в мир» и воздействовали на литературный процесс в стране (примером может служить номер, посвященный «Нью-йоркской школе», оказавший влияние на дискурс молодого поколения 1960–70-х гг. рождения).

• «Dialog» («Дьялог» / «Диалог», Варшава, с 1956 г.) — журнал, посвященный современной драматургии, польской и зарубежной (зачастую тексты публикуются еще до премьеры), с серьезным отделом междисциплинарной эссеистики (проблемы театра с перспективой социологии, философии, антропологии).

• «Odra» («Одра» / «Одра», Вроцлав, с 1961 г.) — журнал, созданный в ПНР как сугубо региональный (Нижняя Силезия) и призванный участвовать в идеологическом освоении Западных территорий, однако быстро ставший важнейшим общепольским литературным изданием.

• «Akcent» («Акцент» / «Акцент», Люблин, выходит с 1980 г.), который называли «домом великих поющих поэтов» (здесь публиковались стихи Войцеха Млынарского, а также переводы песен Жоржа Брасенса, Жака Бреля, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого). Журнал еще до 1989 г. сыграл большую роль в знакомстве польского читателя с эмигрантской литературой.

Выдержала конкуренцию (во всяком случае, на какое-то время) также небольшая часть изданий, выходивших до 1989 г. подпольно:

• «NaGłos. Pismo poświęcone literaturze oraz innym sztukom» («НаГлос. Письмо посвященное литературе и другим искусствам» / «В голос. Издание, посвященное литературе и другим искусствам», Краков, 1983–1989 — устная версия, 1990–1997 — печатная версия). Подпольная устная версия, отсылавшая к традиции устных журналов периода Второй мировой войны, была создана в среде краковских писателей. Каждый номер становился подобен коллективному авторскому вечеру, собиравшему порой до тысячи слушателей, и одновременно имитировал печатное издание: польские писатели и публицисты — Вислава Шимборская, Юлия Хартвиг, Эва Липская, Павел Хюлле, Томаш Яструн, Юлиан Корнхаузер, Тадеуш Новак, кс. Ян Твардовский, Виктор Ворошильский, Януш Андерман, Корнель Филиппович, Марек Новаковский, Ежи Пильх и др. — читали свои стихи, рассказы, эссе, рецензии.

• «brulion» («брульон» / «черновик», Варшава, 1986–1999). Издававшийся до 1989 г. подпольно этот журнал оказался необычайно значим для первого периода перемен. По словам П. Сливиньского, «именно “брульон”, а не „Солидарность”, нес польской культуре свободу от собственной инертности и демонстративности»²⁸. Журнал стал

символом среды, которую именовали «поколением „брульон”а» — молодых многообещающих авторов, сыгравших значимую роль в современной польской литературе (Марцин Светлицкий, Яцек Подсядло, Мануэла Гретковская, Изабелла Филипак и др.). О первоначальном рыночном успехе журнала говорит тираж 15 000 экземпляров, которого он достиг в 1993 г. Именно «брульон» первым превратился в институт культуры, первым на практике доказал, что к адресату литературного журнала можно и нужно идти кружным путем — через СМИ (главным образом, через телевидение, где «брульон» организовал свои программы «Alternatywa Tytułowa» и «Dziwoty»), а кратчайший путь к СМИ есть скандал. «брульон» демонстрировал разнообразие форм культурной деятельности: провокации, эпатаж, противоречивость, радикализм взглядов авторов, выведение из культурного андерграунда опыта, ранее табуированного в публичной жизни (расизм, гомосексуализм, порнография, наркотики), считающегося подозрительным (окультизм) или противопоставленным высокому искусству (панк, рок). «Чем реже выходит „брульон”, — писал П. Сливинский, — чем больше времени отделяет нас от его первых демонстративных жестов, тем очевиднее становится то, что это был феномен»²⁹.

• «FA-art» («ФА-арт» / «ФА-арт», Катовице, с 1988 г.). За этим журналом закрепилась репутация постмодернистского издания (хотя, по шутливым словам главного редактора, этот тезис «трудно воспринимать серьезно. Прежде всего, непонятно, что это вообще может значить»³⁰), поскольку рефлексия над этим явлением долгое время была визитной карточкой журнала, а теоретические и литературно-критические тексты Конрада Ц. Кендера, Кшиштофа Униловского дали начало многим значимым литературоведческим дискуссиям. Сильный отдел критики, где публикуются развернутые тексты, посвященные важнейшим явлениям литературного процесса, методологии, взаимопроникновению различных дискурсов, Агнешка Ненцкая называет «фирменным знаком» журнала³¹.

• «Czas Kultury» («Час Культуры» / «Время Культуры», Познань, с 1983 г.) возник как издание познанского отделения «Солидарности» — порожденный потребностью местной подпольной издательской структуры в самостоятельном журнале, посвященном культуре и, в частности, литературе: «мы опубликовали интервью Анки Групиньской и Влодзимежа Филипика с Марекком Эдельманом.

Оказалось, что один такой текст может вызвать огромную дискуссию в Европе [...] и на восточном побережье Соединенных Штатов. [...] Мы убедились, что, вопреки видимости, воздействие самодельного, размноженного на ксероксе журнальчика, может быть довольно большим, если затронуть важную тему. А в журнале „Час“ [...] для культуры в нашем распоряжении было всего несколько страниц; на первом месте стояла борьба с коммунизмом [...], и мы решили, что нужно создать параллельный журнал, посвященный, прежде всего, культуре»³². Вторым фактором, способствовавшим появлению этого издания, был протест его создателей против того, чтобы оценивать литературные произведения по политическим критериям: с одной стороны, во «втором круге обращения»* публиковались авторы, которых печатали только потому, что им отказали в официальных изданиях, с другой стороны, тех, кто печатался официально, часто по одной этой причине считали графоманами. Все это определило достаточно элитарный характер издания «Час Культуры». Журнал опубликовал нескольких дебютантов, которые впоследствии стали авторами первого ряда, а после 1990 г. сосредоточился на обсуждении проблем и понятий, нуждающихся в реинтерпретации.

• «Res Publica» («Рес Публика» / «Рес Публика», Варшава, 1979–1981 гг. — подпольно, 1987–1991 гг. — официально). Журнал перестал выходить в 1992 г. по финансовым причинам, однако в том же году его издание возобновилось под названием «Res Publica Nowa» («Рес Публика Нова» / «Новая Рес Публика», 1992–2002 гг., с 2008 г.). В сфере интересов журнала «Рес Публика Нова» оказывается, прежде всего, рефлексия над проблемами на стыке литературы, культуры, социологии, идеологии, философии.

• «Zeszyty Literackie» («Зешиты Литерацке» / «Литературные тетради», Париж, 1982–1989 гг., Варшава, 1990–2018 гг.). Этот эмигрантский журнал, составивший целую эпоху в польской культуре, в хорошем смысле элитарный, возник в 1982 г. в Париже и ставил своей целью знакомить польского читателя с литературой эмиграции, т.е. служить звеном, объединяющим литературный процесс в стране и за рубежом. В числе зарубежных сотрудников были нобелевские лауреаты Чеслав Милош, Иосиф Бродский, Шеймас Хини, Дерек Уолкотт, Видиадхар Найпол.

* Термин «второй круг обращения» закрепился за мощной системой подпольного издательского дела (существовавшей с 1976 г.) в ПНР.

• «Kartki. Pismo literacko-artystyczne» («Картки. Письмо литератко-артыстычнэ» / «Страницы. Литературно-художественное издание», Белосток, с 1986 г.). В рамках Кружка полонистов в Белостокском филиале Варшавского университета возникла Секция собственного творчества (участники которой занялись издательской деятельностью), а затем и журнал «Картки», давший молодежи возможность ощутить свободу внутри серой действительности ПНР 1980-х гг., ставший ареной филологических дискуссий и презентации своих творческих находок. Программно нейтральное, не маркированное идеологически название издания указывало также на открытость позиции его создателей (первый номер журнала «Картки» действительно представлял собой несколько машинописных страниц). Используя лазейку в законодательстве, создатели журнала издавали его таким тиражом, чтобы он не подлежал цензуре. После 1989 г. в «Картках» усилился региональный аспект, однако издание осталось верно идее открытости разнообразным явлениям культурной жизни и по-прежнему создается молодежью. Хотя именно «Картки» первыми в Польше опубликовали богатый материал, касающийся современной белорусской литературы, журнал не ограничивается представлением лишь авторов региона. Он печатает как известных авторов (Ольга Токарчук, Войцех Кучок, Мануэла Гретковская, Анджей Стасюк), так и игнорируемых другими литературными журналами молодых аутсайдеров (например, Кшиштофа Яворского, Гжегожа Врублевского, Павла Коннака и др.): «Важно, чтобы в культурном ландшафте Белостока было место для такого не совсем мейнстримового литературно-художественного издания»³³, — говорит Роберт Тышкевич, один из создателей журнала.

Бывшие издания «второго круга обращения» если и сохранялись после 1989 г. некоторое время номинально, то не сумели сохранить читательский интерес, столь острый после введения военного положения в 1981 г., когда ужесточилась цензура и со страниц официальной прессы исчезли важнейшие авторы и интересные тексты. Вскоре после этого начал выходить ряд литературных журналов, информировавших читателя о подпольных выставках, встречах, публикациях. Это был форум свободных людей в несвободной стране. Сразу после изменений в 1989 г. стало ясно, что дни «второго круга обращения» в целом и журналов, в частности, сочтены: с одной

стороны, изменились потребности читателя — понятие «подполья» вместе с переходом власти к оппозиции утратило смысл, с другой, после отмены цензуры подпольные издания должны были узаконить свою деятельность и начать платить налоги. В статье «Издательства без адреса» Петр Сажинский еще в 1989 г. предсказывал последствия — тогда еще гипотетической — легализации подпольных изданий: «весьма вероятно, что необходимость соблюдения всех законов, правил, ограничений и порядков, которые связаны с легальной деятельностью, станет причиной скоростной смерти этих издательств и изданий»³⁴. О том же писал Кшиштоф Майхровский в статье, выразительно озаглавленной «Естественная смерть независимой культуры»: «Мы становимся свидетелями естественной смерти Независимой культуры»³⁵. Действительно, в 1989 г. закрылись «Wezwanie. Niezależne pismo literackie» («Везване. Незалежнэ писмо литерацке» / «Воззвание. Независимое литературное издание», 1982–1989), «Kurs. Niezależny miesięcznik literacki» («Курс. Незалежны месечник литерацки» / «Курс. Независимый литературный журнал», 1983–1989), «Obecność. Niezależne pismo literackie» («Обецнощч. Незалежнэ писмо литерацке» / «Присутствие. Независимое литературное издание», 1983–1989), в 1990 г. — «Культура» (1985–1990), «Obieg Bez Cenzury» («Обег Без Цензуры» / «Коммуникация без цензуры», 1989–1990), «Pismo Literacko-Artystyczne» («Писмо Литерацко-Артыстычнэ» / «Литературно-художественный журнал», 1983–1989). В 1993 г. редакция бывшего подпольного журнала «Puls» («Пульс» / «Пульс», с 1977 г.) известила своих читателей и подписчиков об отказе от двухмесячного издательского цикла и возвращении «к неритмичному „Пульсу”»³⁶ (во «втором круге обращения» журнал выходил нерегулярно, примерно раз в квартал). В 1994 г. закрылся журнал «Już Jest Jutro. Kwartalnik Literacko-Artystyczny» («Юж Ест Ютро. Квартальник Литерацко-Артыстычны» / «Уже завтра. Литературно-художественный ежеквартальный журнал», 1986–1994).

В то же время достаточно долго — до 2015 г. — продолжал выходить журнал «третьего круга обращения» (противопоставленного обоим «серьезным», «взрослым» кругам — официальному и оппозиционному, «заполняющему коммуникационную нишу, существовавшую на поле борьбы коммунистической системы с оппозицией»³⁷) «Лампа» (бывшая «Лампа и Искра Божя», 1989–2015). Этому изда-

нию удавалось удерживать внимание читателя, публикуя интервью, поэтические и прозаические тексты (на страницах «Лампы» печатались многие из молодых писателей, определивших облик новой польской литературы 1990-х гг.: Марек Сеправский, Ян Собчак, Кшиштоф Варга, Марек Кохан, Марцин Светлицкий, Яцек Подсядло и др.), литературоведческие эссе, комиксы, тексты об альтернативной культуре; к отдельным номерам прилагались диски с «независимой музыкой».

После первоначального расцвета рынка периодики в 1995–98 гг. наступил спад, а затем стабилизация. Многие издания перестали выходить, некоторые изменили периодичность.

Первыми закрывались издания быстрого реагирования, еженедельники (например, «Тыгодник Литерацки» — 1991 г., «Вядомошчы Культуральнэ» — 1997 г.) и «двухнедельники» (например, «Новы Нурт» — 1996 г., «Сицина» — 1999 г.), а также приложения к многотиражным изданиям (например, в середине 1990-х гг. — «Политыка-Культура», приложение к газете «Час Краковски», «Экслибрис»), т.е. издания, которые наиболее оперативно реагировали на происходящее на книжном рынке, публиковали на своих страницах критиков, придерживавшихся разных взглядов, представляли новую литературу. Это, в сущности, был поворотный момент в смысле как бытования серьезной критики, так и формирования читательского сознания: исчезал источник *актуальной* информации о литературе — оставались газетные рецензии и литературные странички в еженедельниках с достаточно поверхностной и поспешной критикой или, скорее, ее имитацией. Ситуацию отчасти спасали и спасают несколько ежемесячных изданий, специализирующихся на рецензировании большого количества книг:

- «Аркуш»: превратившись из приложения в самостоятельное ежемесячное издание, сохранил «газетный характер», стараясь быстро и чутко реагировать на события и явления современной художественной культуры.
- «Магазын Литерацки Кщёнжки»: рецензирует около ста работ в месяц.
- «Новэ Кщёнжки»: рецензирует около восьмидесяти позиций в месяц.

В какой-то мере функции издания быстрого реагирования выполняют бесчисленные сайты, на которых книги комментируют профессионалы и любители (kumple.blog.pl, liternet.pl, lubimyczytac.pl, opetaniczytaniem.pl, BiblioNETka.pl, stacjaksiazka.pl и пр.). Именно Интернет, безусловно, стал важнейшим источником информации о литературных событиях, премиях, издательских новинках, местом, где можно прочитать рецензии или читательские отзывы на новые книги. Это интерактивное, мобильное и демократическое пространство. Непрофессиональный окололитературный интернет, по мнению Анны Насиловской, — свидетельство того, что в Польше существует огромная потребность в литературной коммуникации, но в новых кругах и местах, не там, где раньше собиралась литературная публика³⁸.

В то же время начался и прогрессировал процесс изоляции литературных журналов (СМИ уже не обращали на них внимания, имитируя *полноту* информации о культуре на своих страницах).

С начала 2000-х гг. начали закрываться многие ежемесячные издания (в 2000 г. — «Дыкця», в 2002 г. — «Тытул» и «Пшеглэнд Артыстычно-Литерацки», в 2003 г. — «Дзенник Портовы», в 2005 г. — «Андергрунт», в 2008 г. — «Студьум», в 2010 г. — «Кресы», «Портрет» и «Пшечинек», в 2012 г. — «Погранича», в 2017 г. — «Борусся», в 2016 г. — «Мещенчик Провинцяональны» и т.д.). Этот процесс один из критиков назвал «сумерками ежемесячных журналов»³⁹. Правда, небольшое количество изданий продолжило свое существование в Интернете («Дзенник Портовы»), кроме того, в 2000–2010-е гг. появляется несколько новых журналов, например:

- «Androgynе» («Андрогине» / «Андрогин», Ольштын, 2000 г.). Вышел только один номер этого журнала, полностью посвященного гендерной проблематике в литературе, кино и философии.

- «Pro-Libris» («Про-Либрис» / «Про-Либрис», Зелёна Гура, с 2001 г., два раза в год, затем раз в квартал). Журнал был порожден потребностями литературной, музейной, библиотечной и университетской среды Зелёной Гуры, благоприятную роль — в плане как содержательном, так и сугубо прагматическом — сыграло также пограничное положение Любуского воеводства и близкое соседство Германии. Издание, в значительной своей части двуязычное, адресованное польскому и немецкому читателю, стало площадкой, на которой представлены тексты польских и немецких авторов, прежде все-

го региональных, информация о культурной и литературной жизни по обе стороны границы, ареной дискуссии об исторически непросто складывавшихся польско-немецких отношениях, в частности, в центральном Надодринском регионе.

- «Migotania. Przejścia» («Миготаня. Пшеящньеня» / «Мерцания. Просветы», Гданьск, с 2002 г., с 2011 г. «Мерцания», раз в квартал). Журнал исповедует концепцию открытости всему разнообразию художественных течений, поколений и кругов. На его страницах можно встретить имена как крупнейших литераторов (Тадеуша Ружевича, Юлии Хартвиг, Казимежа Браконецкого, Анны Янко, Богуслава Жилко, Гжегожа Мусяла, Ежи Лимона, Артура Д. Лисковацкого и др.), так и дебютантов, а также авторов, незаслуженно забытых.

- «Almanach Prowincjonalny» («Альманах Провинциальный» / «Провинциальный Альманах», Рацибуж, с 2005 г., раз в полгода). Помимо дебютантов и местных авторов, журнал публикует также произведения писателей первого ряда — польских и чешских (в том числе Адама Загаевского, Юлиана Корнхаузера, Януша Шубера, Эву Липскую, Войцеха Венцеля, Эрнеста Брылля, Лешека Длугоша и др.).

- «Latarnia Morska» («Лятарня Морска» / «Маяк», Колобжег, 2006–2011, раз в квартал). Журнал изначально был ориентирован на морскую тему и Поморский регион и предоставлял свои страницы прежде всего писателям Поморья, особенно Колобжега, публиковал поэзию, прозу, эссе, интервью, портреты умерших и забытых писателей, рецензии.

- «Siedlecki Nieregularnik Literacki» («Щедлецки Нерегулярник Литерацки» / «Седлецкий Литературный Альманах», Седльце, с 2006 г., нерегулярно). Это активно развивающаяся литературная трибуна, созданная группой любителей литературы, а также профессиональных литературоведов Седльце. Альманах публикует прозу, поэзию, рецензии, эссе, портреты писателей, интервью, особое внимание уделяя литературе города и региона.

- «Red.» («Ред.» / «Ред.», Бжег, с 2006 г., раз в квартал). Идеей, лежавшей в основе создания журнала, было предоставление читателям, проживающим в глухой провинции и лишенным постоянного доступа к новинкам литературы, в первую очередь — молодежи, возможности знакомиться с современной литературной жизнью. К каждому номеру прилагается бесплатный прозаический или поэтический сборник.

• «Wyspa. Kwartalnik Literacki» («Выспа. Квартальник Литерацки» / «Остров. Литературный ежеквартальник», Варшава, с 2007 г., раз в квартал). Это издание, по словам его создателей, «объединяющее отечественную литературу всех оттенков»⁴⁰, «чутко реагирующее на все перемены в литературе и культуре»⁴¹. На его страницах публикуются как писатели первого ряда (Веслав Мысливский, Эустахий Рыльский, Богдан Задура, Томаш Ружицкий, Марек Новаковский, Казимеж Орлось, Яцек Денель, Игнаций Карпович, Адам Видеман и др.), так и совсем молодые, часто дебютанты (постоянная рубрика «Новые имена», где печатаются авторы, еще не выступившие на книжном рынке). Отдельные рубрики посвящены литературной жизни различных регионов Польши, информация о которых зачастую не доходит до популярных СМИ («Региональная хроника») и культурным событиям вне мейнстрима («Мыс»).

• «Przystanek Literacki» («Пшистанек Литерацки» / «Литературная остановка», Вроцлав, с 2011 г., нерегулярно) — бесплатный журнал, полностью посвященный литературе, публикующий художественные (польские и переводные) и критические тексты, интервью.

• «eleWator» («элеВатор» / «элеВатор», Щецин, с 2012 г., раз в квартал). Журнал «элеВатор» представляет как современную прозу и поэзию известных и начинающих авторов, живущих в Польше и за рубежом, так и переводные тексты, а также эссе о литературе и рецензии. Изданию, привлекающему к сотрудничеству авторов из Берлина, Дублина, Киева, Копенгагена, Лондона, Парижа и Нью-Йорка и приобретшему характер глобальный и интердисциплинарный, удалось стать ареной серьезных дискуссий и споров. Отличительной особенностью «элеВатора» является культ наследия критика Хенрика Березы (1926–2012), создан литературный фонд его имени.

Польский литературовед С. Фьют полагает, что новой тенденцией является создание более «адресных» изданий⁴², однако это далеко не всегда помогает последним выжить.

Хотя Чаплинский отмечает почти полное исчезновение журналов, посвященных молодой литературе, энергия того поколения, которое создавало журналы в 1990-е гг., уже иссякает, а младшие поколения, в сущности, журналы не покупают⁴³. Редакция, например, журнала «Пшистанек Литерацки» в 2011 г. писала: «Мы одними из первых поверили, что Интернет может в литературном пространстве

взять на себя роль, которую на протяжении сотен лет играла бумага, и уже в 2003 г. решили перенести журнал „Дзенник Портовы” в сеть. Теперь, когда каждый второй молодой человек не в состоянии функционировать без фейсбука, мы немного жалеем о своем решении и создаем традиционный журнал, чтобы хоть немного оттянуть гибель литературной периодики»⁴⁴.

Политический перелом, принесший в культурную жизнь разнообразие и децентрализацию, обернулся для литературной периодики тяжелыми экономическими условиями. Впрочем, это стало ясно сразу. В 1989 г. в газете «Газета Выборча» вышла статья, выразительно озаглавленная «Прощание с культурой», в которой говорилось о финансовой угрозе, нависшей над серьезной периодикой⁴⁵. Барбара Зайдлер писала тогда же в журнале «Жиче Литерацке», которому предстояло закрыться в следующем году: «Ясно, что дело плохо, а будет еще хуже. Не хватает всего: бумаги, типографских станков, картона для обложек, краски, долларов для импорта, золотых на оплату счетов»⁴⁶. В 1990 г. в дискуссии о положении культуры в условиях свободного рынка говорилось о разочаровании: «Главное разочарование, которое постигло субъектов культуры со стороны министерства, — то, что это вождеденное „наше” хуже режимного. Меньше платит, меньше защищает, не оберегает и не успокаивает»; «Когда та власть ушла, вместе с ней закончились приятные времена жизни на гособеспечении, хотели мы этого или нет. Мы остались вариться в собственном соусе»⁴⁷; «Уже отчетливо видно, что жесткая экономика свободного рынка также умеет подавлять, просто иными средствами»⁴⁸. Мария Янион говорила о наступлении «эпохи создания иных проектов духовной жизни», о непригодности «эмоциональной культуры», каковой является романтизм, к экономике свободного рынка: «События последнего года жестоко и драматически обнажили беспомощность патриотически-романтических символов и жестов»⁴⁹. Смена приоритетов стала ясна еще в 1989 г.: «Несколько десятков лет нам внушали, что важна идея, страсть, ангажированность, выразительность, форма, а тут вдруг мы слышим, что на самом деле первостепенное значение имеют прибыль, развлечение, глянец, и всем управляет рынок. Довольно печально, потому что выяснилось, как мало нам нужно духовной пищи и как много — потребительских товаров»⁵⁰. Дальнейшие годы подтвердили ощущение

ние, что место литературы (и всей соответствующей инфраструктуры) в обществе изменилось. Статья Михала Гловиньского была выразительно озаглавлена «Пара слов о разочаровании»⁵¹, а текст К.Ц. Кендера — «Синдром списка бестселлеров»⁵². Спустя несколько лет Януш Джевучкий, отсылая к Фридриху Гёльдерлину, определял наступившую эпоху как «скудные времена»⁵³, а Петр Войцеховский констатировал, что писатель не в силах избежать перекрестка, где «путь его творческой независимости пересекается с путем независимости государственной, на который вступает Польша. [...] Писатель — некогда жрец национальной мистерии, вдруг проснулся кустарем-одиночкой, изготовителем рукописей, не уверенным в том, что они хоть кому-то нужны, обреченным на конкуренцию с мемуарами звезд, политиков и преступников, с хорошо продающимся китчем»⁵⁴. Лешек Шаруга писал о вынужденной конкуренции высокой культуры с массовой⁵⁵, а Тереса Валяс назвала культуру современной Польши «младшей и нелюбимой сестрой политики»⁵⁶.

В сложных и к тому же постоянно меняющихся условиях журналам то и дело приходится искать себе спонсоров — в администрации магистратов, воеводств, фондах, министерствах, домах культуры, университетах, издательствах, Евросоюзе⁵⁷: «Мы постоянно подавали заявки в Министерство культуры [...], а Министерство их постоянно отвергало. Мы также посылали письма в фонд Батория, который тоже норовил нас сплавить. Был момент, когда нас слегка финансировал левый фонд Келлес-Клауза, связанный с Союзом демократических левых сил. Они давали нам менее трети того, что необходимо для печати, но этого хватило, чтобы заплатить часть денег типографии и получить кредит на остальное»⁵⁸. Неслучайно Александр Фьют назвал журнал «Квартальник Артыстычны» «чудом трудолюбия и жертвенности»⁵⁹. Чаплинский писал: «Быть может, вообще не выработался — вожделенный — снобизм на финансирование журналов (например, выпускаемых „студентами нашего университета” или публикующих „стихи поэтов нашего региона”). Хочу сказать, что никого не обвиняю: ни бизнесменов, которые не видят возможности создать образ филантропа при помощи журналов, ни журналы, которые не сумели обаять бизнесменов. Просто констатирую: жизнь журналов зависит от центральной кассы, и убивает их поэтому одна и та же рука»⁶⁰. Этой «центральной кассой»

являются различные виды государственных дотаций, прежде всего Министерства культуры и национального наследия. Однако количество дотируемых изданий постоянно уменьшается (так, в 2000 г. оно снизилось сразу более чем в два раза; в 2010 г. редакция отмечавших двадцатилетие «Кресов» сетовала, что «ни одному журналу, возникшему после 1989 г., не удалось добиться постоянных дотаций» и что «нарушен своего рода принцип доверия граждан к институту демократического государства»⁶¹), уменьшаются и сами дотации, в то время как затраты на издание растут, в результате даже получение права на финансирование не гарантирует выживания. Представители печатных изданий безуспешно пытались добиться деполитизации дотационного конкурса, дотирования реального содержания журналов, а не организационно-экономических проектов, усиления механизмов финансирования изданий, имеющих подписку, выделения отдельных бюджетов на разные виды журналов, в частности культурные.

Некоторым изданиям удавалось находить альтернативные источники финансирования. Например, в 1995 г. главный редактор журнала «Квартальник Артыстычны» Кшиштоф Мышковский предложил сотрудничество нескольким поэтам, в частности, Виславе Шимборской, тогда еще не получившей Нобелевскую премию (1996 г.). Начиная с 2000 г. поэтесса публиковала в журнале «Квартальник Артыстычны» свои новые стихи, а кроме того — строго анонимно — до самой смерти (2012 г.) каждый год оказывала журналу серьезную финансовую помощь. Когда в 2010 г. Министерство культуры отказало журналу в дотации, поэтесса добилась пересмотра решения. В свою очередь, журнал «Новы Нурт» издавался исключительно на средства Мечислава Курпиша, владельца «Издательства Курпиш». Когда он отказался от этого проекта, журнал спасти не удалось, несмотря на кампанию в прессе и драматическое воззвание, опубликованное на страницах главной польской газеты «Газета Выборча»⁶².

Пытаясь выжить, некоторые журналы делают ставку на молодого читателя: например, журнал «Одра» выделил специальный «молодежный» раздел. Наиболее высокие (для такого рода изданий) тиражи имеют те журналы, которые сочетают элитарное содержание с поп-культурным (примером могут служить издания «Лампа и Искра Божя», «Ред.», «Ха!арт»). «Ха!арт», кроме того, пропаган-

дирует молодых авторов, сознательно используя поэтику скандала (именно это издание сделало медиа-звездой эксцентричного прозаика, занимающегося темой геев, Михала Витковского, а также не менее эксцентричного любителя хеппенингов Славомира Схуты).

В той сфере общественной коммуникации, которая касается литературы и культуры в целом, центральное место занимает медиа-дискурс. То, что находится вне его (в том числе литературные журналы), Чаплинский назвал «подвижными обочинами культуры»⁶³. Эти обочины все больше маргинализируются и все меньше способны (местные издания — в силу ограниченного адресата, ежеквартальные и полугодовые — в силу отсутствия возможности оперативно реагировать на изменения и значимые события) противостоять доминирующему дискурсу СМИ, который не охватывает всей панорамы литературной жизни. Этот процесс был очевиден еще в начале периода: «Исчезнут литературные журналы, останутся лишь критики, обслуживающие воскресные приложения к крупным газетам»⁶⁴. В середине 1990-х гг., т.е. через несколько лет после обретения независимости. Дариуш Новацкий писал как о свершившемся о том, что для популярной критики читатель не является высшей санкцией, «она представляет только и исключительно интересы, связанные с прагматикой издательского дела», «неотделима от понятий товара, рынка, обмена, привлекательности новизны. Я имею в виду практику высокотиражных изданий и других СМИ — злоупотребление понятием „художественное событие“ (неделя без фейерверка — неделя насмарку), манипулирование общественным мнением, в большинстве случаев неспособным проверить то, в чем его стараются убедить, восприятие художественных явлений в категориях прибыли, publicity или даже законов шоу-бизнеса». Признавая необходимость популяризации информации о культурной жизни, он выступал лишь против смешения уровней, когда «мнения, генерируемые на уровне популярном безнаказанно проникают на уровень более высокий и там распространяются, подобно сорнякам»⁶⁵. О размывании иерархии художественных ценностей шла речь в блоке материалов, озаглавленном «Ни высокая, ни низкая, ни искусство, ни развлечение»: «Даже критика сегодня не только не выстраивает собственную иерархию, но охотно [...] участвует в деле создания новой области культуры, которую можно определить как смешанную, ни высокую,

ни низкую, ни элитарную, ни популярную, ни хорошую, ни плохую, поскольку эти понятия утратили всякий смысл»⁶⁶. В 2000 г. речь шла уже о «Литературе в тисках СМИ»⁶⁷.

В первую очередь, всплеск культурной периодики после 1989 г. свидетельствовал о потребности в артикуляции различий, дифференциации общества и одновременно в дискуссии между этими разными голосами. Появлялись издания общепольские и региональные, левые, правые, анархистские, религиозные, нейтральные, феминистские, меньшинств, снобистские и слегка хулиганские и пр. В 1990-е гг. литературные журналы начинали дискуссии об отдельных книгах и общих проблемах, проводили анкетирование, дискуссии, публиковали материалы различных конференций. Первые годы публиковалось много материала, посвященного рефлексии над польской литературой прошедшего периода: как эпохи ПНР, так и в целом выработанного канона⁶⁸, попыткам пересмотра некоторых сложившихся оценок⁶⁹. Одним из важных сюжетов были «соцреалистические эпизоды» ряда писателей⁷⁰. Чем дальше, тем больше становилось материалов о современной литературе⁷¹. Горячие споры вызывали новинки, особенно произведения молодых авторов, вошедших в литературу в 1990-е гг.⁷², печатались материалы, посвященные новым для литературоведческого дискурса проблемам феминизма⁷³, постмодернизма⁷⁴, Интернета и литературы⁷⁵ и пр. Другими словами, литературные журналы 1990-х гг. в своем многообразии были динамичными участниками общепольского художественного диалога. Они начинали дискуссии, касающиеся общих проблем и отдельных книг и авторов, давали возможность проявиться всему разнообразию дискурсов и интерпретаций. Полемики и споры разрушали стереотипы. Сам по себе спектр новых изданий свидетельствовал о том, насколько дифференцировано общество, насколько расширилось пространство и понимание свободы, насколько велика потребность услышать самые разные голоса, стили, концепции. Это было пространство полилога — о традиции, идентичности, отношении к современности. Неслучайны слова П. Марецкого — «Большая часть наиболее интересных литературных явлений и имен в Польше после 1989 г. была порождена именно при участии культурно-литературных журналов»⁷⁶ и Юлии Хартвиг — «пульс литературы в Польше определяла периодика»⁷⁷. Сегодня журналов не только стало меньше — они более похожи друг на друга.

П. Чаплинский предполагает, что сыграл свою роль и выбор читателя — интеллигенции. Потребности значительной ее части удовлетворяют общепольские газеты, телевидение и Интернет, популярные общественно-политические издания с рубриками, посвященными культуре. Возможно, читатель предпочитает «издания, формирующие общественное мнение, позволяющие ориентироваться в текущей политике и бизнесе, не гнушающиеся скандальных новостей, а культуру трактующие покровительственно-миссионерски (“полезно ли это обществу?”) или покровительственно-маркетингово (“первоклассный товар”). [...] литературных изданий [...] столько, сколько в нас готовности покупать и читать»⁷⁸. Среди интеллигенции во времена ПНР было принято читать литературные журналы, теперь принято читать общественно-политические. Кроме того, ни газеты, ни телевидение, ни радио не способствуют чтению литературных журналов, которые теперь, в отличие от ситуации первой половины 1990-х гг., «существуют в коммуникационном вакууме, [...] поскольку не включены в систему массовой коммуникации. СМИ не „передают дальше“ литературные журналы»⁷⁹. Ни один строй «не является совершенным»⁸⁰.

Итак, причины спада, с одной стороны, экономические (отсутствие или нехватка дотаций), с другой — социальные и культурные. «В новый период нам — как обществу, — констатирует Чаплинский, — не удалось создать для литературы достойного места в общественной коммуникации. [...] Судьба литературных изданий — производная взглядов общества на литературу. [...] Исчезновение литературных журналов — не самостоятельная проблема, а признак уменьшающегося интереса к дифференциации общества»⁸¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Śliwiński P. Czaplinski P. Literatura polska 1976–1998: przewodnik po prozie i poezji.* Warszawa, 1999. S. 218.
- ² *Turowicz J. Pisma wybrane.* Kraków. 2013. T. II. S. 572–575. URL: <https://www.jerzyturowicz.pl/przemowienie-jerzego-turowicza-na-otwarciu-obrad-okraglego-stolu-6-lutego-1989/> (дата обращения: 08.07.2019).
- ³ *Życie Literackie*, 1989, № 3–6, 4–5.
- ⁴ *Literatura na Świecie*, 1989, № 5–6.
- ⁵ *Polityka*, 1989, № 5.

- ⁶ *Bonowicz K.* O dwóch takich, co założyli pismo. URL: https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjB4JbQ2J_jAhXBk4sKHaQRA4UQFjABegQIBxAB&url=https%3A%2F%2Fpomorska.pl%2Ftorun-o-dwoch-takich-co-zalozyli-pismo%2Far%2F7273951&usg=AOvVaw0M5W7kQ6d5syMw5ykWyU5U (дата обращения: 08.07.2019).
- ⁷ *Kresy*, 1990, № 1.
- ⁸ *Bonowicz K.* O dwóch takich, co założyli pismo. URL: https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjB4JbQ2J_jAhXBk4sKHaQRA4UQFjABegQIBxAB&url=https%3A%2F%2Fpomorska.pl%2Ftorun-o-dwoch-takich-co-zalozyli-pismo%2Far%2F7273951&usg=AOvVaw0M5W7kQ6d5syMw5ykWyU5U (дата обращения: 08.07.2019).
- ⁹ *Marecki P.* Pospolite ruszenie. Czasopisma kulturalno-literackie w Polsce po 1989 roku. Rozmowy z redaktorami. Kraków, 2005. S. 8.
- ¹⁰ *Kresy*, 1990, № 1.
- ¹¹ Skazani na nadzieję. Rozmowa z Leonem Zdanowiczem, założycielem i redaktorem naczelnym łobeskiego czasopisma literackiego «Łabuź». URL: <http://leon-zdanowicz.art.pl/wstep/> (дата обращения: 08.07.2019).
- ¹² *Darska B.* Czas Fem: przewodnik po prasie feministycznej i tematach kobiecych w czasopismach kulturalnych po 1989 roku. Olsztyn, 2008. S. 307–311.
- ¹³ Byli prezesi. URL: <https://pomorska.pl/byli-prezesi/ar/6736747> (дата обращения: 08.07.2019).
- ¹⁴ *Charnas T.* Czarno na białym: «Pismo o nowej literaturze». URL: <http://witryna.czasopism.pl/pl/gazeta/1073/1192/1300/> (дата обращения: 08.07.2019).
- ¹⁵ *Kaluża A.* Pisma kulturalne w Polsce po 1989 roku. Leksykon. Red. J. Gałuszka, G. Maroszczuk, A. Nęcka. Katowice, 2010. S. 279.
- ¹⁶ *Marecki P.* Pospolite ruszenie. S. 255.
- ¹⁷ *Janion M.* Wywiad przeprowadzony przez N. Łopieńską // *Ex Libris*, 1994, № 63.
- ¹⁸ *Nolbrzak R.* «Miejsca, w których uprawia się myślenie». Działalność czasopism kulturalnych w Polsce po 1989 roku // *Folia Litteraria Polonica*, 2012, № 3 (17). S. 33.
- ¹⁹ *Śliwiński, P. Czapliński P.* Literatura polska 1976-1998: przewodnik po prozie i poezji. S. 221.
- ²⁰ *Ibid.* S. 219.
- ²¹ *Sinkowski A.* Prasa kulturalna w obliczu kryzysu // *Wyspa*, 2010, № 14.
- ²² Краткая информация о большинстве журналов, в том числе адреса сайтов, содержится на: www.Katalog.Czasopism.pl
- ²³ *Wieczorek M.* «Nowy Nurt» — pismo dialogu wewnątrzpokoleniowego. URL: <http://www.mwieczorek.pl/praca%20naukowa/nn.pdf> (дата обращения: 08.07.2019).
- ²⁴ *Ibidem.*
- ²⁵ *Śliwiński P. Czapliński P.* Literatura polska 1976-1998: przewodnik po prozie i poezji. S. 217.

- ²⁶ Ibid. S. 218.
- ²⁷ *Banaszkiewicz-Zygmunt, E.* Media. Warszawa, 2000. S. 74.
- ²⁸ *Śliwiński P.* Socjomachia. Kilka uwag // *Czas Kultury*, 1996, № 2. S. 20.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ *Marecki P.* Pospolite ruszenie. S. 53.
- ³¹ *Galuszka J., Maroszczuk G., Nęcka A.* Pisma kulturalne w Polsce po 1989 roku. Leksykon. Katowice, 2009. S. 83.
- ³² *Marecki P.* Pospolite ruszenie. S. 15.
- ³³ *Kopeć A.* «Kartki» — kultowe czasopismo. Historia wolności słowa. URL: <https://poranny.pl/kartki-kultowe-czasopismo-historia-wolnosci-slowa/ar/5322934> (data обращения: 08.07.2019).
- ³⁴ *Sarzyński P.* Oficyny bez adresu // *Polityka*, 1989, № 9.
- ³⁵ *Majchrowski K.* Naturalna śmierć kultury niezależnej // *Życie Literackie*, 1989, № 12.
- ³⁶ *Puls*, 1993, № 64–65.
- ³⁷ *Pęczak M.* Kilka uwag o trzech obiegach // *Więź*, 1988, № 2. S. 35.
- ³⁸ *Nasilowska A.* Hipertekstualna estetyka i literatura w dobie internetu. URL: http://rcin.org.pl/Content/51713/WA248_68065_P-I-2524_nasil-hiper.pdf (data обращения: 08.07.2019).
- ³⁹ *Ostaszewski R.* Zmierzch miesięczników // *Gazeta Wyborcza*, 8.VIII.2003.
- ⁴⁰ URL: <http://kwartalnikwyspa.pl/redakcja/> (data обращения: 08.07.2019).
- ⁴¹ Kwartalnik «Wyspa». Opis. URL: <https://virtualo.pl/eprasa/wyspa-kwartalnik-literacki-nr-2-2011-18--i9335/> (data обращения: 08.07.2019).
- ⁴² *Fiut I.S.* Pisma społeczno-kulturalne w latach 1989–2000 // *Zeszyty prasoznawcze*, 2000, № 3–4. S. 79.
- ⁴³ *Czapliński P.* Powrót centrali: literatura w nowej rzeczywistości. Kraków, 2007. S. 36.
- ⁴⁴ «Przystanek Literacki» — nowe pismo na rynku. URL: <http://dolnoslaskie.naszemiasto.pl/artykul/quotprzystanek-literackiquot-nowe-pismo-na-ryнку,965269,art,t,id,tm.html> (data обращения: 08.07.2019).
- ⁴⁵ Pożegnanie z kulturą // *Gazeta Wyborcza*, 1989, № 158.
- ⁴⁶ *Seidler B.* Kondycja książki // *Życie Literackie*, 1989, № 50.
- ⁴⁷ Dyskusja o sytuacji kultury w warunkach wolnego rynku // *Gazeta Wyborcza*, 1990, № 119.
- ⁴⁸ *Pieszcachowicz J.* Paraliż wolności // *Polityka*, 1990, № 36.
- ⁴⁹ *Janion M.* Szanse kultur alternatywnych // *ResPublica*, 1991, № 3.
- ⁵⁰ *Markowski M.* Krajobraz po bitwie // *Kultura*, Warszawa, 1989, № 37.
- ⁵¹ *Głowiński M.* Parę słów o rozczarowaniu // *Res Publica*, 1990, № 10.
- ⁵² *Kęder K.C.* Syndrom listy przebojów // *Nowy Nurt*, 1990, № 18.

- ⁵³ *Drzewucki J.* Czas marny i jałowy // *Polityka*, 1993, № 3.
- ⁵⁴ *Wojciechowski P.* Co przydarzyło się pisarzowi polskiemu // *Puls*, 1993, № 63.
- ⁵⁵ *Szaruga L.* Kultura ty, polska kultura... // *Kultura*. Paris, 1994, № 1–2.
- ⁵⁶ *Walas T.* Kultura polska po komunizmie // *Dekada Literacka*, 1996, № 4.
- ⁵⁷ *Marecki P.* Pospolite ruszenie. S. 52–53, 154, 215.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 215.
- ⁵⁹ URL: <https://margradsen.pl/wydawnictwo/glowna/241-kwartalnik-artystyczny-99.html> (дата обращения: 08.07.2019).
- ⁶⁰ *Czapliński P.* Pięć po dwunastej // *Witryna czasopism*, 2003, № 23.
- ⁶¹ *Kresy*, 2010, № 1–2 (81–82). S. 2.
- ⁶² *Gazeta Wyborcza*, 5.07.1996.
- ⁶³ *Czapliński P.* Ruchome marginesy. Szkice o literaturze lat 90. Kraków, 2002. S. 7.
- ⁶⁴ *Michalski H.* Rynek, mecenas, piśmiennictwo // *Kultura*, 1990, № 9.
- ⁶⁵ *Nowacki D.* Czyńcie swoją powinność // *Nowy Nurt*, 1995, № 6.
- ⁶⁶ Ani wysoka, ani niska, ani sztuka, ani rozrywka // *Res Publica Nowa*, 1998, № 12.
- ⁶⁷ Literatura w uścisku mediów. Rozmowa // *Res Publica Nowa*, 2000, № 7.
- ⁶⁸ Двухголосие (К. Дунин, А. Ростокский) о диспропорции между национальным канонем чтения и подлинными предпочтениями читателя (*Ex Libris*, 1994, № 48); двухголосие (Я. Гуторов, П. Чаплинский) об отношении новой литературы к традиции (*Kresy*, 1996, № 1).
- ⁶⁹ Дискуссия о поэзии 1980-х гг. (*Tygodnik Literacki*, 1990. № 5, 10, 12; 1991. № 1/2, 5); дискуссия «Черная дыра восьмидесятых годов» (*Tygodnik Powszechny*, 1990, № 13); соцреализм — тематический номер (*Odra*, 1990, № 12); дискуссия «Писатели недооцененные — писатели переоцененные» (*Zeszyty Literackie*, 1992, № 41) и пр.
- ⁷⁰ Например, Збигнева Херберта (*Obecność*, 1989, № 24; *Puls*, 1989, № 41; 1990, № 44), Станислава Лема (*Puls*, 1992, № 45; *Odra*, 1992, № 4).
- ⁷¹ Анкета о современном состоянии польской литературы, о значимых книгах последнего десятилетия, об интересных авторах молодого поколения (*Czas Kultury*, 1991, № 3–4, 5); анкета «Книги года» (*Res Publica Nowa*, 1993, № 1); анкета о литературе после 1989 г. (*Kresy*, 1993, № 13; *Dekada Literacka*, 1999, № 11–12); анкета о поэтах журнала «brulion» (*Res Publica Nowa*, 1993, № 6); анкета о литературе после 1989 г. (*Plus-Minus*, 1993, № 21; *Res Publica Nowa*, 1993, № 6); дискуссия о молодой литературе (*Gazeta o Książkach*, 1995, № 2; *Nowy Nurt*, 1995, № 9; *Res Publica Nowa*, 1996, № 10); дискуссия о журнале «brulion» и его среде (*Gazeta o Książkach*, 1995, № 1; *Ex Libris*, 1995, № 69, 70); дискуссия о современной литературе «На поверхности литературы и внутри нее» (*Kresy*, 1995, № 1; *Fraza*, 1996, № 11–12); дискуссия о «классиках» и «варварах» в современной поэзии (*Nowy Nurt*, 1995, № 18, 19, 22, 25); дискуссия о молодой поэзии (*Nowy Nurt*, 1996, № 2); анкета «Пять прозаических книг на пятилетку» (*Nowy*

Nurt, 1996, № 8); дискуссия о поэзии 1990-х гг. (Czas Kultury, 1997, № 1); анкета «Десятилетие 1986–1996 гг. в польской литературе», «Польская литература за рубежом, 1986–1996 гг.» (Dukcja, 1997, № 5); анкета среди двадцатилетних авторов (Kresy, 1997, № 2); дискуссия о самой молодой литературе (Czas Kultury, 1996, № 5–6); дискуссия о литературе поколения тридцатилетних (Res Publica Nowa, 1997, № 11); дискуссия о состоянии польской прозы (Gazeta o Książkach, 2000, № 7); дискуссия о поколении 1970-х гг. (Ha!art, 2000, № 2–3); двухголосие (П. Сливинский, П. Чаплинский) о молодой литературе (Res Publica Nowa, 1996, № 2); дискуссия о книгах, посвященных молодой литературе Я. Клейноцкого, Е. Сосновского «Временное перемирие», П. Чаплинского «Следы перелома. О польской прозе 1976–1996», Р. Групиньского, И. Кец «Скоро грянет гроза, или несколько замечаний о неприятной литературе» (Odra, 1997, № 3); двухголосие (А. Баглаевский, М. Хамкало) о современной литературе (FA-art, 1997, № 2–3); анкета о критике и новой поэзии (Studium, 2002, № 35), анкета о книгах, выпускаемых в рамках библиотеки журнала (Studium, 2005, № 52–53).

⁷² О «Короткой истории одной шутки» Стефана Хвина (Kresy, 1992, № 9–10; Tytuł, 1992, № 2; Odra, 1992, № 7–8; Twórczość, 1992, № 1); о «Рассказах на время переезда» Павла Хюлле (Puls, 1992, № 53; Odra, 1992, № 7–8; Kresy, 1992, № 9–10); о «Смерти и спирали» Изабеллы Филипяк (Czas Kultury, 1993, № 2; Kresy, 1993, № 15); о «Rien ne va plus» Анджея Барга (FA-art, 1993, № 11; brulion, 1993, № 21–22); о «Заговоре прелюбодеек» Ежи Пильха (Gazeta o Książkach, 1993, № 14; FA-art, 1993, № 12–13); о «Имя тебе Никто» Томека Трызны (Gazeta o Książkach, 1994, № 6; FA-art, 1994, № 3; Ex Libris, 1994, № 61; Wiadomości Kulturalne, 1994, № 20; Nowy Nurt, 1995, № 20); о «Белом вороне» Анджея Стасюка (Twórczość, 1995, № 4; Kresy, 1995, № 3; Nowy Nurt, 1995, № 5, 20; Odra, 1995, № 2; Arkusz, 1995, № 7); о «Снах и камнях» Магдалены Тулли (Ex Libris, 1995, № 68, 74; Wiadomości Kulturalne, 1995, № 24; Gazeta o Książkach, 1995, № 2; Nowy Nurt, 1995, № 9; Twórczość, 1995, № 6; Res Publica Nowa, 1995, № 10; Arkusz, 1995, № 12; Sycyna, 1995, № 14; Tytuł, 1996, № 1–2; Opcje, 1996, № 2; Res Publica Nowa, 1996, № 2); об «Э.Э.» Ольги Токарчук (Nowy Nurt, 1995, № 13; FA-art, 1995, № 3; Kresy, 1995, № 3; Res Publica Nowa, 1995, № 12); об «Абсолютной амнезии» Изабеллы Филипяк (Ex Libris, 1995, № 80; Gazeta o Książkach, 1995, № 8; FA-art, 1995, № 3); о «Ханемане» Стефана Хвина (Wiadomości Kulturalne, 1995, № 44; Sycyna, 1995, № 25; Res Publica Nowa, 1995, № 10; Kresy, 1996, № 2; Twórczość, 1996, № 3; Odra, 1996, № 3; FA-art, 1996, № 22; Kresy, 1996, № 1); об «Иных блаженствах» Ежи Пильха (Plus-Minus, 1996, № 2; Res Publica Nowa, 1996, № 6; 1997, № 1; Nowy Nurt, 1996, № 3; Gazeta o Książkach, 1996, № 2; Twórczość, 1996, № 7; Czas Kultury, 1996, № 1; Arkusz, 1998, № 1; Tytuł, 1998, № 4); об антологии «Вот вам ваши поэты. Польская лирика, год рождения 1960 и позже» (Nowy Nurt, 1996, № 2; Wiadomości Kulturalne, 1996, № 11; Czas Kultury, 1996, № 3; Odra, 1996, № 9); о «Правеке и других временах» Ольги Токарчук (Arkusz, 1996, № 6, 12; FA-art, 1996, № 3; Plus-Minus, 1996, № 26; Czas Kultury, 1996, № 4; Twórczość, 1996, № 10; Ex

Libris, 1996, № 98); о «Пособии по человечеству» Мануэлы Гретковской (Odra, 1997, № 1; Kresy, 1997, № 1); о «Небесном зверинце» Изабеллы Филипяк (Gazeta o Książkach, 1997, № 7; Arkusz, 1997, № 9; Odra, 1997, № 12); о «Дукле» Анджея Стасюка (Gazeta o Książkach, 1997, № 11; Kresy, 1998, № 1; Odra, 1998, № 6; Twórczość, 1998, № 6; Res Publica Nowa, 1998, № 6; Czas Kultury, 1998, № 1; Studium, 1998, № 10; Portret, 1998, № 6); о «Мадам» Антония Либеры (Gazeta o Książkach, 1998, № 9; Plus-Minus, 1998, № 39; Pogranicza, 1998, № 4; Topos. 1998. № 5–6; Res Publica Nowa, 1999, № 1–2; Kwartalnik Artystyczny, 1999, № 1; Przegląd Artystyczno-literacki, 1999, № 1–2; Zeszyty Literackie, 1999, № 2); о «Доме дневном, доме ночном» Ольги Токарчук (FA-art, 1999, № 1; Res Publica Nowa, 1999, № 4; Studium, 1999, № 1; Odra, 1999, № 6; Arkusz, 1999, № 8; Twórczość, 1999, № 11; Sycyna, 1999, № 3–4) и т.д.

⁷³ Res Publica, 1991, № 3; brulion, 1992, № 19A; Res Publica Nowa, 1992, № 3, Polityka-Kultura, 1993, № 1; Ex Libris, 1995, № 85; Wiadomości Kulturalne, 1995, № 29; Nowe Książki, 1995, № 11; Res Publica Nowa, 1997, № 9.

⁷⁴ Czas Kultury, 1991, № 1–2, 6–7, 9–10; Odra, 1991, № 7–8; FA-art, 1991, № 1; Res Publica Nowa, 1993, № 9; Res Publica Nowa, 1994, № 7–8; Czas Kultury, 1994, № 5–6; Nowy Nurt, 1995, № 7; FA-art, 1997, № 2–3; Odra, 1997, № 10.

⁷⁵ brulion, 1995, № 25.

⁷⁶ Цит. по: *Nolbrzak R.* «Miejsca, w których uprawia się myślenie». S. 32.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ *Czapliński P.* Powrót centrali. S. 39–40.

⁷⁹ *Czapliński P.* Pięć po dwunastej.

⁸⁰ *Chwastyk-Kowalczyk J.* Rynek czasopism literacko-artystycznych w Polsce po 1989 r. // *Rocznik Bibliologiczno-Prasoznawczy.* 2013. T. 5/16. S. 90.

⁸¹ *Czapliński P.* Powrót centrali. S. 40.

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.02

Екатерина Викторовна
БАЙДАЛОВА
(Москва)

**Must-read
украинской интеллектуальной элиты:
журнал «Критика»
как социокультурное явление**

Аннотация:

Глава представляет собой обзор истории создания украинского журнала «Критика» (год основания — 1997) и одноименного издания, а также основных направлений их деятельности на фоне социокультурных событий последних десятилетий на Украине. Делается вывод о решающем значении публикаций и деятельности издания для современной украинской гуманитаристики.

Ключевые слова:

журнал «Критика», Григорий Грабович, интеллектуальный дискурс, украинские гуманитарные науки

*Jekaterina V. BAYDALOVA
(Moscow)*

**The Must-read
of Ukrainian Intellectual Elite:
The Magazine «Krytyka»
as a Socio-cultural Phenomenon**

Abstract:

The study is a review of the Ukrainian magazine «Krytyka» and the publishing house «Krytyka»'s history and a review of its main areas of activity on the Ukrainian last two decades socio-cultural events. The conclusion is made that the articles and the activity of this magazine is very important for the development of the modern Ukrainian humanitarian science.

Keywords:

The magazine «Krytyka», George G. Grabovich, intellectual discourse, Ukrainian humanitarian science

Журнал «Критика» основан в 1997 г. в Киеве по инициативе Григория Юльевича Грабовича (р. 1943, Краков), украинско-американского литературоведа*, профессора кафедры украинской литературы Украинского научного института Гарвардского университета (Harvard Ukrainian Research Institute), а также писателя, публициста, политолога Николая Юрьевича Рябчука (р. 1953, Луцк) при финансовой поддержке Гарвардского Украинского научного института. Изначально выходило два номера журнала в год, впоследствии количество номеров варьировалось от двух до восьми в год. С 2013 г. по настоящее время издается один выпуск в два месяца, то есть шесть номеров в год. Это издание формата А3 на офсетной бумаге. Входит в сеть европейских интеллектуальных журналов Eurozine.

Первый номер журнала «Критика», август 1997 г.

* Сфера научных интересов Г. Грабовича — история украинской, польской, русской литератур, их взаимосвязь, проблемы теории литературы.

Г. Грабович является не только основателем, идейным вдохновителем, но и бессменным главным редактором этого издания. Он человек с активной жизненной позицией, стремящийся объединить украинистов, работающих в разных частях света, создать единое научное пространство, в котором нет разделения на «материковое» и «диаспорное»* исследование украинской культуры, истории, языка и литературы. Грабович — знаковая, но неоднозначная фигура для украинской культуры. В 1983–1989 гг. он был главой факультета славянских языков и литератур Гарвардского университета, в 1989–1996 гг. — главой Украинского научного института Гарвардского университета, был президентом (1990–1993 гг.) и одним из основателей Международной ассоциации украинистов (МАУ)** в 2012–2018 гг. — главой Научного общества Шевченко*** в США (Shevchenko Scientific Society), с 1997 г. — почетный доктор Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Однако в 2015 г., когда Институт литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины выдвинул Грабовича на получение Шевченковской премии**** за книги «Шевченко, которого не знаем»¹ (переиздание монографии 2002 г.²) и «Гайдамаки» Шевченко³, против этого выступил целый ряд общественных организаций (среди которых, например, была запрещенная в России экстремистская организация «Правый сектор»*****), а также деятелей литературы и культуры, в том числе, некоторых лауреатов Шевченковской премии

* «Материковой» в украинской традиции первоначально называлась украинская культура на территории УССР, затем — на территории современной Украины, «диаспорной» — украинская культура за пределами Украины.

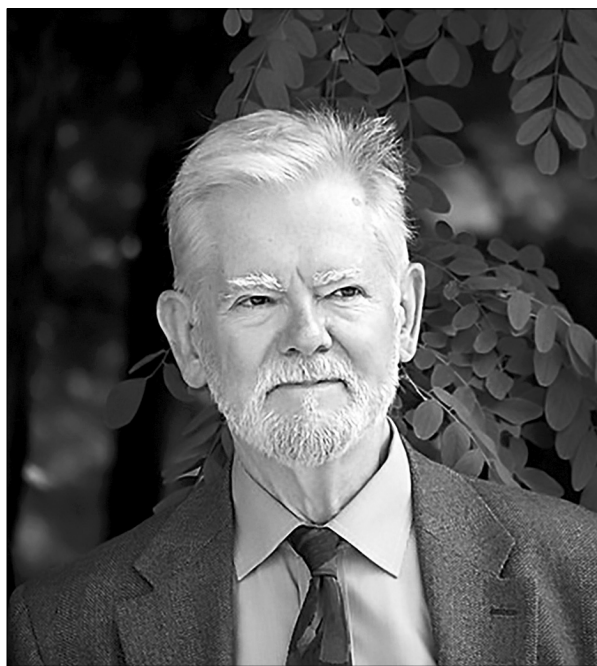
** Основана в 1989 г.

*** Научное общество (укр. товариство) им. Шевченко — общественная организация, занимающаяся научным изучением украинской истории и культуры. Основана в 1873 г. во Львове. Первоначальное название — Літературне товариство ім. Т. Шевченко. В 1892 г. было изменено название и направление деятельности (от литературного — к научному). В 1897–1916 гг. главой общества был М. Грушевский. В 1939 г. было ликвидировано советской властью. С 1947 г. Научное общество было возрождено в США и Западной Европе украинскими учеными-эмигрантами. С 1989 г. организация возобновила свою деятельность на территории Украины.

**** Национальная премия Украины имени Тараса Шевченко — высшая государственная награда Украины в области литературы, культуры, искусства, журналистики и публицистики. Учреждена в 1961 г., вручается ежегодно по сей день.

***** С 21 июля 2015 г. организация переименована в НВР «Правый сектор» (НВР — Національний визвольний рух / Национальное освободительное движение).

предыдущих лет, подписавших открытое письмо к главе и членам Шевченковского комитета⁴. Известному ученому, нередко выступающему с критикой украинского академического литературоведения, приписывались «деструктивные антиукраинские, в сути своей колониальные идеи»⁵. На защиту чести и достоинства Грабовича встали не только соратники по «Критике», но и многие выдающиеся деятели украинской литературы, культуры, общественные деятели, обменявшиеся с оппонентами открытыми письмами. Однако премия им. Шевченко так и не была присуждена Грабовичу.

*Григорий Юльевич
Грабович*

«Критика» задумывалась как издание интеллектуального содержания, вместе с тем, доступное широкому кругу читателей. При создании украинского журнала Грабович ориентировался на существующие европейские и американские образцы. Сам он называет

такие издания, как «The New York Review of Books»*, «The Literary Supplement»** и польский журнал «Kultura»***, издававшийся в Париже. Цели и задачи последнего были примером, на который опирались создатели украинской «Критики»: «Как показывает пятидесятилетний опыт парижской “Культуры”, даже один журнал может иметь решающее влияние на общество, на его ценности и самооценку, если только он делает свое дело честно, профессионально и с глубоким пониманием своего задания и идеи, которая им руководит. Такой же должна быть и цель “Критики”»⁶.

В то время как периодические издания подобного формата были привычны для западного читателя, для украинского читателя в конце 1990-х гг. проект, в котором сочетаются стремление к сохранению национального компонента и концепция интеллектуального перелома, создания новых стандартов и нового интеллектуального дискурса, был крайне актуален. Его актуальность сохраняется и по сей день****, хотя издатели понимают необходимость грамотно балансировать между сугубо элитарным содержанием для избранных интеллектуалов и доступностью для как можно более широкого круга читателей. «Критика» появилась и продолжает существовать на фоне сложной и малоутешительной ситуации в украинской литературно-критической периодике, для которой характерны «непоследовательность или размытость редакционной политики, дискретность и некоммерческий характер литературной и издательской деятельности, герметичность и эклектичность содержания, недостаток аналитических и излишек абстрактных тем [...], недостаточность или отсутствие качественной литературной критики, журнальной полемики между изданиями, эксклюзивных материалов»⁷. В целом, можно сказать, что журнал

* Журнал гуманитарной проблематики со статьями по литературе, культуре, науке, экономике, актуальным проблемам современности, издается в Нью-Йорке с 1963 г. по настоящее время по два номера в месяц.

** Ежедневный литературно-критический журнал Великобритании. С 1902 г. издавался как приложение к «Times», с 1914 г. — как самостоятельное издание.

*** Ежемесячный литературный журнал, издавался с 1947 по 2000 гг., главный редактор — Ежи Гедройц (1906–2000).

**** Выпускающий редактор «Критики» Оксана Форостина: «Такого плана издания есть во всех развитых странах, во всех развитых культурах. То есть это, собственно, та почва, то основание, которое должно быть под ногами». Украинская «Критика» среди ведущих журналов Европы. URL: <https://ukrainian.voanews.com/a/krytyka-ua-magazine/1784090.html> (дата последнего обращения: 28.05.2019).

«Критика» возникает в ответ на запрос украинского общества на качественное осмысление того, какой должна быть современная национальная гуманитарная наука*.

Безусловно, «Критика» не является совсем уж «одиноким воином» на поле борьбы за качественный интеллектуальный дискурс на Украине. Значимую роль в развитии и изменении украинских гуманитарных наук сыграли и продолжают играть также такие издания, как альманах «Дух і Літера» («Дух и Литэра» / «Дух и буква»), международный интеллектуальный журнал «Україна Модерна» («Украина Модэрна» / «Современная Украина»), издающийся при НаУКМА** «Український гуманітарний огляд» («Украинський гуманитарный огляд» / «Украинское гуманитарное обозрение»). Правда, два последних являются официальными партнерами все той же «Критики» и печатаются одноименным издательством. «Дух и Литэра» — междисциплинарный журнал философского, социально-политического, культурологического, богословского направлений. Выпускается с 2001 г. один раз в год в одноименном издательстве при НаУКМА и Центре европейских гуманитарных исследований. Помимо научных статей и исследований в нем размещаются главным образом культурологические эссе. Позиция данного издания, в отличие от «Критики», более «умеренная», «пафос анализа, ревизии и деконструкции» заменяет «пафос синтеза, передачи традиции и “сохранения культурного наследия”»⁸ или, как считает другой критик, пафос эклектики⁹. «Украинський гуманитарный огляд» основан в 1999 г., выходит два раза в год и является одним из ведущих украинских исторических журналов. В нем постулируется диалогический характер научного познания. Заявленная редакцией цель — «сделать нормой научной жизни профессиональное публичное обсуждение работ по истории, философии, литературоведению, искусствоведению и этнологии, которые выходят в Украине и за ее пределами»¹⁰. «Украина Модэрна» — междисциплинарный научный журнал, по-

* Вот как Грабович говорит о создании журнала: «Было очень сильное чувство необходимости. И мы, так сказать, немного авантюрно это сделали. Потому что у нас точно не было денег. У нас были люди, что является самым важным, у нас были определенные тексты, концепция, а денег практически не было». Украинская «Критика» среди ведущих журналов Европы. URL: <https://ukrainian.voanews.com/a/krytyka-ua-magazine/1784090.html> (дата последнего обращения: 28.05.2019).

** НаУКМА — Национальный университет «Киево-Могилянская академия».

священный истории Украины и Центрально-Восточной Европы конца XVIII–XX вв. Издается с 1996 г. и выходит дважды в год. Цель редакции — вывести украинскую историю и историографию из узконациональных рамок. Для осуществления этой цели на страницах журнала помещаются тексты ведущих американских и европейских специалистов-историков, тем самым у украинского читателя появляется возможность ознакомиться с основными современными зарубежными историографическими дискуссиями и публикациями и вместе с тем «открыть украинское интеллектуальное пространство и украинские дискуссии для западного читателя»¹¹.

О цели создания «Критики» Г. Грабович писал следующее: «Что мы ставим себе целью? Чувство и переживание живого контакта с живой интеллектуальной мыслью, которая постоянно реагирует на все новое и постоянно это новое в разных интеллектуальных и жизненных измерениях осмысляет. Новое, где ни одна тематика не может быть ненужной, где точный, тонкий и живой подход ко всему, что происходит в мире в разных дисциплинах, — вот что нас интересует. На все это надо уметь реагировать, иначе мы будем выпадать из интеллектуальной колеи»¹². Редакция журнала подчеркивает, что стремилась основать издание для междисциплинарного обсуждения наиболее важных социальных, политических, культурологических проблем как общества в целом, так и отечественного (украинского) гуманитарного сообщества в современном и в историческом аспектах. Статьи, публикуемые в «Критике», должны, с одной стороны, быть строго выверены в научном отношении, с другой — быть написаны в эссеистической стилистике, чтобы их могли читать и понимать не только узкопрофильные специалисты. Предметом особой гордости журнала является публикация в нем не только украинских исследователей или зарубежных украинского происхождения, но и выдающихся ученых с мировым именем. Среди авторов «Критики» были Умберто Эко¹³, Чеслав Милош¹⁴, Славой Жижек¹⁵, Эдвард Саид¹⁶ и др.

«Критика» — это не только журнал, который размещает на своих страницах статьи о современных социокультурных явлениях, развернутые рецензии на новые издания, аннотации на недавно появившиеся книги, обзоры по самым разным тематикам, самое важное, что на его страницах идут актуальные дискуссии между признанными в обществе интеллектуалами и специалистами в различ-

ных областях гуманитарного знания. «Для “Критики” [...] основной ценностью является открытость и смелость процесса осмысления, в то время как всякая шаблонность и групповщина заслоняли бы ее основную цель»¹⁷, — писал в программной статье первого выпуска Г. Грабович. Такое пространство плюрализма по-своему уникально в интеллектуальном дискурсе Украины. Именно поэтому «Критика» быстро стала авторитетным и читаемым изданием, за дискуссиями в котором следят украинские интеллектуалы, имеющие отношение к гуманитарным наукам.

Безусловно, «Критика» со временем менялась. Предложенный изначально в большей степени рецензионный формат выдержать не удалось, отчасти из-за отсутствия развитого института литературной и в целом гуманитарной критики на Украине, однако рецензии остаются неотъемлемой частью журнала. С течением времени в издании увеличилось количество научных эссе (преимущественно критически пересматривающих оценки исторических событий, национальные мифы, литературный канон и т.п.), а также актуальной политической аналитики и даже публицистики, в то время как собственно литературная критика практически перестала существовать и, скорее, преобразовалась, в историко-литературоведческие исследования и «рефлексивную эссеистику самих литераторов»¹⁸.

Более чем за двадцать лет истории «Критики» предметами полемики становились многие и многие явления культуры, литературы, политики, а также исторические события, требующие нового осмысления. Остановимся на наиболее ярких и важных для понимания ситуации эпизодах.

Один из основателей и постоянных авторов «Критики» — Николай Рябчук — выдвинул и обосновывал в своих текстах так называемую «креольскую концепцию», которая рассматривает украинскую идентичность в рамках постколониальной теории*. Согласно ей население, находившееся в колониальном статусе, после деколонизации продолжает исповедовать ценности культуры колонизаторов, их язык и привычки, при этом «креолы» остаются сознательными гражданами своего государства, но живут с комплексом национальной

* Подробнее о постколониальной теории см. *Байдалова Е. О специфике постколониальных исследований в современном украинском литературоведении // Славянский альманах 2019. Вып. 1–2. М., 2019. С. 446–461.*

неполноценности. Противники и сторонники этой теории имели возможность высказаться на страницах журнала. Вместе с тем авторы, пользующиеся в своих работах инструментарием постколониальных исследований, все эти годы активно публиковались в «Критике».

Широко осуждались перспективы феминистского дискурса, гендерных исследований*. Здесь одними из наиболее ярких были работы Марты Богачевской-Хомяк «Тендер вокруг гендера»¹⁹, Нилы Зборовской «Победа плоти»²⁰, Веры Агеевой «Кто боится призрака матриархата?»²¹, Ирины Грабовской «Женственность — трагедия Украины?»²².

Остро дискутировались проблемы академических стандартов, распространение коррупции и практики плагиата** в украинской науке последних десятилетий. В первые десятилетия существования журнала была широко распространена практика «открытых писем», в которых авторитетные украинские ученые открыто дискутировали друг с другом по поводу написанных статей, методологии исследований, аксиологических подходов***.

* Подробнее о гендерных исследованиях в украинском литературоведении см. *Байдалова Е.* Гендерные исследования в современном украинском литературоведении. Комментарии к библиографии // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Серия «Современные литературы стран ЦЮВЕ». Москва, Институт славяноведения РАН, 2013. С. 225–244.

** Проблема плагиата — одна из серьезнейших проблем украинской науки, главным образом, гуманитарной. За последние годы разразилась целая серия скандалов, когда вышли в публичное поле и широко обсуждались в СМИ и Интернет-пространстве случаи плагиата учеными с научными степенями, занимавшими серьезные посты в высших учебных учреждениях. Так, например, в Интернет-издании «ЛітАкцент», специализирующемся на статьях, рецензиях и эссе в области современной литературы, тема плагиата в последний год стала одной из фокус-тем, ей посвящены следующие статьи: *Семків Р.* «Плагіат: епідемія чи невігластво?», *Петренко О.* «Положення про академічний постмодернізм: самоплагіат (думки фахівців)», *Романцова Б.* Грабуї пограбоване: відомі випадки літературного плагіату», *Рудик К.* «Свій до свого по чуже: кінокрадіство по-радянськи» и др. URL: <http://litakcent.com/category/plagiat/> (дата последнего обращения: 30.05.2019).

*** См., например, дискуссию, развернувшуюся в третьем номере журнала между Евгением Сверстюком и Максимом Стрихой о том, как можно и нельзя писать и говорить о писателях 1960-х гг.: *Сверстюк С.* Вихід з обезбоженного світу (лист до редакції «Критики») // Критика. Рік II, число 1 (3). 1998. Серпень. С. 29–31; *Стриха М.* Дещо про Вольтера, дискурси і точність цитат // Критика. Рік II, число 1 (3). 1998. Серпень. С. 31. Важно, что произошел не только обмен мнениями между авторами. В дискуссию включились другие исследователи. См., например: *Кулик В.* Листи до «Критики». Дещо тільки про дискурси // Критика. Рік II, число 5 (7). 1998. Травень. С. 31.

Долго и широко обсуждалась реформа правописания, ее рецепция в обществе, взаимосвязь языковой практики и орфографических изменений с политической конъюнктурой. Так, статьи Ольги Кочерги и Вадима Дывнича, появились как ответ на проект нового украинского правописания²³ еще в 2002 г. 2 мая 2019 г. кабинет министров Украины принял постановление № 437 «Вопрос украинской орфографии», по которому была одобрена новая редакция правил «Украинской орфографии», — и все это время, полтора десятилетия, «Критика» была площадкой для открытого обсуждения будущей реформы.

Серьезное внимание уделено проблеме формирования нового литературного канона и переосмыслению традиционного. Практически в каждом номере, начиная с первого, есть материалы на эту тему: Наталья Белоцерковец в статье «Литература на перепутье», рассматривая современную литературу, делает вывод о том, что «Карфаген украинской провинциальности» в области культуры если не разрушен, то серьезно поврежден, поскольку на «литературную арену» вступили такие авторы, как Оксана Забужко, Юрий Андрухович, Юрий Винничук и Андрей Кокотюха²⁴, — более чем через двадцать лет с этим нельзя не согласиться, так как именно эти писатели наряду с другими поэтами и прозаиками формируют канон современной украинской литературы.

Вполне предсказуема и центральная фигура обсуждения традиционного канона — Тарас Григорьевич Шевченко, — демифологизации его личности и творчества посвящены монографии Грабовича «Поэт как мифотворец. Семантика символов в творчестве Тараса Шевченко» (1991, 1998), «Шевченко, которого не знаем» (2000, 2014), «Шевченковские “Тайдамаки”»: поэтика и критика» (2013). Названия и содержание работ о Шевченко часто полемически заострены, как, например, статья Александра Гриценко «Бриллиант в бараньей шапке»²⁵ о создании визуального образа украинского поэта в искусстве. В номере, посвященном итогам празднования 200-летнего юбилея Т.Г. Шевченко, в статье «Тарас Шевченко: формирование национального поэта»²⁶ Грабович рассматривает стратегии и этапы становления в литературно-культурном каноне фигуры национального поэта, а Александр Гриценко и Надежда Гончаренко в своей статье предлагают обзор официальных и альтернативных моделей празднования юбилея поэта²⁷. Иван Франко, Леся Украинка, Ольга Кобылянская,

Владимир Винниченко, Павел Тычина и многие другие — писатели, чье значение и место в национальном литературном каноне подвергается переосмыслению в публикациях в «Критике».

Критика.

*Год XIX, число 3–4 (209–10). Июнь 2015.
Номер, подводющий итоги празднования
200-летнего юбилея Т. Г. Шевченко.*

В журнале также поднимаются вопросы активизации в украинском обществе в последние годы ностальгии по советскому обществу и образу жизни, возникновения ксенофобии, в том числе антисемитской, антипольской, антизападной и антироссийской риторики. Многие материалы посвящены проблемам исторической памяти, травмы, «амнезии и амнистии». Не замалчиваются такие «проблемные точки» в истории Украины, как Голодомор 1933-го г., Волынская

резня* 1943 г., национальное повстанческое движение в годы Второй мировой войны. В последние несколько лет возросло число материалов на политические и геополитические темы, в центре которых вполне предсказуемо оказываются сложные взаимоотношения Украины и России в синхронном и диахронном аспектах, осмысление истории и геокультурологии восточных территорий²⁸.

В 1999 г. было основано издательство «Критика», которое стало специализироваться на издании монографий зарубежных и украинских ученых из области истории, политологии, литературоведения, культуры, философии, социологии, а также мемуарной литературы и художественных произведений классиков украинского модернизма и современных авторов, материалов по истории Украины, библиографических справочных изданий, собраний архивных материалов, комментированных академических изданий памятников украинской словесности XIX–XX вв. Среди наиболее серьезных и важных проектов — многотомное историческое исследование Людмилы Гриневич «Хроники коллективизации и Голодомора на Украине. 1927–1933», подготовка полного комментированного собрания произведений выдающегося украинского просветителя, общественного деятеля, писателя XIX-го в. Пантелеймона Кулиша, а также подготовка к публикации комментированного корпуса материалов «Тарас Шевченко в прижизненной и посмертной критике», серия «Открытый архив» (сборники материалов по истории украинской культуры XIX–XX вв.). Одно из новых направлений — выпуск в электронной форме материалов по истории культуры, в том числе полнотекстовые версии литературно-художественных журналов 1920–1930-х гг. с библиографическими описаниями (журналы «Мистецтво», «Універсальний журнал», «ВАПЛІТЕ», «Авангард», издания украинских футуристов). Часть книг можно приобрести не только в бумажных, но и в электронных версиях.

В 2003 г. был основан Институт Критики. Его бессменным президентом является Г. Грабович, исполнительным директором был Михаил Минаков — доктор философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Национального университета «Киево-

* В большинстве украинских изданий для этого события используют эвфемизмы, такие как «трагедия» или «драма», в «Критике» же используют именно устоявшееся словосочетание «Волынская резня».

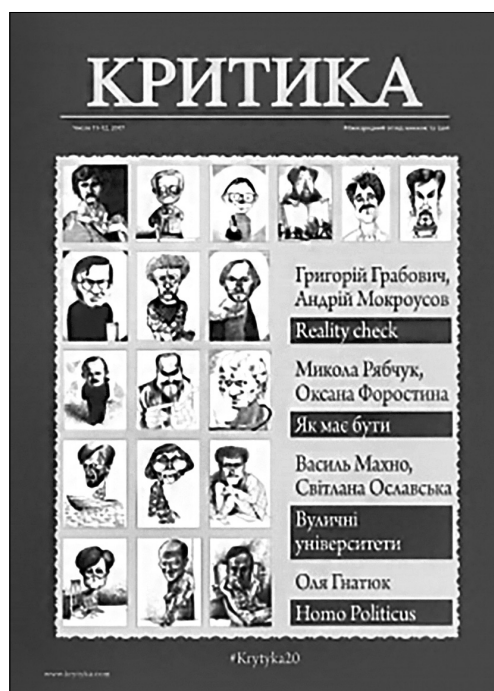
Могилянская академия», с 2016 г. стала Тамара Гундорова — доктор филологических наук, член-корреспондент НАН Украины, профессор, заведующая отделом теории литературы и компартиvistики Института литературы имени Тараса Шевченко НАН Украины, которая главной миссией «Критики» видит «дальнейшее утверждение высоких стандартов академической науки»²⁹. Основные направления деятельности Института — источниковедение, научно выверенная подготовка к печати и публикация материалов по истории украинской культуры XIX–XX вв., а также организация научных международных симпозиумов. Из наиболее значимых вышедших изданий, помимо продолжающегося полного собрания сочинений Кулиша, — полное собрание сочинений Владимира Свидзинского в двух томах (2004)³⁰, полный корпус текстов писем Михаила Коцюбинского к Александре Аплакшиной (2008)³¹.

«Критика» активно представлена в Интернет-пространстве: существует сайт «Критика», на котором доступна вся актуальная информация о деятельности издательства и института, электронная версия выкладывается одновременно с бумажной, в электронном виде хранится архив материалов. Соответственно, на сайте можно оформить подписку на любую из версий журнала, а также платно получить полный доступ к архиву*. Существуют две версии сайта: на украинском и на английском языках.

«Критические решения» — новый онлайн проект на сайте, медийная платформа, «место встречи» для экспертов, которые вырабатывают видение и решение актуальных для Украины вопросов, предлагают обществу возможные решения насущных проблем. Специальные темы этого проекта — Евромайдан, «Коррупция как ценность», «Будущее нашего прошлого», «Бизнес и инновации», «Легитимность власти» и др.

Журнал, издательство, институт, а также онлайн проект «Критические решения» образуют группу «Критика», которая видит свою миссию в том, чтобы устанавливать высокие стандарты культурологических и политических дискуссий на Украине; обеспечивать глубокий анализ и поиск альтернативных решений для важных общественных проблем; принимать участие в глобальных дебатах отно-

* Рекламный слоган для оформления подписки на сайте: «Подарите детям умных родителей».

*Юбилейный выпуск журнала «Критика»
(20 лет со дня первого выпуска).
№ 11–12 (241–242). 2017. Декабрь.*

сительно ключевых вопросов украинской политики и общественной жизни, артикулируя при этом значение и перспективы Украины; затрагивать темы, которые не появляются в украинских медиа, или те, которые в украинском обществе рассматриваются как табуированные и маргинальные (неоднозначные, спорные исторические события, ксенофобия, антисемитизм, гендерная и сексуальная дискриминация), и таким образом принимать участие в строительстве действенного гражданского общества и формирования уважительного отношения к фундаментальным демократическим ценностям; делать возможным прямой доступ к актуальным интеллектуальным дебатам на Украине для международных аналитиков и критиков, способствуя интеграции Украины в международное сообщество.

За многие годы своего присутствия в украинском интеллектуальном пространстве «Критика» сама стала социокультурным явлением современной Украины. Она часто формирует общественную «повестку дня»: ставит на обсуждение те проблемы и вопросы, которые требуют осмысления, «проговаривания» в украинском обществе, переживающем, пожалуй, один из самых сложных периодов своего существования. Не менее важно и то, что она влияет на мировоззрение интеллектуальной элиты, тех, от кого, как хотелось бы верить, зависит будущее Украины*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Грабович Г.* Шевченко, якого не знаємо. З проблематики символічної автобіографії та сучасної рецепції поета. Київ, 2014.
- ² *Грабович Г.* Шевченко, якого не знаємо. Київ, 2000.
- ³ *Грабович Г.* Шевченкові «Гайдамаки»: Поема і критика. Київ, 2013.
- ⁴ Відкритий лист голові та членам Шевченківському комітету. URL: <http://dontsov-nic.com.ua/vidkrytyj-lyst-holovi-ta-chlenam-shevchenkivskoho-komitetu/> (дата последнего обращения: 27.05.2019).
- ⁵ Відкритий лист голові та членам Шевченківському комітету.
- ⁶ *Грабович Г.* Критика: для чого? для кого? і яка? // Критика. Рік I, число 1 (1). 1997. Серпень. С. 3. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/krytyka-dlya-choho-dlya-koho-i-yaqa> (дата последнего обращения: 29.05.2019).
- ⁷ *Бітківська Г.* Сучасний літературний журнал у науковому та літературно-критичному дискурсі // Збірник наукових праць (філологічні науки). 2015. № 6. С. 159–163.
- ⁸ *Андерер Я.* «Украинская» «интеллектуальная» «периодика». Литераторы и эссеисты, философы и ученые. Ч. 2 // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). С. 114–121. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/ukrainskaya>

* См., например, свидетельство Д. Шевчука, одного из авторов «Критики», доктора философских наук, профессора, проректора Национального университета «Острожская академия»: «Признаюсь, что “Критика” в значительной мере повлияла на формирование моего мировоззрения. Ведь в ней с самого начала основания журнала печатались тексты тех, кто считался чуть ли не интеллектуальными “гуру”»: Григорий Грабович, Юрий Андрухович, Максим Стриха, Николай Рябчук, Ярослав Грицак и др. И сначала казалось, что невозможно, чтобы моя статья оказалась рядом с их статьями. Однако когда я еще учился в аспирантуре, я подал свой текст на рассмотрение редколлегии. И приятной неожиданностью было то, что его одобрили». «Критика» — одно из наиболее авторитетных изданий, и не только на Украине. Газета «ОГО». 03.04.2019. URL: <http://ogo.ua/articles/view/2019-04-03/99050.html> (дата последнего обращения: 22.05.2019).

- intellektualnaya-periodika-chast-2-literatory-i-esseyisty-filosofy-i-uchenye.html (дата последнего обращения: 09.01.2020).
- ⁹ Булкина И. Тесный круг. (Украинская гуманитарная «периодика») // НЛЮ. 2010. № 6 (106). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/tesnyj-krug.html> (дата последнего обращения: 13.01.2020).
- ¹⁰ URL: <https://krytyka.com/ua/solutions/partners/ukrayinskyu-humanitarnyyu-ohlyad> (дата последнего обращения: 10.01.2020).
- ¹¹ URL: <https://krytyka.com/ua/solutions/partners/ukrayina-moderna> (дата последнего обращения: 12.01.2020).
- ¹² Грабович Г. Модель «Критики» // Критика. Рік XXI, число 11–12 (241–242). 2017. Грудень. С. 2–6. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/model-krytyky> (дата последнего обращения: 22.05.2019).
- ¹³ Умберто Е. Священні війни, емоції та здоровий глузд // Критика. Рік V, число 11 (49). 2001. Листопад. С. 4–6.
- ¹⁴ Мілош Ч. Про агонію Заходу // Критика. Рік V, число 6 (44). 2001. Червень. С. 5–6.
- ¹⁵ Жижек С. Ласкаво просимо до пустелі Реального // Критика. Рік V, число 10 (48). 2001. Жовтень. С. 7–9.
- ¹⁶ Сайд Е. Думки про Америку // Критика. Рік VI, число 5 (55). 2002. Травень. С. 10–11; Публічна роль письменників та інтелектуалів // Критика. Рік VII, число 1–2 (63–64). 2003. Лютий. С. 18–20.
- ¹⁷ Грабович Г. Критика: для чого? для кого? і яка?
- ¹⁸ Андерер Я. «Українська» «інтелектуальна» «периодика». Літератори і есеїсти, філософи і учені.
- ¹⁹ Богачевська-Хомяк М. Тендер довкола гендера // Критика. Рік II, число 3 (5). 1998. Березень. С. 21–23.
- ²⁰ Зборовська Н. Перемога плоті // Критика. Рік II, число 10 (12). 1998. Жовтень. С. 28–29.
- ²¹ Агеева В. Хто боїться приви́ду матриархату? // Критика Рік III, число 5 (19). 1999. Травень. С. 22–23.
- ²² Грабовська І. Жіночність — трагедія України? // Критика. Рік III, число 12 (26). 1999. Грудень. С. 24–25.
- ²³ Кочерга О. Правопис чужомовного походження // Критика. Рік VI, число 3 (53). 2002. Березень. С. 6–9. Дивнич В. Недержавний правопис державної мови // Критика. Рік VI, число 3 (53). 2002. Березень. С. 10–11.
- ²⁴ Білоцерківець Н. Література на роздріжжі // Критика. Рік I, число 1 (1). 1997. Серпень. С. 28–29.
- ²⁵ Грищенко О. Діамант у баранячій шапці // Критика. Рік III, число 12 (26). 1999. Грудень. С. 20–23.
- ²⁶ Грабович Г. Тарас Шевченко: формування національного поета // Критика. Рік XIX, число 3–4 (209–10). 2015. Червень. С. 2–9.
- ²⁷ Грищенко О., Гончаренко Н. Шевченківський ювілей: майже як завжди, тільки скромніше. Критика. Рік XIX, число 3–4 (209–10). 2015. Червень. С. 10–19.

-
- ²⁸ *Віхров М.* Чи можлива українізація? Міркуючи про кейс Донбасу // Критика. Рік XXII, число 1–2 (243–244). 2018. Лютий. С. 9–11; *Поліщук Я.* Метафора і метонімія Донбасу // Критика. Рік XXII, число 1–2 (243–244). 2018. Лютий. С. 12–19; *Артимишин П.* Від «Малоросії» до «Новоросії» // Критика. Рік XXIII, число 1–2 (255–256). 2019. Лютий. С. 10–22 и др.
- ²⁹ Тамара Гундорова стала исполнительным директором Института Критики. Критика. Новости. Сентябрь. 2016. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/tamara-hundorova-stala-vykonavchoyu-dyrektorkoju-institutu-krytyky> (дата последнего обращения: 20.05.2019).
- ³⁰ *Свідзінський В.* Твори у двох томах. Київ, 2004.
- ³¹ *Коцюбинський М.* Листи до Олександри Аплаксіної. Київ, 2008.

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.03

Юрий Павлович
ГУСЕВ
(Москва)

|| Журнал «Беселё»

Аннотация:

Самиздатский журнал «Беселё» представлял венгерскую свободную мысль с 1981 г. до краха социалистической утопии, так что его роль в разрушении монолитной коммунистической идеологии можно считать значительной. После 1990 г. журнал стал легальным — и прекратил свое активное существование лишь в 2012 г.

Ключевые слова:

Венгрия, самиздат, демократическая оппозиция, коммунистическая идеология

Yury P. GUSEV
(Moscow)

|| «Beszélő» magazine

Abstract:

The samizdat magazine «Beszélő» represented Hungarian free thought from 1981 until the collapse of the socialist utopia, so its role in the destruction of the monolithic Communist ideology can be considered significant. After 1990, the magazine became legal — and ceased its active existence only in 2012.

Keywords:

Hungary, samizdat, democratic opposition, Communist ideology

Название венгерского журнала «Беселё» («Beszélő») лучше всего, наверное, было бы перевести как «Собеседник»: это удобный, благозвучный, но приблизительный перевод. Точный смысл этого названия — иной. Но для объяснения нужно сказать несколько вводных слов.

После жестоко подавленного восстания (революции) осени 1956 г. несколько лет продолжался период «возмездия» (так его называют венгерские историки). Янош Кадар, поставленный Кремлем навести порядок в вышедшей вдруг из повиновения, взбунтовавшейся «братской» стране и вернуть ее в «социалистическое содружество», примерно наказав зачинщиков, добросовестно выполнил порученное

ему дело. В июне 1958 г. был повешен премьер-министр революционного правительства Имре Надь (с ним — его соратники П. Малетер и М. Гимеш). Всего были в разное время казнены 250–300 человек (это — не считая убитых во время уличных боев конца октября — начала ноября 1956 г.). Говоря о человеческих потерях, связанных с подавлением восставшего народа, уместно, конечно, помнить и о том, что многие и многие тысячи венгров после этого покинули страну, бежали на Запад. К началу 1960-х гг. Венгрия прочно заняла свое место в «социалистическом лагере».

Правда, дальнейшая история «строительства социализма» в Венгрии представляется не вполне стандартной, в чем-то интригующей, полной противоречий. Сама фигура Яноша Кадара — неоднозначна. Венгры видят на нем несмываемое иудино клеймо. Конечно, оно на нем оставалось; но мне (и, думаю, не только мне) почему-то трудно избавиться от ощущения, что оно, это клеймо, ему самому доставляло немалые душевные муки. (Вон ведь и Иуда Искарот повесился на осине.) Красноречивым свидетельством этого можно считать поведение Кадара в последние месяцы жизни, когда он, уже смещенный с поста генсека, явился на заседание ЦК ВСРП (апрель 1989 г.) и в длинной, путаной речи пытался если не оправдать, то объяснить свои действия. Но еще гораздо раньше, в 1961 г., на очередном съезде ВСРП, он выдвинул тезис «Кто не против нас, тот с нами». Тезис этот представляет собой перефразировку слов Иисуса (напр., в Евангелии от Луки: «...кто не против вас, тот за вас»; Лк 9,50), но в данном случае, разумеется, для нас важна не столько переключка с Библией, сколько обозначенная в этих словах допустимость поворота (да, очень осторожного поворота) государственной политики к идеологической толерантности. Более того, тут нельзя не вспомнить, что в 1957 г. Кадар привел в руководство партией Дёрдя Ацеля; того самого Ацеля, который уже в августе 1957 г. (когда еще и года не прошло после разгрома революции), будучи замминистра культуры, направил в ЦК партии письмо, в котором впервые сформулировал свою, позже ставшую знаменитой, формулу «трех Т» (от венгерских слов «támogatás, tűrés, tiltás» — «поддержка, терпимость, запрет»), формулу, утверждавшую в культурной политике такую «либеральную» парадигму, органической частью которой является терпимость к *иным* взглядам, то есть инакомыслие.

Трудно сказать, продуманно действовал Кадар или спонтанно, но он реально (хотя и, повторю, крайне осторожно, с постоянной оглядкой на «старшего брата») двигал Венгрию в направлении «социализма с человеческим лицом». (То есть в направлении того концепта, который, выраженный в неприкрытой, незакамуфлированной форме, вызвал настолько острую реакцию имперского центра — Кремля, — что привел в 1968 г. к применению военной силы.) И создал — применительно к существующим возможностям — нечто половинчатое, компромиссное: «гуляш-коммунизм», или «фриджидер-коммунизм», как это называли на Западе. То есть такой строй, где существовала относительная свобода взглядов, путешествий, предпринимательства и т. п. Но — не политической деятельности: политикой занималась партийная верхушка. И для широкого обсуждения, по крайней мере, в СМИ, отдельные темы были категорически закрыты, табуированы (1956-й год; отношение к СССР и др.).

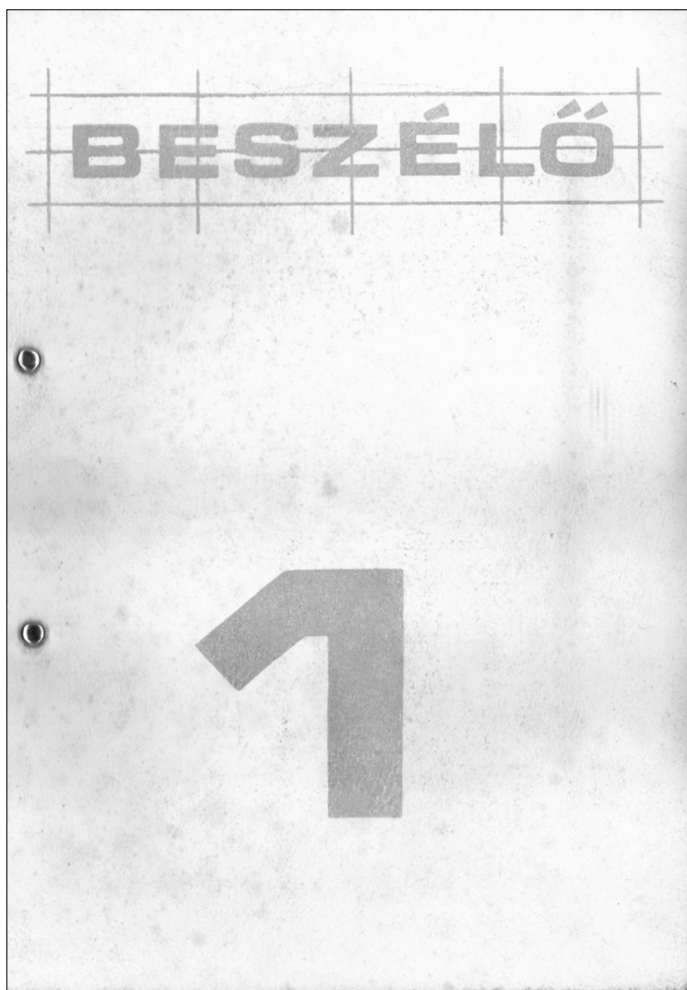
Однако с течением времени венгерское общество относилось к такому порядку вещей все с большим недовольством и раздражением, не желая мириться с табу, с жесткой цензурой; оно хотело свободно говорить обо всем, в том числе и о политике.

В такой атмосфере и появился (хочется сказать: просто не мог не появиться, — но это, конечно, совсем не так: вполне мог и не появиться, если бы не нашлись достаточно отважные, способные ради высоких принципов пренебречь личным благополучием люди) самиздатский журнал «Беселё». Венгерское слово «beszélő» буквально означает «говорящий»; то есть, вынесенное на обложку, оно как бы демонстрирует готовность отказаться от покорного молчания, готовность говорить несмотря ни на что, высказывать свое, отличающееся от официального, от разрешенного, мнение. Готовность отстаивать свободу слова.

Недаром одним из главных пунктов, на котором сошлись, обсуждая идею издания журнала, оппозиционеры, стало убеждение, что в каждом номере должен присутствовать хотя бы один материал, нарушающий существующую систему табу, посвященный какому-либо острому, наболевшему вопросу внутренней или внешней политики.

Среди основателей журнала были такие известные (не только в Венгрии) гуманитарии, общественные деятели, как философ, филолог, правозащитник Миклош Харасты (Haraszti Miklós; р. 1945),

публицист, критик, писатель Ференц Кёсег (Köszeg Ferenc; р. 1939), экономист и публицист Янош Эрши (Eörsi János; 1953–2005), социолог и публицист Габор Ф. Хаваш (F. Havas Gábor; р. 1944), историк и журналист Шандор Силади (Szilágyi Sándor; р. 1954) и др.

*Обложка 1-го номера журнала «Беселё»
за 1981 г.*

Нельзя сказать, что в Венгрии до этого момента не было самиздата. Разного рода публикации, от листовок до книг, нелегально печатавшихся в стране или за рубежом, появлялись примерно с 1975 г. Но журнал «Беселё» означал качественно новый шаг: это было периодическое издание, тираж которого обеспечивался с помощью множительной техники и распространялся не только в Будапеште, но и по всей стране. Что касается регулярности, то в первый период журнал выходил примерно четыре раза в год, затем, после 1990 г., стал еженедельным, а с 1996 г. — ежемесячным. В 2012 г. журнал ушел в интернет, на этом его активная жизнь, в сущности, закончилась.

Самым интересным — можно сказать (конечно, если смотреть со стороны и с большой временной дистанции), полным романтики периодом были первые пять-шесть лет, когда издававшийся нелегально журнал находился в поле зрения спецслужб. Первый номер вышел в 1981 г., примерно в те дни, когда в Польше было объявлено военное положение. (Совпадение это, конечно, было случайным, однако в истории Венгрии, и давней, и новейшей, связь с Польшей, переключки духовных явлений, общественных движений, взаимный интерес и симпатии — все это на протяжении столетий приобрело характер традиции. Упомяну лишь, что события осени 1956 г. также начались с демонстрации будапештской молодежи в поддержку поляков — восстания в Познани). Типография, где печатался журнал, находилась в крестьянском доме, в селе Дунабогдань, недалеко от границы со Словакией. Отсюда тираж, в багажнике чьей-нибудь машины, привозили в Будапешт для распространения. Одним из самых активных таких «курьеров» стал (с 1986 г.) Габор Демски¹, будущий бургомистр Будапешта. Главного редактора в тот период в журнале не было; точнее, эту функцию активисты выполняли по очереди. Материалы каждого номера чаще всего обсуждались коллективно. Статьи подписывались псевдонимами; иногда сами редакторы не знали, кто скрывается под тем или иным псевдонимом. Естественно, журнал и его авторы находились под пристальным вниманием тайной полиции: прослушка телефонов, слежка, обыски, аресты были обычным делом; активистов увольняли с официальной работы, отбирали у них загранпаспорта, накладывали штрафы и т.д.

Всё это так, и всё это в тогдашней Венгрии, как и в других странах «социалистического содружества», — дело естественное. Но — вот что не может не заставить задуматься.

Стабильной общественной формацией — вероятно, это вещь очевидная и не требует особого доказательства — является только диктатура, только деспотия. Общественный уклад, который опирается на компромисс, стабильным быть не может: он подразумевает более или менее постоянные изменения, колебания в ту или иную сторону. Примеров в этом плане много и в нашей истории, в послесталинской эпохе: и деятельность Хрущева, которого кидало то в сторону либерализма, то в сторону диктаторства, и период правления Брежнева. Сталин, надо думать, не оставил бы в живых ни Сахарова, ни Солженицына — и, не будь он смертным, созданный им режим неколебимо стоял бы, вероятно, еще очень долго. Может быть, и по сей день.

Янош Кадар — тоже фигура компромиссная (об этом уже шла речь); Хрущев, конечно же, мог поставить наместником в Венгрии только человека своего типа. Когда в основе какой-то системы лежит компромисс, ее, эту систему, постоянно нужно обновлять, модифицировать — иначе она начнет деградировать, иногда очень быстро. Пример подобной деградации можно видеть хотя бы в упомянутом выше принципе «трех Т»: лет за десять-пятнадцать практически вся венгерская литература перебралась в категорию «терпимой» по той простой (психологической) причине, что быть бунтарем, несогласным, не таким, как все, в наших восточноевропейских краях куда более престижно, чем послушным и согласным, особенно если бунтарство не чревато экзистенциальными угрозами.

История журнала «Беселё» наводит на подобные же мысли. Бывшие участники (редакторы, авторы, распространители) журнала и сейчас, в изменившейся реальности, с гордостью говорят, что госбезопасность так и не смогла обнаружить, например, будапештские явочные квартиры, помещения, куда привозили нелегальный журнал. В это — не слишком верится! Вероятно, дело не только в искусстве конспирации. Ведь спецслужбы, существующие в любом несвободном государстве, на том и специализируются, чтобы находить и заблаговременно, в зародыше обезвреживать всё, что хотя бы потенциально угрожает стабильности данного уклада.

Дело, скорее всего, в том компромиссном характере сложившегося в Венгрии режима, о котором шла речь выше. Янош Кадар, выполнив свою палаческую роль, старался по возможности не усугублять эту сторону своего реноме, заслонить ее неким либеральным

флером. Кремль же, в общем и целом осудивший, устами Хрущева, сталинизм, заинтересован был продемонстрировать миру свое «человеческое лицо», и «либеральная» атмосфера венгерской жизни могла служить тут удобным аргументом.

Чтобы охарактеризовать эту атмосферу, уместно будет процитировать слова венгерского писателя-диссидента Дёрдя Конрада (Konrád György; 1933–2019), в которых он вспоминает о тех, уже становящихся давними, временах (цитата взята из книги «Листья на ветру. Раскопки 1», 2018): «Власти знали, что я не стану устраивать пожары или взрывы, а я знал, что меня не станут убивать, даже дадут работать, хотя работы мои издавать не будут. Они догадывались, что я с помощью своих друзей оппозиционеров издам их нелегально, но не препятствовали в том, чтобы у меня была спокойная комната — пускай и нашпигованная микрофонами»².

Ференц Кёсег, один из самых активных деятелей демократической оппозиции и один из создателей и редакторов «Беселё», рассказывает (в интервью 2004 г.): его, как и других, не раз задерживали, допрашивали и т. п. В частности, он сообщает такую деталь: следователь, ведущий допрос, скрывал, что он офицер госбезопасности. И повторял одно: «Нас не интересует, что вы пишете; нам важно, есть ли у вас разрешение» („Minket nem érdekel, mit írnak, csak az, hogy van-e rá engedélyük”)³. То есть акцент делался лишь на формальном соблюдении закона; тем более что по Конституции ВНР цензура была запрещена.

Однако не следует думать, что это была своего рода игра в кошки-мышки. Это была политическая борьба, полная риска. Оппозиционеров режима уже не убивали, но и веселого в этой деятельности было мало.

Журнал «Беселё», по мнению самих венгров, был примерно то же самое, что польская «Газета выборча». Конечно, существенна разница в тиражах: если тираж «Беселё» составлял 200–400 экземпляров (специальный номер с текстом «Общественного договора» был напечатан тиражом 2 000 экземпляров), то только первый номер «Газеты выборчей» составил 150 000.

До сих пор речь шла в основном о внешних, формальных моментах существования самиздатского журнала. Пора перейти к его содержательной стороне.

Ситуация, в которой созрела мысль о необходимости создания постоянного форума оппозиции, убедительно описана в открывающей первый номер журнала «Беселё» статье Яноша Киша (р. 1943; философ, публицист; ученик Д. Лукача, в какой-то момент выступивший, вместе с группой единомышленников, с критикой мэтра).

«Говорят, в Венгрии ничего не происходит. Народ рад, что его оставили в покое со всякой этой политикой, и в свободное время занимается своими делами: строит домик для семьи, разводит кур, ищет левых приработков. Интеллигенция замкнулась в оранжерее культуры, оставив политику — политикам. Церковь (все конфессии) сотрудничает с государством. Реакционеры и буржуазные демократы старого разлива вымерли, ревизионисты в коммунистическом движении так и не пришли в себя после разгрома 1956 г. Власть время от времени демонстрирует железный кулак, но, видя, что никто и не думает падать в обморок, торопливо прячет его в карман. [...] Тишь да гладь нарушает лишь горстка оппозиционеров — без особого эффекта». Автор решительно не согласен с такой картиной. В разных сферах общественной жизни почти непрерывно возникают проявления недовольства, протеста: забастовки, всякого рода акции (например, в промышленном районе Будапешта, Чепеле, рабочие носили гроб с надписью «Наша доля в прибыли»; статуе Ленина перед заводоуправлением в руку вложили ломоть хлеба, густо смазанный жиром, и т.п.). В качестве программы-минимум автор ставит перед журналом задачу: «собирать подобные факты и делать их доступными для широкой аудитории». Пока — хотя бы для такого количества людей, «какое можно охватить, пользуясь простым множительным устройством»⁴.

Правда, содержание уже этого, первого номера выходит далеко за рамки заявленного «минимума»: от чистой информации авторы — и это, по всей вероятности, неизбежно — переходят к анализу, к поиску закономерностей. Обращает на себя внимание, например, статья М. Харасты с ироническим заголовком «Такого у нас просто быть не может», посвященная тому, как венгерские правоохранители перенимают советскую и румынскую практику использования психиатрии в качестве кары за инакомыслие. В номере помещен материал о проявлениях инакомыслия в среде служителей католической церкви. Внимание авторов, естественно, не ограничивается пределами

Венгрии: отдельная статья рассказывает о положении венгерского национального меньшинства в Словакии; и целых четыре (!) статьи занимают, под разными углами зрения, ситуацией в Польше.

Хотя тематика журнала и поднимаемые в нем проблемы явно тяготеют к общественно-политическому спектру, гуманитарная составляющая в нем также играет важную роль. Об этом свидетельствуют как имена активных участников — кроме упоминавшегося выше прозаика Д. Конрада, (правда, его материалы, напечатанные в «Беселё», носят, скорее, публицистический, чем художественный характер), на страницах журнала можно встретить тексты поэта Дёрдя Петри (Petri György, 1943–2000) и прозаика Дёрдя Далоса (Dalos György, р. 1943), — так и общая стилистика, тональность публикуемых здесь материалов. (Интересная деталь: Д. Конрад, участвовавший в обсуждении замысла журнала, предлагал отказаться от печатного варианта и вместо этого распространять среди интересующихся аудиокассеты. Видимо, к такому варианту его подвиг пример аятоллы Хомейни, который именно с помощью аудиоматериалов добился ошеломляющей популярности своей идеологии в Иране.) С некоторым удивлением я встретил в этой — скажем так: космополитической — компании имена таких сугубых почвенников, как поэт Шандор Чоори (1930–2016), драматург Иштван Чурка (1934–2012), но в общем это, судя по всему, был некоторый временный союз перед лицом общего врага — коммунистического просоветского режима.

Приведу здесь свой перевод стихотворения Дёрдя Петри «Имре Надь», напечатанного в «Беселё» (1983, № 8) и посвященного, очевидно, двадцатипятилетию со дня казни политика, ставшего олицетворением венгерской революции 1956 г.

*Ты был безличен, старый господин в очках
и пиджаке,
твой голос не был зычен,
ты, видимо, не очень понимал,
что говорить собравшейся толпе,
уж слишком получилось всё врасплох.
И это было непривычно твоей профессорской
натуре.
Разочарован я стоял, последний лох,
и слушал речь твою. Ведь я не представлял*

Далее следовала четкая, продуманная, выверенная во всех нюансах и поэтому лаконичная программа перехода на путь демократического развития. Здесь выдвигались такие основополагающие требования, как многопартийность и конкурентность в политической жизни, совершенствование выборной системы, соблюдение прав личности, забота о национальных меньшинствах (в том числе — для венгров это особенно важно — о венграх в соседних странах) и т.п. В хозяйственной жизни, конечно, утверждался приоритет рыночных отношений...

В документе этом каждое положение, каждая мысль настолько отточены, настолько доведены до совершенства, что лучше всего было бы привести его целиком. Одно мешает сделать это: программа создания идеального общества сейчас, по прошествии тридцати с лишним лет, воспринимается в какой-то мере как утопическая. Благоговейное уважение к ней остается, но к нему добавляется и некоторый скепсис. Примерно такой же, как к другим подобным «программам», начиная с Десяти заповедей, продолжая «Общественным договором» Ж.-Ж. Руссо и заканчивая «Коммунистическим манифестом» (наверное, список можно расширить). Воплощение идеальных принципов в реальность чаще всего заканчивается не вполне идеальными результатами.

Кроме того, в «Общественном договоре» осмысляется как некий постоянный (на тот момент) фактор зависимость от Советского Союза. Размышляя о возможностях и способах движения к демократическим нормам государственной и общественной жизни, авторы даже не предполагали, что фактор этот исчезнет так скоро.

После развала соцлагеря и смены режима в Венгрии, как и в других странах бывшего «социалистического содружества», возникает новая реальность. В атмосфере плюрализма журнал «Беселё» утрачивает свою исключительность. Круг идей, на которые он опирается, можно определить как либерализм; примерно на той же платформе стояла возникшая после 1989 г. партия Альянс свободных демократов; многие авторы и почти все редакторы «Беселё» входят в руководство этой партии (хотя организационно журнал не был с ней связан).

Несколько лет главным редактором (уже легального) журнала «Беселё» был Ференц Кёсег, с 1995 по 2003 гг. — Илона Кишш (р. 1955). В последний период, до ухода журнала в интернет, его возглавляли историк Андраш Минк и Ласло Немени.

Редакторы журнала «Беселё».

Стоят (слева направо): Ференц Кёсег, Шандор Силади, Янош Киш.

Сидят (слева направо): Оттилия Шолт, Дёрдь Петри,

Миклош Хараст

(Фото: Ласло Лугоши Луго)

Поскольку из этой когорты самое знакомое для нас — имя Илоны Кишш, которая, оставив «Беселё», четыре года руководила Венгерским культурным центром в Москве, то о ней нужно сказать несколько слов дополнительно. Как она сама сообщает (в частном письме от 5 декабря 2018 г.), в журнал «Беселё» ее пригласили сотрудником зимой 1990 г.; первой работой, опубликованной в журнале, была статья о движении за независимость в Литве и других республиках Прибалтики. Ей же я доверю вывод о той роли, которую сыграл журнал «Беселё» в общественно-политической жизни Венгрии — прежде всего, конечно, в период до смены режима:

«Политическое значение самиздатского журнала “Беселё” огромно, — не только потому, что его авторы ДЕРЗАЛИ писать то и так, что и как думали, но и потому, что они выработали “язык”, необходимый для осуществления опирающегося на переговоры процесса смены режима; как выразились бы сегодня, демократический политический дискурс»⁶. То есть журнал за годы своего существования внес свой вклад в осознание «возможности нового мирового порядка».

Почему же журнал «Беселё» с течением времени сошел на нет, прекратил свое существование? Ну да, ушел в прошлое такой фактор, как созревшая в обществе острая потребность сопротивляться авторитарному, опирающемуся на ложь, демагогию и насилие (причем внешнее, чужое насилие) режиму. Но была, по-видимому, и другая, не такая явная причина, которую можно видеть в оттеснении на задний план, в какой-то мере даже дискредитации либерально-демократического мышления. Об этом можно говорить применительно не только к Венгрии, но и к России, и, наверное, к некоторым другим странам. Приходится сделать вывод, что те миллионные демонстрации, которые мы наблюдали и в которых участвовали в конце 1980-х гг., были выражением, скорее, стихийных настроений, чем зрелой общественной воли. Что же касается нового взгляда на мир, новых (разумеется, лишь по отношению к псевдоценностям, насаждаемым коммунистической идеологией) духовных ценностей, то общество в целом еще далеко не было к этому готово; не готово, кажется, и по сей день. Это, как ни печально заканчивать статью таким выводом, относится, повторю, пусть в разной мере, и к России, и к Венгрии, и к другим странам, которым пришлось очнуться от утопии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демски, Габор (*Demszky Gábor*; р 1952) — юрист, социолог; один из основателей партии «Альянс свободных демократов». С 1990 по 2010 гг. бургомистр Будапешта.

² *Konrád Gy. Falevelek szélben. Ásatás 1.* Budapest, 2018. S. 101.

³ https://mediakutato.hu/cikk/2004_03_osz/04_rendszervaltas/#02 (дата обращения: 09.01.2020).

⁴ <http://beszelo.c3.hu/cikkek/lapunk-ele> (дата обращения: 09.01.2020).

⁵ <http://beszelo.c3.hu/cikkek/valsagban-cselekedni> (дата обращения: 10.01.2020).

⁶ Личный архив.

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.05

Ференц
КЁСЕГ
(Будапешт)

|| Свобода за решеткой

Аннотация:

Один из лидеров венгерской демократической оппозиции, Ференц Кёсег, рассказывает о создании самиздатского журнала «Беселё», вспоминает некоторые особенно острые моменты его истории.

Ключевые слова:

Венгрия, коммунистический режим, самиздат, репрессии

KÓSZEG Ferenc
(Budapest)

|| Freedom behind bars

Abstract:

One of the leaders of the Hungarian democratic opposition, Ferenc Kőszeg, talks about the creation of the samizdat magazine “Beszélő”, recalls some particularly acute moments of its history.

Keywords:

Hungary, the Communist regime, samizdat, repressions

22 октября 1981 г. ко мне домой пришли люди в полицейской форме, предъявили какую-то повестку и, не проводя обыск, увезли меня в участок на улице Лайоша Толнаи. Позже я узнал, что по этому адресу помещается отделение обычной полиции; политическая же полиция, то есть госбезопасность, находилась здесь, так сказать, лишь «в гостях», ради камуфляжа. На кого была рассчитана эта маленькая хитрость, я по сей день не могу понять. Во всяком случае, следователи, допрашивавшие меня, и в тот раз, и позже, очень любили подчеркивать: их не интересует, о чем пишут в нашем самиздатском журнале, ведь свобода слова в Венгрии — конституционная норма; они лишь обнаружили, что у нас нет разрешения на тиражирование и распространение издания, а значит, мы нарушаем «предусмотренные законодательством правила функцио-

нирования СМИ». В те дни, осенью 1981 г., первый номер журнала «Беселё» был уже собран и подготовлен к печати, но о том, где находится рукопись, а тем более — где находится множительная машина, я и сам понятия не имел. И был рад этому: ведь выдать то, чего ты не знаешь, даже с побоями невозможно. Я не сомневался, что темой допроса станет именно «Беселё»: работа над первым номером продолжалась уже несколько месяцев, мы, редакторы, собирались каждую неделю, чаще всего у меня дома, и были уверены, что политическая полиция осведомлена обо всем, не знает только, где находится множительная машина. Это, однако, было известно лишь троим членам редакции.

Ференц Кёсез

Долгий допрос

Тем не менее, на допросе, как выяснилось, речь шла не о журнале. В 1956 г., 23 октября, Будапешт восстал против коммунистической диктатуры и советской оккупации. Дань памяти об этом событии — пускай в узком дружеском, семейном кругу, в атмосфере строгой тайны — отдавали многие. Публично же о нем можно было говорить, лишь называя его контрреволюцией. Но двадцатипятилетие — это, как-никак, случай особый, и демократическая оппозиция отметила его (19 октября 1981 г.) довольно широко, правда, опять же, на частной квартире, но при участии тридцати-сорока человек. А это был серьезный подрыв устоев: ведь режим Яноша Кадара стоял на том, что Кадар, призвав на помощь Советскую Армию, якобы разгромил в Венгрии фашистскую контрреволюцию. Инициатором этого юбилейного мероприятия стал Дёрдь Крашшо¹, который был арестован в ноябре 1956 г. и семь лет отсидел в тюрьме. Дёрдь

Петри, самый значительный, как мне кажется, венгерский поэт этой эпохи, прочел свое стихотворение под названием «На 24-ю годовщину малой Октябрьской революции». В последующие дни были допрошены в целом около двадцати участников нашего юбилейного собрания. Допрос вели, как это принято в таких случаях, один добрый следователь и один следователь злой, который был груб и сыпал угрозами. Спустя короткое время стало ясно, что осведомители сообщили органам практически все: в руках у следователей был полный список участников, они знали, кто какую роль играл в этом мероприятии, кто принес магнитофонную кассету с записью радиопередачи двадцатипятилетней давности — премьер-министр Имре Надь выступил тогда с заявлением по поводу вхождения советских войск в Будапешт. Целью этих допросов было, видимо, одно: допрашиваемые должны были выступить в качестве свидетелей на показательном процессе, где будут судить Дёрдя Крашшо и его товарищей. Так что и защищаться нам тут было нетрудно: надо было лишь не называть никаких имен, не кивать, когда следователь сам называл кого-нибудь, и не подписывать протокол, в котором стояли чьи-либо имена. Меня допрашивали довольно долго: дружелюбный следователь с воодушевлением рассуждал об Иштване Бибо², единственном министре революционного правительства 1956 г., который после вхождения советских войск в Будапешт еще целых два дня оставался в здании Парламента и от имени правительства выступил с заявлением. В нем, в частности, говорилось, что оккупационная армия и новое правительство, которое, вероятно, будет назначено, незаконны. В 1957 г. Иштвана Бибо арестовали и осудили на пожизненное заключение; смертной казни он избежал только благодаря тому, что индийский премьер-министр Джавахарлал Неру, один из самых авторитетных политиков в Движении неприсоединения, ходатайствовал перед советскими властями о том, чтобы Бибо не преследовали. Конечно, интересным и характерным для венгерской ситуации моментом было и то, что допрашивавший меня майор госбезопасности с искренним восхищением перечислял заслуги (к тому времени скончавшегося) политического мыслителя, который так никогда и не признал правительство, на службе которого состоял этот майор. Разумеется, деталь эта в протокол не попала, да и вообще там не было почти ничего, что заслуживало бы внимания, так что протокол

четырёхчасового допроса занимает едва полторы страницы. Когда в 1997 г. я собственными глазами смог, наконец, прочитать связанные с моей личностью документы из архива госбезопасности (или, скорее, их небольшую часть), я не без удовлетворения увидел там подтверждение правильности моей тогдашней тактики: «Ференц Кёсег и Михай Чако³ признали свое участие, но что-либо по сути вопроса вносить в протокол отказались». До суда над Дёрдем Крашшо дело, в конечном счете, так и не дошло. Надо думать, едва ли только по той причине, что никто не хотел давать показания против него. Скорее, думаю, потому, что сам режим старался избегать громких политических процессов, которые привлекли бы к нему внимание. Ведь даже один такой процесс наверняка развеял бы миф, будто Венгрия — нечто совсем иное, чем другие страны советского блока. Это и сделало возможным, что самиздатский журнал «Беселё» существовал с 1981 до 1989 гг., то есть до последних дней того режима, в котором власть принадлежала одной партии.

Первый номер «Беселё» вышел в середине декабря 1981 г., в те самые дни, когда карательные вооруженные формирования генерала Ярузельского громили независимый профсоюз «Солидарность», создание которого стало возможным пятнадцатью месяцами раньше, 31 августа 1980 г., после подписания соглашения между Польской Объединенной Рабочей Партией и Межзаводским Забастовочным Комитетом. Введение военного положения в Польше поставило венгерскую демократическую оппозицию и — внутри нее — редакторов «Беселё» перед ленинским вопросом «что делать?». Перипетии, связанные с выходом первого номера, как будто подтверждали опасения, которые высказал за год до этого Янош Кенеди⁴, один из лидеров венгерской демократической оппозиции, яркий, фонтанирующий идеями человек. Он считал, что оппозиция в Венгрии недостаточно глубоко знакома с условиями жизни и настроениями современного общества, а, главное, не располагает должным количеством авторов, чьи работы и без того не могли бы быть опубликованы в венгерской прессе, существовавшей в относительно либеральной атмосфере; но самое важное: у венгерской оппозиции нет программы, которая сплотила бы и повела за собой общество. Исходя из этих соображений, Кенеди предлагал отложить создание журнала в ожидании более подходящего времени.

Первый номер «Беселё» (обложку которого, с серебряными буквами названия, сделал Ласло Райк-младший³), несмотря на продолжительную подготовку, не продемонстрировал обилия готовых для публикации работ. Из одиннадцати статей, составивших корпус номера, одна представляла собой перевод, еще одна — исторический документ, третья — хронологию жизни венгерского меньшинства в Словакии после 1944 г. Кроме вступительной статьи Яноша Киша, было всего два материала, в которых анализировались важные, представляющие общий интерес вопросы венгерской действительности. В одном из них рассказывалось об «инакомыслящих» в венгерской католической церкви. Другой сообщал о правозащитном движении, возникшем по польскому примеру в среде будапештских студентов, а также показывал, как представители официальной молодежной организации подрывают это движение изнутри. Остальные статьи были посвящены внутренним вопросам жизни оппозиции, проводимым ею мероприятиям, печатным изданиям, преследованиям, которым она подвергалась. Хотя в обществе потребность в свободной от цензуры прессе была действительно велика. Одновременно с появлением первого номера «Беселё» начали выходить еще два самиздатовских журнала, тираж которых обеспечивался с помощью множительной техники; но эти журналы дальше первого номера не пошли. Авторы их в дальнейшем писали в основном для «Беселё».

От Нового эволюционизма до Общественного договора

Однако дальнейшая судьба самого «Беселё» тоже выглядела довольно неопределенной. Осенью 1976 г. на конференции в Париже, организованной в связи с двадцатилетием Венгерской революции и протестных демонстраций в Варшаве, прозвучало выступление Адама Михника, в котором он выдвинул теорию нового эволюционизма. Суть этой теории заключалась в следующем. 1956-й г. показал, что, пока существует Советский Союз, в зависимых от него странах диктатуру советского типа свергнуть невозможно. После 1968-го г. стало ясно, что любое реформаторское движение, даже руководимое правящей партией, если оно стремится к фактическому переустройству политического уклада, точно так же столкнется с военной мощью советской империи, как и венгерское восстание.

Поэтому более разумно действовать иначе. Общество должно оказывать постоянное давление на власть, добиваясь изменений, пускай ограниченных, не выходящих за пределы закона, должно создавать свою культуру, свое свободное от цензуры книгоиздание, свои журналы, свои независимые институты по защите прав и интересов.

Эти идеи Михника оказали решающее влияние на лидеров венгерской оппозиции. Янош Киш, хорошо владевший русским языком, освоил еще и польский, — и в Венгрии начал работать по польскому образцу свободный университет, лекторы которого излагали историю коммунистических партий Советского Союза и Венгрии близко к реальности; по польскому же образцу готовились первые, размножаемые пока на пишущих машинках самиздатские статьи и другая печатная продукция. (Конечно, примером для венгерского самиздата служила не только Польша. В Венгрии многие знали и о советском самиздате, слышали хотя бы название «Хроники текущих событий»); знали мы и о том, что после подписания в 1975 г. Хельсинкского Заключительного акта 12 мая 1976 г. возникла Московская Хельсинкская Группа, первой задачей которой было изучение вопроса о том, как соблюдаются в практике советской жизни основные права человека, перечисленные в Заключительном акте. Еще большее влияние на венгерскую оппозицию оказало появление чехословацкой Хартии-77. В конце октября 1979 г. в Венгрии с протестом против репрессий, которым подверглись активисты Хартии-77, публично выступили 250 человек. Этот момент и считается днем рождения венгерской демократической оппозиции.

Весной 1979 г. Янош Киш и другой оппозиционный деятель, Дёрдь Бенце⁶, отправились в Варшаву, чтобы встретиться с руководителями польской оппозиции Адамом Михником и Яцеком Куронем. Введение военного положения, вооруженные акции, направленные на подавление всенародного движения «Солидарность», потрясли венгерскую оппозицию. Ситуация сейчас примерно такая же, говорил Дёрдь Бенце, как в 1895 г., когда Ленин создавал Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Так что должно пройти, по крайней мере, двадцатилетие, пока оппозиция сможет вступить в противостояние с диктатурой, причем с надеждой на успех. Другие, прежде всего Янош Киш, считали: военный путч в Польше — это не *третий* случай, когда широкое общественное движение подавляется силой оружия, но *первый* случай, когда общественный подъем не удается

ликвидировать даже военной силой. «Введение чрезвычайного положения — не конец польского кризиса, но начало всеобщего восточно-европейского кризиса», — писал Янош Киш в своей статье «На палубе Титаника» (опубликована в «Беселё» в январе 1982 г., № 2). А в следующем номере «Беселё», продолжая анализ польских событий, он делал вывод: в сложившейся обстановке самое важное — определить на более или менее долгую перспективу те требования, которые могут быть реализованы даже в случае сохранения просоветского властного режима (статья «Мысли о недалеком будущем»).

Разработка основ возможного соглашения и стала главной линией, проводимой журналом. Именно это определило тот курс журнала, который в первом номере «Беселё» не был еще осознан. Кульминацией этого процесса стал вышедший в мае 1987 г. специальный номер журнала, получивший заголовок «Общественный договор». Первый абзац 36-страничного текста завершался фразой: «Кадар должен уйти!» Янош Кадар представлял собой символ и ключевую фигуру режима, навязанного Венгрии Советской Армией в ноябре 1956 г., без его ухода нельзя было надеяться ни на какие реальные изменения. Таким образом, «Общественный договор» намечал контуры демократического государства, в котором особые правовые нормы гарантировали бы соблюдение стратегических интересов Советского Союза. В венгерской истории подобный компромисс не был бы абсолютно новым: в 1867 г. похожее соглашение заключили друг с другом Венгрия и империя Габсбургов.

Всего год миновал после появления «Общественного договора» — и Кадар ушел из власти. Однако в стремительном ходе событий и сам «Общественный договор» вскоре утратил свою актуальность. В ноябре 1988 г. демократическая оппозиция создала свою партию — Альянс свободных демократов. А в феврале следующего года Всевенгерский Совет свободных демократов, готовясь к переговорам с правящей партией, на своем заседании поставил вопрос: какие положения, сформулированные в тексте «Общественного договора» и касающиеся соблюдения стратегических интересов Советского Союза, следует сохранить в дальнейшем? Из трех авторов «Общественного договора» (Янош Киш, Оттилия Шолт, Ференц Кёсег) на заседании присутствовал только я. Все взгляды устремились на меня; несколько секунд я размышлял, потом ответил: «Уже никакие».

Крестьянская хата на берегу Дуная

В декабре 1981 г. прекратить работу над «Беселё» было бы крайне неразумно уже потому, что к этому моменту сложилась доказавшая свою жизнеспособность и эффективность инфраструктура журнала. Благодаря хорошим контактам с некоммунистическим профсоюзным движением во Франции нам удалось тайно доставить в Венгрию первую копировально-множительную машину. На таких машинах предприятия и учреждения размножают свои документы, предназначенные для внутреннего пользования; чтобы доступ к машине не получили случайные люди, существуют строгие правила обращения с нею. В западном мире старую множительную технику уже в те времена вытеснил ксерокс, так что машину приобрели по цене вторсырья, с риском была связана только транспортировка. Изготовление тиража журнала «Беселё» взяли на себя социолог и кинокритик Иштван Орос с женой и еще одна супружеская пара. Вчетвером они купили старый крестьянский дом в тридцати километрах от Будапешта, в деревне на берегу Дуная, — там и установили машину. Иштван Орос, расставшись с привычной будапештской средой, нанялся садовником в вишеградский санаторий, принадлежавший Национальному Банку Венгрии. В санатории этом, кстати сказать, время от времени отдыхал Янош Кадар (в такие дни Орос, чтобы не привлекать к себе внимания охраны Кадара, брал отгулы). О типографии из редакторов «Беселё» знали только Янош Киш, Балинт Надь⁷ (он доставал бумагу и типографскую краску, необходимые для журнала), Габор Ивани⁸ (он занимался организацией перевозки готового тиража из дома, где жили супруги Орос), а также Балинт Мадяр⁹. Тираж журнала, составлявший обычно 2 000 экземпляров, доставляли в Будапешт на квартиру архитектора Эндре Миклошши¹⁰, откуда он пачками по 25 экземпляров разбирался распространителями. Множительный «цех» Иштвана Ороса функционировал с 1981 по 1986 гг., до появления 12-го номера «Беселё» — причем без единого провала. Центральный склад органов госбезопасности также не удалось найти. Разного рода эксцессы, конечно, случались, но эти два пункта, от которых зависела судьба журнала, так и не были обнаружены, хотя сам Орос не раз попадал в поле зрения органов из-за его статей, появлявшихся в других самиздатских изданиях.

Вспоминаю один эпизод. Еще только задумав создать нелегальный журнал, мы долго спорили о его названии — и никак не могли прийти к согласию. Тут открылась дверь, и на пороге возникла массивная фигура Габора Ивани, священника-методиста, которого из-за его политической позиции отлучили от церковной службы (после чего он проводил тайные богослужения в глухих деревнях среди бедноты). Даже не дав ему сесть, мы задали вопрос: какое название дать журналу? Ивани писал свои статьи с тем же темпераментом, с каким произносил проповеди, стиль его был стремителен, речью он владел виртуозно. Он что-то пробормотал вполголоса, а потом вдруг сказал: «Беселё». Слово это имеет два значения. Во-первых, как часть речи — это причастие: оно означает «говорящий». Во-вторых, на тюремном языке это время, предоставленное заключенному для беседы с родственниками или с адвокатом, то есть краткое время ограниченной свободы в бесконечности тюремного срока. На этом спор наш закончился. Необычное название приняли все. А Ласло Райк-младший нарисовал решетку вокруг названия. «Беселё»: свобода за решеткой.

Казнь отменяется

Первое — тщательно спланированное и рассчитанное на устрашение — наступление на самиздат, или, говоря более широко, на появление «второго круга обращения» началось 4 июня 1982 г., когда органы принялись преследовать Габора Демски и досаждают всеми возможными способами. Его окружили на улице восемь–десять человек в штатском, они не давали ему пройти, оскорбляли его, угрожали. Группу сопровождали три люксовых иномарки. А 7 июня объектом такой же акции стал издатель Енё Надь¹¹; 9 июня начали преследовать меня. В то время я, уволенный из издательства, уже полгода работал в книжной лавке. По дороге на службу мне, случалось, приходилось бежать за трамваем, который как раз подходил к остановке. Побежал я и в этот день, и тогда старший из преследователей пригрозил: «Если еще раз попробуешь убежать, морду расквасим». На следующий день, после работы, мы с Яношем Кишем шли по улице; наши преследователи двигались за нами, вполголоса отпуская антисемитские оскорбления. В тот же вечер мы с Габором Демски и Ласло Райком договорились, что утром они будут ждать меня в машине, в переулке поблизости. Утром, выйдя из своего дома, я пошел

не как обычно, а в противоположном направлении, но преследователи тесно обступили меня, стали задирать и толкать. Когда я увидел в переулке машину Габора, я побежал к ней, а Габор в это время фотографировал происходящее. Я подбежал к машине, мы с Демски быстро сели в нее и нажали кнопки, блокирующие двери. Указаний на то, чтобы разбить стекло в машине, у преследователей, по всей видимости, не было, так что один из них лишь встал перед машиной, не давая нам тронуться; однако нам удалось задним ходом оторваться от них. Жители соседних домов столпились у окон, с изумлением глядя на странную сцену. Мы поехали в полицию, где я, сделав вид, будто не понимаю сути происходящего, написал заявление, что подвергся нападению хулиганов; затем пошел на службу. Была пятница, мой рабочий день заканчивался в четыре часа; преследователи, хотя перед этим уже три дня дежурили перед книжной лавкой, не заметили, что из лавки можно выбраться на параллельную улицу, куда выходило подвальное окошко: через него в склад сгружали новые партии книг. Через это окошко я и покинул лавку, а выходные дни провел у одного своего знакомого на его даче на берегу Дуная. Фотографии, сделанные Габором Демски (с 1990 по 2010 г. он был бургомистром Будапешта), стали самыми известными документами, подтверждающими существование демократической оппозиции и вопиющую тугопость органов госбезопасности.

В марте 1983 г. верхушка ВСРП решила бороться против «Беселё» с помощью «правовых» методов. Однажды вечером в мою квартиру вломилась группа примерно из десяти полицейских, частично в штатской одежде, частично в униформе. Обыск продолжался около четырех часов, хотя экземпляры «Беселё» и другие самиздатовские издания, которые я продавал, лежали на видном месте, на столе. Потом меня увезли в уже известный мне участок на улице Лайоша Толнаи. В ту же ночь на допрос привезли и других редакторов журнала. Старший лейтенант Дёрдь Сёвени, который после смены режима неоднократно выступал по телевизору как секретарь профсоюза частных сыщиков, вел допрос весьма агрессивно, кричал на меня, требуя, чтобы я четко отвечал на его вопросы. Я был уверен, что выйду самое меньшее через три года. И был невероятно удивлен, когда в пять часов утра он привел меня к двери и отпустил. Этот факт стал для нас еще одним подтверждением догадки, что в Венгрии, в от-

*Ференц Кёсег убегает от агентов венгерской госбезопасности.
Снимок сделан ожидавшим Кёсега в своей машине Габором Демски*

личие от Советского Союза и от Чехословакии, не хотят устраивать показательные политические процессы. Конечно, все мы понимали, что такая практика может измениться в любой момент. (Еще в 1790 г. в Венгрии, по примеру Франции, возникла революционная организация; ее участники, дворяне-интеллигенты, вели себя активно и открыто, ходили на балы, устраивали дискуссии о грядущей революции; лидер их был даже вхож ко двору. Однако император Леопольд II неожиданно умер, а его преемник был напуган известиями о казни французского короля, так что венгерских якобинцев арестовали, семерых руководителей в 1795 г. казнили, остальных же осудили на многолетнее тюремное заключение¹². Я часто вспоминал об этой истории.) Я не очень боялся, что меня могут приговорить к смерти, но возможность тюремного заключения всегда принимал в расчет. Не только из-за сходства с якобинцами, но и потому, что знал: за подстрекательство к неповиновению еще и в 1988 г. выносили тяжелые приговоры, ведь органам госбезопасности надо было показывать, что они по-прежнему крайне необходимы власти. В тюрьму попадали не только оппозиционеры, пользующиеся и международной известно-

стью, но и обычные, часто выросшие в детском доме молодые люди, особенно если их можно было обвинить и в других преступлениях, например, в грабежах. (Последним политическим осужденным в Венгрии стал один молодой цыган, рецидивист, которого в 1988 г. (!) осудили на пять лет тюремного заключения за расистские — направленные против цыган — высказывания. «Но, если я правильно понимаю, вы ведь и сами цыган», — сказал я ему в 1990 г., когда, в качестве депутата Госсобрания, пришел к нему в тюрьму. «Да, — ответил он, — просто я поругался с другими». Тогда мне на какое-то мгновение подумалось, что по-настоящему надо бы судью посадить, который за такой проступок присудил несчастному пять лет.)

История журнала «Беселё» закончилась в 1989 г., когда вышел 27-й номер. Номер этот появился в трех объемистых, большого формата томах. С 1990 г., когда для издания журнала уже не требовалось получать разрешение, «Беселё» стал выходить как еженедельное издание; но такой значительной роли, как в эпоху самиздата, он уже не играл. В 1995 г. перестало выходить и еженедельное издание, но «Беселё» существовал как ежемесячный журнал вплоть до 2012 г. Рыночные условия оказались более жестоким фактором, чем одряхлевшее партийное государство, — так я обычно говорю тем, кто интересуется историей журнала «Беселё».

Перевод Ю. Гусева

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Крашшо Дёрдь (Krassó György; 1932–1991) — экономист, один из наиболее активных деятелей венгерской демократической оппозиции. В 1986–1989 гг. находился в Англии, в эмиграции, работал в редакции радио «Свобода» и ВВС.
- ² Бибо Иштван (Bibó István, 1911–1979) — венгерский политический деятель, философ, по профессии юрист; с 1957 по 1963 г. находился в заключении.
- ³ Чако Михай (Csáko Mihály, 1941–2019) — социолог, участник диссидентского движения.
- ⁴ Кенеди Янош (Kenedi János, р. 1947) — журналист, публицист, искусствовед.
- ⁵ Райк Ласло (Rajk László, 1949–2019) — архитектор, дизайнер; его отец, Ласло Райк (1909–1949), был одним из видных деятелей венгерской компартии, в 1946–1948 гг. — министр внутренних дел Венгрии, в 1948–1949 гг. — министр иностранных дел. Стал жертвой политических репрессий.

-
- ⁶ Бенце Дёрдь (Bence György, 1941–2006) — философ, общественный деятель.
- ⁷ Надь Балинт (Nagy Bálint, р. 1949) — архитектор, журналист.
- ⁸ Ивани, Габор (Iványi Gábor, р. 1951) — священнослужитель, общественный деятель.
- ⁹ Мадяр Балинт (Magyar Bálint, р. 1952) — общественный деятель; в 1996–1998 и 2002–2006 гг. — министр культуры и просвещения.
- ¹⁰ Миклошши Эндре (Miklóssy Endre, 1942–2018) — архитектор, писатель.
- ¹¹ Надь Енё (Nagy Jenő, р. 1952) — философ, журналист.
- ¹² Речь идет о группе так называемых венгерских якобинцев; лидером их был Игнац Мартинович.

«Револвер Ревью»: специфика появления и современное состояние

Аннотация:

В разделе рассматривается процесс формирования и развития в среде чехословацкого андеграунда одного из самых ярких оппозиционных журналов — «Револвер Ревью». На страницах «Револвер Ревью» публиковались критические обзоры, статьи, заметки, художественная литература «подполья» и произведения неофициальных авторов, что позволило журналу превратиться в площадку для развития альтернативной культуры в Чехословакии. Для оценки роли, которую сыграл журнал в среде чехословацкого андеграунда, приводится характеристика неофициальной культурной среды, способов ее выражения как на страницах рассматриваемого издания, так и в рамках самиздата в целом.

Ключевые слова:

культура Чехословакии, альтернативная культура, андеграунд, самиздат, периодика

*Svetlana A. KOZHINA
(Moscow)*

“Revolver Revue”: specifics of its appearance and current state

Abstract:

The study describes the process of formation and development among the Czechoslovak underground one of the most prominent opposition magazines — “Revolver Revue”. On “Revolver Revue” pages were published reviews, articles and notes about cultural life of the underground, works of unofficial authors, which allowed the magazine to turn into a platform on which the alternative culture of Czechoslovakia was formed. To assess the role played by this magazine in the Czechoslovak underground, the article describes the unofficial cultural environment, the ways of its expression both on the pages of the publication in question, and in the framework of self-publishing as a whole.

Keywords:

culture of Czechoslovakia, alternative culture, underground, samizdat, periodical

Развитие чешского искусства на протяжении XX в. представляет собой процесс формирования сложной системы взаимоотношений между множеством художественных течений, основу которых, согласно исследованию «Альтернативная культура. История чешского общества 1945–1989 гг.» (2001) чешского социолога Йозефа Алана, составляют два ключевых аспекта: национальный и авангардный¹, которые следует рассматривать не как противопоставленные, а как взаимообусловленные. Национальный аспект, по мнению Алана, включает в себя все проявления культуры, направленные на самоопределение сообщества в мире (для чешского общества примером превалирования подобных тенденций является, например, эпоха национального возрождения), в то же время авангардный складывался под влиянием идей нонконформизма и элитарных эстетических концепций, заложивших основу современного искусства². Авангард как направление, во-первых, отстаивающее автономию творчества, а во-вторых, преодолевающее понятие нормы (как социальной, так и эстетической), был особенно актуальным для чешского искусства второй половины XX в. Способом избежать давления официальной культуры коммунистического режима становились формы проявления разного рода «инаковости» (духовной, художественной, эстетической), получившие различные обозначения: неофициальная или полуофициальная, оппозиционная или независимая культура, андеграунд и т.д.

Андеграунд Чехословакии являет собой «крайний полюс» неофициальной культуры. Данному феномену в силу его неоднородности невозможно дать исчерпывающую дефиницию. Чешскому андеграунду присущи черты, характеризующие его, с одной стороны, как субкультуру, то есть группу лиц, которой свойственен «...определенный набор специфических норм, ценностей, образцов поведения, стиля жизни, языка и иных аспектов, выделяющих ее в рамках широкой общественности»³. Однако, с другой стороны, Мирослав Ванек, историк и специалист по современной чешской культуре, обозначил чешский андеграунд как «контркультуру»: он «соответствует большей части критериев для того, чтобы обозначать его не как субкультуру, а как “контркультуру”, так как его внутренние нормы вступали в конфронтацию с нормами доминирующей культуры и радикальным

образом от нее отказывались. Он не ограничивался только некоторыми областями официальной культуры, а был направлен на отрицание всей не столько политической, сколько социальной системы и стиля жизни среднестатистического представителя чешского общества»⁴. В творчестве представителей чешского андеграунда прослеживаются общие тенденции, в частности стремление к жанровой и стилистической неоднородности, совмещение приемов из разных родов искусства, принципы коллажа, в чем одновременно просматривается влияние эстетики авангарда и сюрреализма, а также — процесс создания самостоятельного направления в искусстве⁵. Подобного мнения придерживался и Эгон Бонди: «Чехословацкий андеграунд 1970–80-х гг. был значительной частью неофициальной культуры, в рамках которой он обладал многими чертами контркультуры»⁶. Более неоднозначно на этот счет высказывался другой видный деятель андеграунда — Иван Мартин Йироус, предлагая разграничивать понятия «контркультура» и «андеграунд», поскольку последний ставил своей целью преодоление культуры как таковой — «тотальное нападение на культуру». Он отмечал: «Это движение, которое работает преимущественно с художественными средствами, но его представители осознают, что культура не должна быть конечной целью их стремлений»⁷. Несмотря на свою внутреннюю дифференцированность, на протяжении всего периода активного существования чешский андеграунд сохранял ряд основных черт: в первую очередь — ориентированность на искусство, отстаивание творческой и эстетической независимости, постепенное образование собственного пространства для развития искусства, дистанцированного (как ненасильственными, так и насильственными методами) от магистральной культурной среды. С процессом изоляции андеграунда соотносились стремление его представителей к отказу от ориентации на массового потребителя, формирование замкнутой элитарной группы интеллектуалов и распространение продукции в ее среде. Противопоставление себя превалирующему большинству приводило к складыванию определенной «духовной морали»⁸, которая характеризовалась демонстративным игнорированием общих представлений о нормах поведения в социуме во имя освобождения творческой личности от стереотипов. Предложенная андеграундом новая «духовная мораль» имела и ряд способов выражения в области искусства, например пренебрежение

к так называемому «профессиональному» подходу к произведению, упор на освобожденный от внешнего давления взгляд на творчество — развитие индивидуальной поэтики. Своеобразие поэтики в среде андеграунда часто выражалось, прежде всего, в эпатажном характере лексики (сленг, вульгаризмы) и тематической направленности (нередки были натуралистические описания сексуальных сцен, состояния наркотического опьянения и т.д.), вольном обращении с грамматикой и синтаксисом. Все это должно было отображать свободу не только творческую, а моральную, свободу мысли, духа и тела. Таким образом, принадлежность к андеграундному кругу не столько оказывала влияние на стилистику произведений, сколько становилась стилем жизни, о чем высказался, в частности, Филип Топол — музыкант, лидер пражской подпольной рок-группы «Psi vojáci» («Пси войаци» / «Песьи воины»), брат другого яркого представителя альтернативной культурной сцены, писателя Яхима Топола: «Андеграунд нельзя сыграть, это не направление в музыке... да и не в живописи или литературе, это не художественный стиль, это стиль жизни. В андеграунде может быть и не творческий человек»⁹. Особенно следует отметить отсутствие в кругах чешского андеграунда четкой политической программы. Его характерной особенностью на протяжении всего существования было стремление оставаться на периферии политической жизни, противопоставляя свою позицию позиции власти.

Чешское литературное подполье также представляет собой достаточно неоднородное явление, внутри которого обнаруживаются поколенческие, региональные отличия (так, в последние десятилетия в коммунистической Чехословакии сформировались значительные подпольные литературные кружки в Праге, Брно, Пршелоуче и т.д.), а также характерные особенности, присущие группам, объединившимся вокруг различных нелегальных издательств, журналов. В 1970–80-е гг. на литературной сцене андеграунда оказались два значительных поколения подпольных авторов. Первое сложилось сразу после Второй мировой войны. Для поэтики авторов андеграунда 1950-х гг. было характерно сильное влияние эстетики сюрреализма (например, в деятельности Группы 42 и авторов вокруг Йиржи Коларжа и Богумила Грабала), ощутимыми являлись и так называемые «американские импульсы»: хиппи, битники. В то же время в творчестве авторов 1970–1980-х гг. подобные тенденции отступали

на второй план. Определенные отзвуки поэтики *beat generation* еще слышны в творчестве Петра Плацака (например, в стихотворении «По республике вдоль и поперек») и Яхима Топола. В периодических изданиях самиздата публиковались различные статьи о независимой музыке (в первую очередь о роке, рок-н-ролле — это, например, выходивший нерегулярно журнал «Jazzstop*» («Джазстоп»)), направлениях в искусстве (например, «Cesty» («Цесты» / «Пути»), «Fragment» («Фрагмент»), «Host» («Гост» / «Гость»), «Někdo něco» («Некто нецо» / «Кто-то что-то») и, что наиболее важно, о новых философских течениях («Protější chodník» («Протейши ходник» / «Противоположный тротуар»), «Sursum» («Сурсум» / «Вверх»)). Американская мультикультурность, философия, описывающая жизнь человека в эпоху глобализации и консьюмеризма, оживили интерес к мистическим теориям об основах жизни (дзен, тао, шаманизм, мифы американских индейцев и эскимосов, центральноевропейское барокко, хакидзим, декаданс и т.д.). Наиболее ярким примером переключки различных культур, эстетических и философских тенденций является творчество Эгона Бонди 1990-х гг.: «Cybercomics» / «Киберкомизм» (1997), «Týden v tichém městě» / «Неделя в тихом городе» (1998)¹⁰.

Значительным явлением, в определенной мере объединившим деятелей литературного андеграунда, стал сборник поэзии 1975 г. «Родственники-инвалиды Эгону Бонди к 45-ому дню рождения», набранный на печатной машинке и растиражированный в кругу близких по духу друзей писателя. Сразу после его «публикации» возник ряд нелегальных изданий, в том числе один из самых ярких подпольных журналов тех лет, знаменитое «Vokno» («Вокно» / «Окно») (1979). Именно на страницах «Вокно» стали регулярно появляться произведения и заметки ключевых представителей молодого чешского андеграунда 1970–1980-х гг. В конце 1983 г. вышел первый номер журнала «Sado-Maso» («Садо-Мясо»), публиковавший на своих страницах статьи, посвященные культуре, философии, вопросам экологии. В 1985 г. была издана еще одна андеграундная антология под редакцией Андрея Станковича, которая собрала в себе стихотворения молодых авторов, рожденных в 1950–1960-е гг.

* Иногда название записывалось как JAZZsTOP, что трансформировало смысл: «Jazzstop» можно перевести как «Джазовая станция», в то время как второй способ написания воспринимается еще и как «Джаз — лучший».

В числе первых издательств, оформившихся в среде андеграунда, было издательство «Petlice» («Петлице» / «Задвижка») Л. Вацулика 1972 г., ставшее площадкой для публикации произведений авторов, вынужденных покинуть Чехословакию после событий 1968 г. В нем выходили как произведения самого Вацулика и авторов-эмигрантов (например, И. Климы), так и труды других диссидентов (например, В. Гавела). После «Петлице» сформировался ряд других самиздатских изданий: «Expedice» («Экспедице» / «Экспедиция»), «Kvart» («Кварт» / «Кварта») и др. «Петлице» и «Экспедице» (основанная в 1975 г. В. Гавелом) к 1980-м гг. образовали отдельную сферу, отказавшись от хаотичного подхода к искусству и издательскому делу, свойственного андеграунду, в пользу планомерного выстраивания новой маргинальной линии культуры. Несмотря на то, что в «Экспедице» продолжали публиковаться представители альтернативной культуры (например, Бонди и Йироус), в среде молодых поэтов и музыкантов подполья она уже воспринималась как излишне элитарная, не способная передать истинную страсть поэта.

Именно поэтому молодые деятели культуры с середины 1980-х гг. стремились создать собственные периодические издания, наладить публикацию произведений в независимом, эпатажном ключе. В 1985 г. увидел свет первый номер «Revolver Revue» («Револьвер Ревью» / «Журнал Револьвер»), тогда еще называвшийся «Jednou nohou» («Йедноу ногоу» / «Одной ногой»)¹¹.

Обложки первого и второго изданий «Йедноу ногоу»

Особому успеху, позволившему «Револвер Ревью» стать единственным журналом андеграунда, продолжившим издаваться уже после исчезновения в Чехословакии и Чехии самого этого феномена, способствовала и сложившаяся политическая обстановка. На страницах официальных нормализационных изданий, таких как «Turbína» («Турбина») и «Rudé právo» («Руде право» / «Красное право»), в начале 1980-х гг. начали особенно активно выходить статьи, осуждавшие рок-музыку, критикующие зарубежных исполнителей, западные философские идеи и социальные концепции. После распада в 1968 г. Федерации чехословацких джаз-клубов активисты предприняли попытку создать новую платформу — клуб «Jazzová sekce» («Джазовая секце» / «Джаз-секция»). Процесс рассмотрения прошения растянулся на два года, завершившись постановлением о включении клуба в Союз музыкантов (с 1971 г.). С 1972 г. активисты «Джазовая секце» публиковали статьи, посвященные рок-музыке, философии, культуре. Однако уже к концу 1970-х — началу 1980-х гг. давление на «Джазовая секце» возросло: члены клуба не получали материалов, бумаги, красок, издательствам запрещалось публиковать журналы «Джазовая секце». Начались преследования, аресты и допросы всех участников группы. Особый резонанс получила нелегальная печать членами группы альбомов с коллажами Йиндржиха Штырского*. К моменту публикации первого номера «Револвер Ревью» уже перестал выходить провокационный «Вокно», многие составители которого были арестованы. Такое давление на популярнейшие культурные журналы того времени привело к росту у молодежи интереса к альтернативной культуре, соответствовавшей их представлениям о современном, свободном и смелом искусстве.

До начала работы с «Револвер Ревью» его основатели (в первую очередь речь идет об Иване Лампере, Викторе Карлике и Яхиме Тополе) имели опыт публикаций в самиздате. Это были небольшие, набранные на машинке брошюры и сборники (например, несколько стихотворений). Целью молодых литераторов было объединиться, привести свою интеллектуальную деятельность к упорядоченности.

* Чешский художник и фотограф-сюрреалист, прославившийся своими фотографиями и коллажами с сильным эротическим подтекстом, дисгармоничной композицией, совмещением нескольких планов — человеческого тела и различных проявлений природы (космоса, воды, растений и т.д.)

Я. Топол в своем интервью «Magazín Oko» («Магазин Око» / «Журнал Око») отметил, что на работу с журналом конкретно его подвигло участие еще в студенческие годы в публикации маленького сборника «Violit» («Виолит»), однако он не предполагал, что «Револвер Ревью» когда-нибудь выйдет на большой рынок: «Нам нравилось создавать нечто подобное, но мы не хотели становиться трибуной чего-либо или хотя бы регулярным изданием. Нам было достаточно видеть где-нибудь свои опубликованные работы»¹². Лампер имел бóльший опыт работы в самиздате: он был основателем издательства «Mozková mrtvice» («Мозкова мртвице» / «Инсульт») (1983) и активно экспериментировал с возможностями печатной техники¹³ (коллажами, шрифтами, нумерацией страниц и номеров). Он прокомментировал первый номер журнала «Йедноу ногоу» следующим образом: «Писатели круга Гавела и Вацулика издавали «Obsah» («Обсах» / «Содержание»)»¹⁴. Так они это [тексты] набрали на машинке, 10 экземпляров, даже не сшили, а просто сложили в папку и раздали среди друзей. А уже потом в словарях и по радио все описывали это как “журнал”. Наши же, в кавычках, амбиции были направлены на то, чтобы делать настоящий журнал, над которым нужно было бы действительно работать, который бы привлекал читателя, удивлял, воодушевлял»¹⁵.

Тот самый «специфический стиль» «Револвер Ревью» формировался, таким образом, как результат взаимодействия сильных и часто противоположно мыслящих личностей — его главных редакторов. Сам Лампер, например, подходил к работе с позиции журналиста. Именно благодаря нему издание получило, в частности, новое имя — «Револвер Ревью»¹⁶. Обстановка в культурных кругах, аресты активистов «Вокно» очень болезненно воспринимались Лампером, что породило в нем желание превратить журнал не только в трибуну для выражения собственных эстетических идей, но и в площадку для сопротивления режиму. В своих воспоминаниях Лампер также пишет, что «Револвер Ревью» стал для него способом поиска и выстраивания собственной идентичности. Помимо редактуры, работы над структурой и организацией, он также публиковал в «Револвер Ревью» рецензии и критические статьи (чаще всего под псевдонимом Горна Пигмент). Позднее, когда в журнале сформировался новостной раздел, Лампер принимал активное участие в его развитии.

Я. Топол помимо организаторской и редакторской деятельности проявил себя как автор. На страницах «Револютер Ревью» он публиковался как под своим именем, так и под псевдонимом Йинда Тма. Его увлечение литературой оказывало влияние и на содержание номеров: под его редакцией в журнале выходили отрывки произведений писателей литературного андеграунда, критические статьи о литературе. Однако важную роль играла и его социальная позиция. Я. Топол был сыном драматурга, диссидента и активиста Хартии-77 Йозефа Топола, внуком писателя Карла Шульца и братом музыканта Филипа Топола, а потому имел достаточно много знакомств в кругах интеллигенции 1970–1980-х гг. Связи Топола способствовали получению финансовой поддержки, пространств для печати и верстки, созданию сети для распространения тиража. Благодаря Я. Тополу «Револютер Ревью» сохранял постоянный контакт с В. Гавелом, который также стал первым, кто поддержал журнал материально. В первом номере была опубликована статья Гавела «Шесть заметок о культуре», отрывки из его произведений.

Графической стороной в редакции журнала занимался Виктор Карлик. Еще до появления «Револютер Ревью» он имел опыт с публикациями в самиздате: Карлик основал собственное издание «Edice pro vice» (1984–1986) («Эдице про вице» / «Издательство для большего»), где выходили в том числе и некоторые произведения Я. Топола, а также Ф. Топола, Б. Ландовской, Й. Г. Крховского и др. «Эдице про вице» — в первую очередь ее оформитель Карлик и постоянные авторы — сыграли большую роль в успехе «Револютер Ревью». Так, Карлик был единственным членом кружка «Револютер Ревью», который оставался в нем на протяжении всего существования издания в андеграунде, благодаря чему все номера имеют единый (хоть и разноплановый) художественный стиль.

Именно коллективная работа различных в своих устремлениях, но единых в желании обновить культурную жизнь в стране личностей, создать журнал для широкого круга читателей (как для интеллигенции, так и для молодежи вообще), способствовала популярности «Револютер Ревью».

«Револютер Ревью» издавался дважды (иногда и трижды) в год. Первый номер вышел в количестве 50 экземпляров и был посвящен Ивану Мартину Йироусу, более известному под псевдонимом Магор,

Обложки номеров «Револвер Ревью» разных лет

который в тот момент находился в заключении. Примечательно, что данный выпуск поступил в продажу, что, согласно законам тех лет, считалось способом нелегального обогащения. Цена составляла 25 крон, но оставалась в некотором роде символической, так как в среде альтернативной культуры было правилом распространять между «своими» выпускаемые в самиздате материалы. Со временем редакция журнала расширялась. Кроме Лампера, Карлика и Я. Топола в нее входили Людвик Градилек, Марек Глупый, Александр Вондра, Йоска Скалик и др. Весь процесс создания журнала, однако, проходил втайне от властей. Наблюдение было установлено за ателье Лампера, Карлика, квартирой Я. Топола, Глупого и других. Несмотря на это, работа над «Револвер Ревью» становилось все более упорядоченной и структурированной, с регулярными встречами и заседаниями редакторов и участников. Если первый номер был посвящен исключительно «национальному» искусству, то уже со второго постепенно увеличивалось количество переводных текстов. Сами произведения на иностранных языках, а также их переводы представлялись в основном главными переводчиками «Револвер Ревью»: М. Палоушем, В. Вайсом и Лампером. В журнале публиковались переводы произведений на английском, французском, русском, поль-

ском и немецком языках (Э. Уорхола, Д. Апдайка, В. Гомбровича, В. Ерофеева и др.).

Первые номера были набраны при помощи ротатора, а 9-й номер — уже на матричном принтере, найти который удалось в издательстве. Также в 1988 г. в 9-м номере на обложке журнала впервые появилась «Коширжская мадонна»: изображение женщины (на самом деле рекламный плакат Фреда Крамера) висело в небольшом коридоре в баре на Кламовце. Коширжская мадонна остается символом журнала до сих пор.

*Изображение женщины в баре на Кламовце:
Коширжская мадонна*

*Премия «Револвер Ревью»
со стилизованным изображением Коширжской мадонны*

В 10-м номере были опубликованы офсетные репродукции картин. Тираж последних двух номеров, вышедших в самиздате, достиг 500 экземпляров¹⁷.

В 1986 г. было учреждено самостоятельное издательство «Револвер Ревью», целью которого стала публикация нелегальных произведений: первым вышел сборник стихотворений Я. Топола «Люблю тебя до безумия». В 1989 г. была учреждена премия «Револвер Ревью». В подполье она была вручена, например музыканту Тони Духачкову, писателю Яну Новаку и поэту Збынеку Гейду. Авторитет журнала и издательства возрос до такой степени, что Я. Топол, Ламперт и Вондра почувствовали в себе уверенность и в 11-м номере не только указали свои реальные имена, но и адреса. Я. Топол называл этот поступок «открыто брошенной в лицо режиму перчаткой»¹⁸. В 1989 г. «Револвер Ревью» основал «Nezávislé tiskové středisko» («Независимое печатное содружество»), целью которого в первую

очередь являлась оперативная публикация заметок об актуальной жизни Чехословакии в период революции — «Informatní servis» («Информационный ресурс»). В 1990 г. издание превратится в социально-политический и одновременно культурный журнал чешской интеллигенции — «Respekt» («Респект» / «Уважение»), который является на данный момент наиболее популярным.

Первым легальным номером «Револвер Ревью» был 14-ый, напечатанный в 1990 г. После падения коммунистического режима и резкой смены вектора культурной жизни спрос на периодические издания только возрос. Утратившие актуальность официальные нормализационные журналы переживали тяжелый кризис, в то время как «Револвер Ревью» и сосуществовавший с ним «Респект» с их отлаженными механизмами продолжали публикацию заметок о современной культуре и искусстве. Так, на страницах издания выходили статьи и репродукции картин примечательных (и одновременно противоречивых) художников андеграунда, например Павла Бразды и Веры Новаковой, философские рассуждения о новых путях развития общества и культуры. 26-ой номер журнала (1994) был посвящен теме смерти — в частности, статья И. Покорного — и похорон, где проводилась параллель между состоянием физической смерти и смерти интеллектуальной, которую переживает автор, не имеющий возможности печататься (Я. Ганч). В первые постреволюционные годы центром журнала оставались авторы «старшего поколения»: Й.Г. Крховский, Я. Топол, Я. Балабан, В. Кремличка и др.; с 1993 г. издавались отрывки произведений и интервью русских и русскоязычных деятелей искусств: Ю. Мамлеева, Э. Лимонова, В. Сорокина, Л. Рубинштейна, И. Холина. До конца 1990-х гг. «Револвер Ревью» все же сохранял ориентированность на прошлое (публикации запрещенных ранее трудов, воспоминания о 1960-х и периоде нормализации, рецензии на произведения представителей андеграунда, внимание к проблемам оккупации, тоталитаризма и т.д.), умело, однако, соединяя данные темы с вопросами искусства. Лишь с начала 2000-х гг., пережив кризис 1995 г., журнал сосредоточил свое внимание в первую очередь на современной мировой литературе, живописи и архитектуре. «Респект» отдавал все большее предпочтение статьям о политической жизни страны, в которых во многом (особенно в способе подачи: сатирической, острой) заметны черты

поэтики андеграунда, привыкшего находится в оппозиции, критиковать. Команда «Револвер Ревью» в 1990-х гг. постепенно распалась, так как большая часть авторов, получив возможность печататься и в других изданиях, нередко переходила в них. Некоторые из авторов старшего поколения посвятили себя исключительно искусству: выпуску ранее запрещенных произведений, выставкам картин и т.д. «Револвер Ревью» издавал все меньше статей о политике (эту привилегию получил «Респект»), добавляя к новым номерам подзаголовков «Журнал о литературе и искусстве». К наиболее заметным изменениям стоит отнести появление рубрики «Портреты», в рамках которой подробно описывались жизнь и творчество различных современных деятелей культуры и выдающихся личностей XX века; снижение количества переводных текстов (из-за невозможности официально покупать авторские права на иностранные издания), рост активности книжного издательства. «Револвер Ревью», однако, продолжал работать и с молодыми писателями и поэтами, отслеживая актуальные изменения в литературной жизни.

Наиболее важным позитивным изменением стало появление в 1995 г. раздела «Kritická příloha» («Критичка пришила» / «Критическое приложение»), инициаторами создания которого были новый редактор «Револвер Ревью» Т. Покорна и В. Карлик. На страницах «Критичка пришила» публикуются критические статьи о литературе, театре, кино, обществе, печати: среди главных авторов — Й. Вогрызек (редактор, критик и переводчик), М. Жилина (переводчик, редактор и критик), Р. Гребеничкова (теоретик и историк литературы) и З. Гейда (поэт и переводчик). Карлик хотел превратить новое дополнение в стабильную площадку с постоянными авторами и определенными рубриками, при этом желая сохранить разнообразие и широту охвата событий в культурной жизни страны и мира. В «Критичка пришила» выходили различные обзоры, интервью, эссе, а также ряд теоретических работ. Однако широкий спектр направлений публикаций со временем превратился в проблему для приложения: качество статей снижалось, в журналах выходили не всегда лестные отзывы, указывающие на определенную графоманию авторов и утрату сути. Кроме того, большая часть «магистральных» авторов относилась к старшему поколению, что по прошествии некоторого времени привело приложение к угрозе исчезновения. Журналы печатались

объемными и не продавались большим тиражом. Последний номер вышел в 2004 г.¹⁹

С 2004 г. наблюдается значительный спад интереса читателей и к самому «Револвер Ревью». Новая редакция журнала, с 1993 г. возглавляемая Т. Покорной, отдает все большее предпочтение публикации книг в рамках издательства «Револвер Ревью»; кроме того, журнал переживает и определенные финансовые проблемы. Их пик пришелся на 2009 г., когда всерьез встал вопрос о закрытии издания. Результатом явилась массовая забастовка сотрудников журнала и деятелей культуры против политики Министерства культуры по поддержке и развитию искусства в республике.

Подводя итог, нужно отметить, что организационные принципы и структуры, на основе которых функционировал (и продолжает функционировать) «Револвер Ревью», установились в течение первых двух лет его существования, а именно в тот период, когда журнал был неразрывно связан с культурой андеграунда и самиздата. Можно выделить несколько характерных его черт, прямо проистекающих из положения журнала:

- «Револвер Ревью» служил способом самореализации для определенной, объединенной общими идеалами, группы лиц;
- дал возможность публиковаться тем авторам, которые в связи с существовавшими политическими и социальными условиями легально делать этого не могли;
- являлся частью альтернативной культуры и, шире, оппозиционного мышления в Чехословакии;
- стал способом активизации культурной и социальной жизни в стране в период сильного идеологического давления.

Все вышеперечисленные аспекты, несомненно, способствовали развитию журнала на протяжении 1980-х — начале 1990-х гг., но уже в новом веке, после падения коммунистического режима, они постепенно утрачивали свой изначальный пафос. В 1990-х гг. издание претерпело значительные изменения, сохранив черты, присущие ему как наследию культуры андеграунда: преодоление социальных табу и стереотипов, провокативность, интерес к зарубежной культуре, популяризацию авторов с «окраин общества». Повышалось качество материала и его подачи, появлялась четкая структура рубрик, в рамках которых выходили статьи авторов разных поколений и при-

держивающихся разных взглядов. Журнал все больше отказывался от характеристики «поколенческий» (непосредственно связанный с представителями поколения самиздата и андеграунда), стремился привлечь читателей разных возрастных и социальных групп, однако публикация «Критического приложения», продолжавшаяся только 10 лет, и кризис 2009 г. показали, что журналу все еще не удалось найти тонкий баланс между ставшей его основой культурой андеграунда (в 1990-е гг. все больше трансформирующейся в нечто элитарное) и массовой культурой с ее массовым читателем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Alan J.* Alternativní kultura: Příběh české společnosti 1945–1989. NLN: Nakladatelství Lidové noviny, 2001. S. 9. (Здесь и далее перевод наш. — С. К.)
- ² Ibidem.
- ³ *Petrusek M.* (et al.). 1996. Velký sociologický slovník. Praha: Karolinum, 1996. S. 1248.
- ⁴ *Vaněk M.* Byl to jenom rock-n-roll?: hudební alternativa v komunistickém Československu 1956–1989. Praha: Academia, 2010. S. 58.
- ⁵ Чешский литературный критик и теолог Мартин Ц. Путна в своей статье, посвященной характеристике андеграунда в соотношении его концепций с концепциями христианства, упоминает в качестве одного из его аспектов стремление к созданию так называемого «gesamtkunstwerk», то есть — универсального произведения искусства, сочетающего в себе различные виды искусства. См.: *Putna C. M.* Mnoho zemí v podzemí (Několik úvah o undergroundu a křesťanství) // *Souvislosti: Revue pro literaturu a kulturu.* 1993, 4 (1). URL: <http://souvislosti.cz/archiv/putna1-93.htm> (дата обращения: 03.10.2019).
- ⁶ *Machovec M.* (ed.). Pohledy zevnitř: Česká undergroundová kultura ve svědectvích, dokumentech a interpretacích. Příbram: Pistorius Olšanská, 2008. S. 61.
- ⁷ Ibid. S. 33.
- ⁸ *Alan J.* Alternativní kultura — Příběh české společnosti 1945–1989. S. 19.
- ⁹ Цит. по: *Alan J.* Alternativní kultura: Příběh české společnosti 1945–1989. S. 19.
- ¹⁰ *Pilař M.* Underground: Kapitoly o českém literárním undergroundu. Brno: Host, 1999. S. 91.
- ¹¹ Я. Топол прокомментировал выбор названия следующим образом: «Это хорошо описывало нашу позицию. Для интеллектуалов мы были чертовы андеграундники, для андеграундников — чертовы интеллектуалы. Нас это устраивало. Одной ногой тут, другой — там». См.: *Weiss T.* 30 let Revolver Revue // *Magazín OKO.* 11.02.2015. URL: <https://www.kosmas.cz/oko/aktuality/12635/30-let-revolver-revue/> (дата обращения: 06.10.2019).

- ¹² Weiss T. 30 let Revolver Revue. URL: <https://www.kosmas.cz/oko/aktuality/12635/30-let-revolver-revue/> (дата обращения: 06.10.2019).
- ¹³ Издание и работа И. Ламперта в нем противопоставляли себя не только официальной культуре, но и другим издательствам самиздата, в частности «Петлице» Л. Вацулика, «Экспедице» В. Гавела и др., «саботируя» выпуск собственных произведений. Например, Лампер специально путал номера изданий, выпуская сначала третий номер, а лишь затем — второй. Менял название журнала от номера к номеру, тем самым показывая, что никакая истинно свободная деятельность не может быть поставлена на поток.
- ¹⁴ Ежемесячник, издаваемый в самиздате в 1981–1989 гг. и организованный вокруг издательства «Петлице».
- ¹⁵ Цит. по: Geisler M. Časopis Revolver Revue jako společenský fenomén a jeho vývoj. S. 36. URL: https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/42148/DPTX_2011_1_0_329359_0_119391.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 10.11.2018).
- ¹⁶ Я. Топол прокомментировал желание переименовать журнал следующим образом: «Однажды мы были с Лампером страшно злые. Люди из “Вокна” все еще сидели за решеткой. [...] Не удивительно, что в его мозгу, раскаленном добела, всплыло выражение Геббельса — “Когда я слышу слово культура, сразу хватаюсь за револьвер”. “В таком случае мы — «Револвер Ревью»”, — сказал Иван, а мне это понравилось. Отличное название для нашего боевого сумасшествия. Одновременно и ассоциация с бульварной прессой [в чешском языке помимо словосочетания bulvární tisk используется синонимичный revolverová žurnalistika. — С. К.], и с revolving doors». См.: Weiss T. 30 let Revolver Revue // Magazín OKO. 11.02.2015. URL: <https://www.kosmas.cz/oko/aktuality/12635/30-let-revolver-revue/> (дата обращения: 06.10.2019).
- ¹⁷ Hořejší T. 15 let Revolver Revue (Praha: Sdružení na podporu vydávání časopisů, 2001). 97 s.
- ¹⁸ Цит. по.: Geisler M. Časopis Revolver Revue jako společenský fenomén a jeho vývoj. S. 40.
- ¹⁹ Umět skončit a začít jinak. S Terezií Pokornou o tom, proč přestala vycházet Kritická Příloha Revolver Revue Lidové noviny 17. 2004. Č. 276. 27.11. S. 14.

Эстетическая двойственность белорусской литературно-критической периодики

Аннотация:

Работа посвящена обзору белорусских литературно-критических изданий и выявлению основных подходов к оценке литературного процесса. Рассматриваются программные положения и особенности существования государственных и негосударственных изданий, их языковая политика и репрезентация в сети Интернет. Описано фундаментальное различие двух основных подходов к эстетическому осмыслению действительности.

Ключевые слова:

литературная критика, белорусская литература, поликультурность, мультилингвизм

*Maria A. LAMM
(Moscow)*

Aesthetic duality of belarusian literary critical periodicals

Abstract:

The study is devoted to the review of Belarusian literary critical publications and the identification of the main approaches to the critical understanding of the literary process. The program provisions and features of the existence of state and private periodicals, their language policy and representation on the Internet are considered. The fundamental difference between the two main approaches to aesthetic understanding of reality is described.

Keywords:

literary criticism, Belarusian literature, multiculturalism, multilingualism

В свете позднего формирования нации, сам факт существования литературы на национальном языке становится одновременно и знаком существования самостоятельной культуры, отличной от родственных, но все же, иных культур. Не случайно программным лозунгом неформального литературного объединения «Тутэйшыя» (1986–1990 гг.) стал тезис «Литература — это Родина»¹ в смысле

единства национального и эстетического идеалов. Литературная периодика, как пространство репрезентации художественных текстов, имеет для белорусской культуры сюжетообразующее значение: это в полной мере пространство формирования национальной идеи. Поэтому белорусские литературные журналы, как правило, подчеркивают свое родство с истоками культуры, со знаковыми для национальной литературы процессами. Так, журнал «Нёман» («Неман») — литературно-художественный и общественно-публицистический журнал Союза писателей Беларуси, появившийся в печати в 1945 г., семантически связывает читателя с виленским журналом «Неман» — литературно-художественно-научным ежемесячником, выходившим в Вильно в 1932 г. Появившаяся в печати в 1991 г. «Наша Ніва» («Наша Нива») наследовала традиции одноименного издания, существовавшего в Беларуси с 1906 по 1920 гг. Независимо от того, идет ли речь о бережном сохранении традиций, или о постмодернистской игре с формой печатного издания — во всех случаях подчеркивается связь времен. Поскольку литературная критика «документирует факт существования и служит площадкой для выражения самосознания поколений»², то опора на истоки и традиции в данном случае маркирует образ самосознания, модель мира, которую готовы признавать авторы конкретных изданий. Таких миров в белорусской культуре (а также литературе и литературно-критической мысли) два.

Структура белорусской литературной жизни и литературной периодики довольно сложна для относительного небольшого культурного пространства. Во-первых, кодификация литературного белорусского языка происходила в XX веке в сложных социально-политических условиях. В 1918–1920 гг. возникло независимое государство — Белорусская народная республика (БНР) со столицей в Минске (*Менск*). В правительство этого государства вошли люди, создавшие белорусскую литературную периодику и литературный язык: Вацлав Ластовский, братья Луцкевичи — издатели «Нашей Нивы», Бронислав Тарашкевич и Иосиф Лёсик — создатели двух основных направлений осмысления белорусской грамматики. После 1920 г. территория оказалась разделена на Восток и Запад: «БССР» со столицей в Минске (*Мінск*) и «Kresy wschodnie» с центром в городе Вильно. Таким образом, до 1939 г. (а учитывая последующие исторические события — до 1946 г.) в разделенной границами бело-

русской культуре существовали два варианта грамматики и, что немаловажно, две литературные нормы. В БССР после 1933 г. за основу была принята норма, сближающая белорусское правописание с грамматикой русского языка. В Западной Белоруссии — тарашкевица, которая была ближе к польской литературной норме.

Эта двойная практика правописания еще не стала историей. В стране, где официально приняты два государственных языка (белорусский и русский), существуют и развиваются две грамматические традиции белорусского языка. Последняя реформа тарашкевицы, за которой в 1990-х закрепилось название классического правописания, состоялась в 2005 г. Последняя реформа официальной (школьной) орфографии — в 2010 г. Оба варианта широко представлены в сети Интернет. Так, известная социальная сеть ВКонтакте предлагает возможность выбора между нормативным белорусским языком сайта и тарашкевицей. В популярной интернет-энциклопедии «Википедия» многие статьи существуют на «белорусском языке» и на «белорусском (тарашкевице)». Таким образом, оба варианта литературной нормы актуальны на массовом уровне — это не исключительно интеллектуальное развлечение интеллигенции. Несмотря на тот факт, что в 2009 г. все издания перешли на официальную орфографию, сегодня в белорусской культуре существуют два основных варианта литературного языка. Кроме того, некоторые авторы предпочитают писать (или издаваться) на русском языке, рассчитывая на большую аудиторию. Также отдельные авторы пишут и на польском языке (главным образом это белорусы в Польше).

Союзов писателей в Беларуси на сегодняшний день тоже два: Союз писателей Беларуси (Саюз пісьменнікаў Беларусі) и Союз белорусских писателей (Саюз беларускіх пісьменнікаў), раскол произошел в 2006 г. Союз писателей Беларуси (СПБ) унаследовал основные издания советского Союза писателей: Еженедельная газета «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство»), Журналы «Польмя» («Пламя»), «Маладосць» («Молодость») и «Нёман». Эти издания объединены в государственный холдинг «Звязда» («Звезда»), выходят и всегда выходили в официальной орфографии. Одним из проектов Союза белорусских писателей (СБП) является журнал «Дзеяслоў» («Глагол»), который продолжает и развивает традиции газеты «Наша Нива» 1990-х гг.: туда перешла часть редакционного и авторского состава. Если «Наша

Нива» выходила на тарашкевице, то в «Дзеяслове» был создан компромиссный вариант между официальным и классическим правописанием — «дзеясловица». Этот вариант орфографии использовался с 2002 по 2009 гг.³

Для белорусской литературы и особенно для публицистики в принципе характерен мультилингвизм. Как пишет об этом Т.В. Алешка, «исторически Беларусь всегда была полиэтническим и поликонфессиональным образованием, соответственно моноязычие никогда не являлось определяющим фактором развития культуры»⁴. Польский исследователь Б. Хадачек подчеркивает, что жители исторически «оставались в сфере влияния двух и более культур, говорили на нескольких языках (билингвизм, мультилингвизм), которые выбирались в зависимости от аудитории, читателя или цели высказывания»⁵. Это не изменилось и сегодня. Кес фан Рес отмечает, что выбор языка художественного произведения нередко воспринимается автором и читателем в рамках идеологического противостояния, где «белорусский = оппозиционная/автономная = хорошая литература против русского языка = лояльная/гетерономная = плохая литература»⁶. Подобное кодовое восприятие характерно и для вариантов белорусского литературного языка. Очевидно, что сам факт существования белорусской литературы играет определяющую роль в формировании национального самосознания, не менее значимым является факт существования литературы на национальном языке. В условиях существования нескольких вариантов литературного языка, использование каждого из них маркирует принадлежность автора к тому или иному варианту национальной идеи.

Государственные литературные журналы ориентированы на использование централизованно установленной официальной орфографии, что маркирует их поддержку универсальной национальной идеи: опору на универсальные гуманистические идеалы, ценность профессиональной деятельности человека, которые являются иллюстрацией его моральных качеств. Негосударственные практически исключают использование русского языка, который является в стране вторым государственным, а некоторые из них до недавнего времени также тяготели к использованию различных вариантов «классического правописания». Все это выражает семантическую связь негосударственных литературных пространств с идеалами белорус-

ской интеллигенции начала XX в., где ценность человека и достоинства произведений искусства определяются в категориях национального. В этом плане Союз писателей Беларуси является наиболее эстетически консервативным пространством литературной жизни, в то время как Союз белорусских писателей в основном объединил новаторов. Существуют также и независимые литературные медиаресурсы, такие как «Літаратурны дом Логвінаў» («Литературный дом Логвинов») или журнал «Arche» («Архэ»).

Государственные литературные журналы различны по тематике, структуре рубрик и жанровому своеобразие. Это классические литературно-критические издания. Все они относятся к издательскому дому «Звезда», что определяет единообразие репрезентации данных журналов в сети Интернет: для каждого издания создан именной интерактивный портал, где в формате pdf доступны архив и свежие номера журнала, сайт представлен на русском и белорусском языках, однако выбор языка лишь изменяет надписи на кнопках меню. Формально у некоторых изданий есть аккаунты в социальных сетях, однако ведутся они крайне нерегулярно, либо заброшены. «Неман»: последнее обновление 2015 г., «Литература и мастацтва»: последнее обновление август 2018 г., предыдущее — февраль 2018 г.; полноценно представлен в социальных сетях лишь непосредственно издательский дом «Звезда». У этих журналов отсутствуют приложения для смартфонов. Таким образом, государственная литературно-критическая периодика ориентирована на устоявшуюся аудиторию. Эти журналы не стремятся расширить свое присутствие в сети Интернет, привлекая тем самым новых читателей. Необходимо также отметить тот факт, что на сайте государственных журналов отсутствует описательный раздел. Лишь на странице издательского дома есть страница «О нас»⁷, где очень кратко представлены входящие в данное объединение газеты и журналы. Предполагается, что аудитория этих изданий по умолчанию обладает достаточным знанием о них, необходимость дополнительного информирования пользователей отсутствует.

Журнал «Неман» — ежемесячный литературно-художественный, и общественно-политический журнал, по официальной информации издается с 1945 г., в то время журнал выходил как альманах союза писателей под названием «Отчизна», с 1947 г. — «Советская Отчизна», с 1960 г. выходит под современным названием. На сайте отсутству-

ет страница «О нас». Немного больше информации есть в аккаунте в социальной сети ВКонтакте, однако страница не обновляется с 2015 г. Связь с одноименным журналом межвоенного периода не маркируется и вполне может быть случайной, поскольку Неман является национальным символом⁸. В «Немане» публикуется поэзия и проза белорусских авторов, есть рубрика «всемирная литература», которая может быть заменена более актуальным контентом: так, в августовском номере (8/2018), данная рубрика заменена на «Круг друзей» («Сябрына»): литературу гостей Дней белорусской письменности. Литературно-критические материалы публикуются в классических формах рецензии, интервью, литературно-критической статьи или аннотации. По содержанию критические материалы тяготеют к классической белорусской литературе: публикуются литературоведческие исследования и воспоминания об авторах этого периода. Рецензии на тексты современных авторов и аналитические статьи о современной литературе носят гуманистический характер, ориентируются на идейные критерии, апеллируя в первую очередь к нравственным качествам персонажей, а не художественным особенностям структуры текста. Журнал выходит на русском языке, белорусская литература публикуется в русском переводе. «Неман» бережно хранит сложившиеся в советский период традиции толстого литературного журнала, оставаясь по форме и содержанию вполне классическим литературно-критическим изданием.

Газета «Литература и мастацтва» — еженедельная литературная газета, выходит на белорусском языке, по данным официального сайта — с 1932 г. В газете публикуются художественные тексты: прозаические (нечасто, и, в основном, рассказы и миниатюры) и поэтические произведения белорусских авторов. Большое количество актуальных критических материалов, посвященных осмыслению современного литературного процесса: проблемам существования литературы и изменения художественного языка в цифровую эпоху. Также в газете публикуются новости из мира кино, театра, музыки и современного искусства. Кроме того, существует рубрика «белорусы в мире», посвященная культурной жизни белорусских диаспор за рубежом. Важной особенностью стиля издания является отношение к литературе, как к живой и развивающейся материи, а не как к памятнику или «архивированному образцу»⁹. Серьезный и вдумчивый

анализ вполне может сопровождаться юмористическими замечаниями. Например, во положительной рецензии на новый сборник белорусско-американской поэтессы Вальжины Морт, критик замечает, что «на книжках таких авторов, как на инструкциях к медицинским препаратам, в обязательном порядке я помещал бы противопоказание: «не рекомендуется применять лицам с повышенным уровнем классической белорусской литературной традиции в крови, а несовершеннолетним — под обязательным наблюдением взрослых»»¹⁰.

Журнал «Полымя» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал, издается с 1922 г., входит в перечень белорусской ВАК. У истоков издания стояли классики белорусской литературы — Якуб Колас и Янка Купала. С 1934 г. журнал является органом Союза писателей БССР. Журнал выходит на белорусском языке, публикуется проза, поэзия, литературоведческие исследования, литературная критика, переводы, рецензии.

Научный раздел издания посвящен теоретическим проблемам литературы, в том числе и современным, таким как специфика белорусского постмодернизма и развитие национальной литературы за рубежом. Раздел «Критика и литературоведение» посвящен истории белорусской литературы, главным образом, это авторы советского времени. В рубрике «книжный магазин» представлен обзор современных изданий на белорусском языке: как современных белорусских авторов, так и переводных. Как правило, это авторитетные современные писатели, из числа тех, что могут считаться почти живыми классиками. Например, Адам Глобус, один из основателей и активный участник неформального литературного движения «Тутэйшыя», поэт Змитрок Морозов, произведения которого входят в современные школьные хрестоматии по белорусской литературе, старейшая белорусская писательница Елена Василевич (р. 1922).

Таким образом, государственные литературные журналы сохраняют сложившиеся в советское время традиции изданий этого типа. Здесь можно найти вполне классические жанры и формы литературной критики, эти издания существуют в дискурсе устоявшихся литературных и эстетических норм. Ситуация схожа с положением российских подобных журналов: «определенный застой состояния отечественной литературной критики в конце XX в. сейчас сменяется оживлением, на страницах «выживших» толстых журналов

ведутся дискуссии, собираются «круглые столы», сформировался определенный круг критиков, занимающихся формированием парадигмы современной ситуации постмодерна, другая часть критиков, отвергая существование постмодернизма в России, продолжает исследования литературы прошлого, при этом остаются эстетические объекты, совершенно обойденные вниманием экспертов»¹¹. Хотя государственные издания могут обращаться к современной литературе, как правило, осмысление ее носит консервативный характер. Рецензии и аналитические материалы часто содержат отсылки к преподаванию и формированию у школьников интереса к национальной литературе, замечания о том, какие личностные качества формируют те или иные произведения, либо отсылки к определенному эстетическому идеалу: простому, понятному и прекрасному. Практически не затронуты вниманием критики аспекты лингвистических игр авторов, а также характерных для литературы постмодернизма игр с пространством и смысловыми кодами.

Негосударственные литературные издания гораздо шире представлены в сети Интернет, некоторые из них адаптированы для чтения с мобильных устройств. Если государственные издания предлагают русский и белорусский варианты меню (на государственных языках Республики), то негосударственные издания в этом вопросе менее единообразны: возможны чисто белорусский вариант, польско-белорусско-русско-английский или белорусско-английский. В отличие от порталов государственных журналов, все негосударственные ресурсы содержат раздел «о нас», где излагается программная информация об издании, каждое из рассмотренных в данной работе изданий прямо или косвенно подчеркивает свою независимость от государственной идеологии.

«Дзеяслов» — основанный в 2002 г. литературный журнал на белорусском языке, выходит с периодичностью раз в 2 месяца. На страницах издания публикуется поэзия и проза как известных, так и начинающих белорусских авторов. Как уже было отмечено выше, «Дзеяслов» наследует традиции общественно-политической и литературной газеты «Наша Нива» в 1990-х гг., когда ее главным редактором был С.И. Дубовец*. По мнению читателей, наибольший

* Об этом подробнее см. в статье С.И. Дубовца в этом сборнике.

интерес в журнале вызывает «публицистика, эссеистика, статьи на историческую тематику, литературная и художественная критика»¹². В разделе «О нас» «Дзеяслов» позиционируется как «единственный в стране журнал, где объективно освещается литературно-художественный процесс, печатаются произведения белорусских авторов (и переводы зарубежных), которые по разным причинам не могут быть опубликованы в других изданиях»¹³. Главным образом это переосмысление советского прошлого, поиск этнической идентичности и размышления о судьбе народа, о национальной и этнической парадигмах. Часто эти размышления представлены в форме эссе или миниатюр. «Дзеяслов» представлен в социальных сетях — регулярно обновляющийся аккаунт в Фейсбуке, однако, несмотря на то, что на сайте журнала можно прочитать свежий номер, он ориентирован на бумажную версию: формат репрезентации номера удобен лишь для ознакомления или предпросмотра, но не для чтения: отсутствует возможность сохранения или печати файла. Также отсутствует возможность подписки на электронную версию.

Журнал «Архэ» — белорусское независимое научное, научно-популярное, общественно-политическое и литературно-художественное издание, существует с 1998 г. В нем публикуются «работы белорусских интеллектуалов, а также переводы зарубежных авторов»¹⁴. Помимо собственно журнала, «Архэ» занимается изданием электронных книг на белорусском языке. Это наиболее современный ресурс, рассчитанный на охват максимальной аудитории. На сайте представлен контент на русском, белорусском и польском языках, а также аннотации статей, номеров на английском языке, материалы доступны в форматах pdf и epub, что позволяет читать их с мобильных устройств и электронных книг. Журнал широко представлен в социальных сетях — есть регулярно обновляемые аккаунты в Фейсбуке, Вконтакте и Твиттере. На сайте можно оформить подписку или ознакомиться с отдельными материалами, находящимися в свободном доступе. В целом «Архэ» похож скорее на как коммерчески успешное издательство электронной литературы, чем на литературный журнал. Безусловно, это национально ориентированный ресурс, однако концепция издания крайне широка.

«Литературный дом Логвинов» — это ресурс, преимущественно развивающийся на белорусском языке, однако читателю предлагает

ся также некоторое количество материалов на русском и английском языках. Обзорная информация о ресурсе переведена на английский язык. «Литературный дом Логвинов» широко представлен в социальных сетях: аккаунты Вконтакте, Фейсбук, Инстаграм регулярно обновляются. Это не столько медиаресурс, сколько пространство, «литературный дом»: «книжный магазин, издательство, типография, общественная организация»¹⁵. «Литературный дом Логвинов» можно охарактеризовать как структурно сложное литературно-общественное пространство, ориентированное на развитие и распространение белорусской культуры, а также на интеграцию мирового опыта в национальный дискурс. Рубрики сайта: «Все», где представлены материалы различных типов: «Видео», где выложены актуальные видеозаписи лекций и семинаров, «Критика» — как собственно литературная критика, так и отзывы литературных мероприятий «Литературного дома Логвинов», «Тесты» — интерактивные развлечения интеллектуальной направленности, «Отрывки из книг» — собственно литературные тексты: проза и поэзия белорусских авторов, а также переводы. В книжном магазине представлена литература на русском и белорусском языках.

Таким образом, можно говорить о заметном различии государственных и негосударственных литературных площадок. В обоих пространствах в принципе происходит осмысление современного литературного процесса, однако различными путями. Сохраняя универсальные эстетические традиции, государственные издания опираются на гуманистическую парадигму осмысления литературного процесса или же на чисто теоретическую перспективу. Негосударственные издания исходят из этническо-национальной парадигмы. Одни и те же современные авторы могут появляться как в государственных, так и в негосударственных журналах, однако это относится преимущественно к известным писателям, место которых в пантеоне современной белорусской литературы бесспорно.

Непросто провести точную границу между допустимым для государственного и негосударственного издания. Как отмечает один из авторов «Немана», рассуждая о кризисе современной белорусской литературы и путях его преодоления, «да, цензура, да, диктат — но временные, акцентированно направленные, имеющие скорее рекомендательный, чем запретительный характер»¹⁶. Существование аль-

тернативных изданий это подтверждает: не имея государственной поддержки, они все-таки существуют и обычно имеют даже возможность централизованного распространения (но могут и не иметь). Тем не менее, сам факт пристального государственного контроля за литературным пространством имеет целью «создать новую коллективную память народа»¹⁷. Таким образом, можно говорить о двух вариантах национальной идеи, отражающихся в современной государственной и негосударственной литературно-критической периодике: это универсально-гуманистическое и национально-этническое направления.

Из двойственности вариантов национальной идеи вытекает дальнейшее различие двух литературно-эстетических пространств. Белорусский исследователь Т.И. Шамякина, сетует на то что «литературная критика на рубеже столетий стала намного более, чем в предыдущий период, социологичной и философичной: литературное произведение для нее — лишь отправной пункт рассуждений о глобальных либо остро злободневных проблемах»¹⁸. Это действительно так, причем рассуждения носят не столько яростно-оппозиционный, сколько номинативный характер. Вслед за Д. Козицкой можно предположить, что речь идет о сущностных изменениях «метаязыка на котором говорят о литературе и литературных фактах»¹⁹. По мнению исследователя, в польской литературе после 1989 г. происходит сближение литературного и политического дискурса, что влечет за собой и политизацию критики, которая «направлена на проблемы, а не на тексты, поскольку автор книги рассматривает литературную работу как один из публичных дискурсов, способ интерпретации общественной жизни, а не как эстетический предмет»²⁰. То же происходит и в белорусском литературном пространстве, в первую очередь затрагивая «оппозиционную» критику, поскольку наибольшую остроту имеет вопрос национального самоопределения. Если в официальных изданиях за счет опоры на универсальные нравственные образцы этот вопрос практически неактуален, то негосударственные готовые ответы не имеют, отсюда следует различие тематики и особенности отношения к человеку, его главным задачам и месту в мире.

Как отмечает Т.И. Шамякина, рассуждая о новых направлениях белорусской критики, «самое мировоззренчески главное: «забота» о «правах человека» удивительным образом сочетается с утратой

настоящего гуманистического отношения к конкретному человеку, с презрением богатых и властных к простым труженикам. Человек перестал быть мерой всех вещей. Одновременно теряется интерес к личности и ее уникальному духовному миру в литературе и соответственно в критике»²¹. Действительно, поэтизация «простого труженика» или даже «простого белоруса» довольно редка для новой белорусской критики: прежде чем рассуждать о том, каким должен быть человек, необходимо определиться с тем, кем он является — с национальным или идеологическим идеалом — в критике, с героем времени — в литературе. Отсутствие интереса «к конкретному человеку» — это особенность постсоветского информационного пространства в целом. Как отмечает С.М. Шакиров, рассуждая о смене парадигмы русской литературной критики в начале 1990-х гг., «снятие цензурных ограничений, коммерциализация и децентрализация издательского дела многократно усилили ощущение хаотичности всего происходящего. Опыренная таким богатством текстов, критика не успевает не только интерпретировать их, — у нее нет возможности просто обозреть это бескрайнее море. Кроме того, критика не была готова методологически, чтобы оценить это многообразие»²². Сегодня у литературной критики этот инструментарий есть, но не все читатели готовы воспринимать его. Современная литература редко обращается к «простому человеку», в центре ее внимания игра со сложными семантическими пространствами и рекурсивная неоднозначность этих пространств, потому с одновременным накоплением новой методологии литературной критики произошло заметное разделение «старого» и «нового» как на уровне литературы и ее осмысления, так и на уровне читателя, который готов или не готов выходить в сферу альтернативной реальности, которая не просто изменилась, но, как выясняется после отмены запретов, и не была такой, какой казалась.

Попытка осмысления происходящего и произошедшего прежде, но, в силу цензурных запретов, не обсуждавшегося, требовала новых форм литературной критики и разработки для нее нового метаязыка, серьезного переосмысления представлений о норме и варианте, о литературном языке в целом, о национальном самосознании и роли человека в мире. По этой причине с 1991 по 2009 гг. издавались литературные журналы на различных вариантах литератур-

ного языка. Необходимо также еще раз подчеркнуть, что несмотря на переход литературной периодики на официальную норму, нельзя говорить о безусловном принятии авторами официального варианта белорусского языка. Так, в 2010 г. был опубликован перевод Нового завета на полесский диалект, а в 2018 г. вышел роман Камилы Цень «Я прыду за тобой в августе» («Я прыду за тобой у аўгусце»), написанный на «трасянке» — просторечной смеси русского и белорусского языков. Эта полифония вариантов языка литературы наглядно свидетельствует о попытке создания новых форм национального сознания. Однако, поскольку возможность обсуждения этих тем искусственно ограничена, то предмет общественно-политических дискуссий заменяется предметом филологическим.

Т.И. Шамякина отмечает, что в новой критике «не изучается национальный характер, специфика мышления и особенности национального видения мира героями произведений, отличительные особенности национального нравственного и эстетического идеала»²³. В тех формах, которые были характерны для советской литературной критики, это действительно так, тем не менее нельзя сказать, что новой критике принципиально чужда подобная проблематика. Скорее следует говорить о поиске литераторами нового эстетического и этического идеала, о попытке кристаллизации национального характера. То, что на языке «старой критики» представляется отсутствием интереса к личности, в «новой» характеризует определенный уровень растерянности авторов, непонимание того, каким в действительности является «этический идеал» и «национальный характер». Это подтверждается, в частности, заявленным в первом номере «Нашей Нивы» описанием читателя: «НН — газета публики и для публики. Наш адресат, наша нива, наша «социальная база» — люди, которые имеют привычку обдумывать жизненные ситуации, имеют вкус к логике и красоте языка, имеют жажду жизни»²⁴. Описание задач «Дзеяслова» выглядит иначе, однако не противоречит данному образу читателя по сути: «работа «Дзеяслова» направлена в первую очередь на выживание в стране свободного слова и белорусских литературы и культуры в целом, на защиту права писателей и журналистов на свободную публикацию своих произведений, донесение правдивой и объективной информации о состоянии литературы и культуры к читателям»²⁵. Таким образом, новые литературные жур-

налы создаются не столько в научно-просветительских целях, сколько как «институт литературного общения»²⁶.

Проблема современного состояния литературной критики вызывает острые дискуссии в среде белорусской интеллигенции, полемика разворачивается при поддержке и по инициативе обоих союзов писателей. В 2016 г. Гродненское отделение Союза писателей Беларуси и ГрГУ им. Янки Купалы провели круглый стол «Литературная критика на современном этапе: социокультурная функция». В 2018 г. Союз белорусских писателей совместно с Белорусским коллегимом провели в «Литературном доме Логвинов» аналитический семинар и публичную дискуссию критиков и литераторов «Белорусская литературная критика: почему это не работает». Суть проблемного состояния современной критики на этих мероприятиях оценили одинаково: «критические материалы нередко сводятся к рекламным рецензиям и поверхностным отзывам»²⁷, — решили в Гродно. С ними согласились и в Логвинове: «на первый план выходят пестрые рекламные обзоры, «десятки лучших», публикации постов в соцсетях»²⁸. На независимом ресурсе ЛитКритика.by высказывают альтернативную точку зрения, кризис критики объясняют так: «критики СБП и сочувствующие союзу боятся испортить отношения с друзьями-писателями или с добрыми товарищами, а в СПБ нет критиков — их всех вытурили»²⁹. Факт кризисного состояния белорусской литературной критики, таким образом, является общим мнением: представители самых разных культурных пространств сходятся в том, что как таковая белорусская литературная критика сегодня практически отсутствует.

Причины возникновения данной ситуации и предложенные пути ее преодоления совершенно различны. Представители СПБ полагают, что «идеология литературной критики в нашей стране требует наведения порядка и очищения от скверны»³⁰. Это означает, что критика должна стать профессиональной: «для занятий литературной критикой необходимо филологическое образование. Участники семинара выразили надежду на то, что соответствующими компетентными органами в ближайшее время будет наведен порядок в информационном пространстве Беларуси, а литературная критика в перспективе станет еще одной филологической специализацией наряду с риторикой, языкознанием, литературоведением»³¹. Участники дискуссии в Логвинове изначально исходили из того, что «критический текст

перестает осмысливать сам себя как значимое выражение, не находит себе места, дрейфует то ли в литературоведческий анализ, то ли в публицистическую заметку»³². Очевидно, что речь идет о различии понимания такого литературно-социального явления как критика. Это полемика о сути явления. Именно этому вопросу в первую очередь была посвящена дискуссия в Логвинове, вопрос поиска нового функционального назначения литературной критики, ее задач и роли в современном литературном процессе, регулировании книжного рынка и пр. Большинство участников беседы сошлись на том, что хотели бы видеть информационно-аналитическую критику, которая анонсировала бы новые литературные тексты и выделяла бы наиболее достойные образцы. При этом, поскольку в современной ситуации автор — сам себе издатель, то в таком же положении оказывается и критик, что могло бы обеспечить плюрализм мнений³³.

Вопрос о современных задачах литературной критики поднимался и в Гродно, однако, как отмечает Л.И. Тимошик, главный редактор еженедельника «Литература и мастацтва», «на самом деле во время обсуждения хотелось думать о том, что такое критика: это от слова «критиковать» или от значения «иметь мнение»»³⁴. Тем не менее, вместо плодотворного диалога мероприятие отчасти превратилось в идеологическую трибуну «семинар [...] и был задуман с целью [...] показать, какой должна быть настоящая литературная критика»³⁵, «литературный критик — это филолог, литературная критика — это профессия»³⁶, а «противостоять интернет-ресурсам, на которых под вполне благовидным предлогом борьбы за литературу методично ведется диверсионно-идеологическая работа — наша общая задача»³⁷. В своем выступлении директор института литературоведения НАН Беларуси И.В. Саверченко анонсировал создание нового подразделения Института — Отдела литературной критики, отметив, что «роль литературы, роль художественного слова, роль культуры, не уменьшилось. Это фундамент, на котором прорастает государственность, политическая культура, международная культура, деловая культура»³⁸. Этот факт подчеркивает осознание значимости критики на всех уровнях литературной жизни.

Необходимо отметить, что хотя СПб и был одним из организаторов круглого стола, представители ГрГУ этих оценок не разделяли, более того, как пишет И.С. Шатыренко, «деструктивное выступление

[...] повергло присутствующих ученых и гостей в неловкое положение»³⁹. Как резюмирует Л.И. Тимошик, в качестве основного вывода «критике отвели важную задачу — выставлять критерии качества в литературе или вообще культуры»⁴⁰. В резюме круглого стола, выложенном на сайте СПБ отмечается, что литературная критика — «необходимое звено в цепочке литературного процесса, поскольку она является посредником между книгой и читателем. А значит, автор, позиционирующий себя литературным критиком, должен обладать не только набором профессиональных навыков, но и быть совестливым, порядочным человеком, подходить к анализу произведения объективно, отбросив личные пристрастия»⁴¹. Необходимо еще раз отметить, что, хотя на сайте СПБ и опубликованы материалы, подводящие итоги круглого стола, с предложенной позицией согласны далеко не все участники мероприятия⁴².

Литературный портал, к борьбе с которым призывали представители СПБ в Гродно — «Белорусский литературный портал ЛитКритика.бу», возник в 2011 г. Можно предположить, что это была реакция на укрупнение издательств и исчезновение пространства для литературной критики в стране. По мнению создателей, проект «призван заполнить ту брешь, которая появилась в литературе и литературных процессах в условиях раскола писателей Беларуси. Сами писатели и читатели могут дать оценку событиям. Писатель или политик? За укрепление белорусского языка или его лжепропаганда, которая, наоборот, уничтожает язык и отбивает всякую охоту обращаться к нему? Творчество или компиляция, перепечатка бульварной прессы?.. — вот часть вопросов, которые актуальны сейчас»⁴³. Портал предоставляет возможность высказаться самым разным авторам. Представлены различные точки зрения на сущность и задачи современной критики, литературные журналы страны, а также собственно критические тексты, написанные как на русском, так и на белорусском языках. Эти рецензии не всегда являются глубокими, однако появляются регулярно. Авторы ресурса реагируют на последние выпуски литературно-периодических изданий, комментируя опубликованные там произведения, принимают участие в различных мероприятиях литературной жизни. Присутствует возможность комментирования текстов и жесткая модерация на предмет соответствия комментариев правилам ресурса, что позволяет сохранять в обсуж-

дении конструктивный настрой. На ресурсе господствует узкое понимание литературной критики как выявление достоинств и недостатков произведений.

Таким образом, белорусская литературно-критическая периодика в настоящее время представлена двумя оппозиционными по отношению друг к другу художественно-эстетическими пространствами, их можно обозначить как государственное и негосударственное. Государственное пространство литературно-критической периодики опирается на универсальные гуманистические образцы осмысления художественной действительности, отсюда такие характерные особенности как внимание к простому человеку, его чувствам и нравственному идеалу. Современная литература на страницах государственных изданий осмысляется главным образом в категориях теории литературы, нередко — с дидактическим пафосом. Негосударственное пространство литературно-критической периодики ориентировано на конструирование этническо-национальной культуры. Для этого направления характерна политизация литературной критики, смещение акцентов с собственно литературных категорий к социальным. Современная литература осмысляется в контексте истории страны и национальной идеи. Тезис неформальной литературой группы «Тутэйшыя» «Литература — это Родина» мог бы стать программным и для этих литературных журналов. Вопрос о современном состоянии современной белорусской литературной критики, путей ее развития, поиска новых форм и методов, или, как минимум — путей ее возрождения актуален и обсуждается как в государственном, так и в негосударственном литературном пространстве. Решение этой проблемы затрудняется отсутствием целостного представления о сути явления.

СПИСОК ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Союз писателей Беларуси

<http://www.oo-spb.by/>

Союз белорусских писателей

<https://lit-bel.org/>

<https://vk.com/public51976968>

<https://www.facebook.com/litbel?fref=ts>
<https://www.youtube.com/channel/UCUrb2NsZnuyv7qgp9iTP2hw>

НЁМАН

<http://zviazda.by/be/edition/nyoman>
<https://vk.com/public84308293>

ЛИТАРАТУРА І МАСТАЦТВА

<http://zviazda.by/be/edition/litaratura-i-mastactva>
https://vk.com/literature_and_art

ПОЛЫМЯ

<http://zviazda.by/be/edition/polymya>

ДЗЕЯСЛОВ

<http://dziejaslou.by/>
<https://www.facebook.com/dziejaslou/>

АРЧЕ

<https://arche.by/>
<https://www.facebook.com/archeby>
https://vk.com/arche_pachatak
<https://twitter.com/ArchePacatak>

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДОМ ЛОГВИНОВ»

<https://lohvinau.by/>
<https://vk.com/lohvinau>
<https://www.facebook.com/lohvinau>
<https://www.instagram.com/lohvinau/>

ЛИТКРИТИКА.ВУ

<https://litkritika.by>

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: *Кавалёў С.* «Тутэйшыя»: паміж літаратурай і палітыкай // Дзеяслоў, 2018, 4 (95). С. 228. (Здесь и далее перевод иностранных цитат мой. — *М.Л.*)
- ² *Buck A.* Czasopisma literackie młodych 1944–1971. Szkice. Zielona Góra, 1992. S. 6.
- ³ Пра Дзеяслоў // URL: <http://dziejaslou.by/%D0%BF%D1%80%D0%B0-%D0%B4%D0%B7%D0%B5%D1%8F%D1%81%D0%BB%D0%BE%D1%9E/> (дата обращения: 02.12.2018).
- ⁴ *Алешка Т.В.* Современная литература Беларуси: двойной контекст // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. VIII. Минск: РИВШ, 2013. С. 3–17.

- ⁵ *Hadaczek B.* Historia literatury kresowej. Krakow: Universitas, 2011. S. 86.
- ⁶ Кес фан Рес. Поле, капитал и габитус: реляционный подход к «малым» литературам // Погляды на спецыфічнасць «малых» літаратур: беларуская і ўкраінская літаратуры. Мінск, 2012.
- ⁷ Пра нас // URL: <http://zviazda.by/be/about> (дата обращения: 02.12.2018).
- ⁸ *Ламм М.А.* Образ Немана в литературе Гродненщины второй половины XX века (А. Карпюк, Д. Бичель, Л. Гениуш, А. Чобат) // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў славянскіх літаратурах, прысвечаных памяці народнага пісьменніка Беларусі, акадэміка Івана Навуменкі (Гомель, 2–3 кастрычніка 2018 года). Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, 2018. С. 32–36.
- ⁹ *Бешикова Ф.Б.* Литературно-художественные журналы и проблемы «новой критики» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008, № 62. С. 54.
- ¹⁰ *Лайкоў Я.* Мова. Мадэль для зборкі // Літаратура і мастацтва. 2018, № 42 (4997). С. 7.
- ¹¹ *Бешикова Ф.Б.* Литературно-художественные журналы и проблемы «новой критики». С. 56.
- ¹² Пра Дзеяслоў.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Пра выдавецтва // URL: https://arche.by/about_publishing_office (дата обращения: 02.12.2018).
- ¹⁵ Літаратурны дом Логвінаў // URL: <https://lohvinau.by/%D0%BF%D1%80%D0%B0-%D0%BD%D0%B0%D1%81/> (дата обращения: 02.12.2018).
- ¹⁶ *Лопато-Загорский А.* Отыскать и устранить ошибку // Неман, 2018, № 1. С. 173.
- ¹⁷ *Некрич А.М.* Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, 1979. С. 293.
- ¹⁸ *Шамякина Т.И.* Литературная критика на рубеже столетий: мировоззренческий аспект // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. Матэрыялы X Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2011. С. 374.
- ¹⁹ *Kozicka D.* Krytyki literackiej kłopoty z politycznością (w ostatnim 20-leciu) // Pamiętnik Literacki, 2009, № 2. S. 126.
- ²⁰ Там же. S. 131.
- ²¹ *Шамякина Т.И.* Литературная критика на рубеже столетий: мировоззренческий аспект. С. 376.
- ²² *Шакиров С.М.* Дискурс литературной критики и его трансформации // Дискурс-Пи, 2013, № 1–2. С. 91.
- ²³ *Шамякина Т.И.* Литературная критика на рубеже столетий: мировоззренческий аспект. С. 377.
- ²⁴ Ад рэдакцыі // Наша Ніва, 1991, № 1. С. 5.
- ²⁵ Пра Дзеяслоў, Пра нас.
- ²⁶ *Buck A.* Czasopisma literackie młodyh 1944–1971. S. 6.

- ²⁷ *Радиончик Д., Кебич Л.* Разговор на языке слова // Гродненское областное отделение ОО «Союз писателей Беларуси». Электронный ресурс. URL: http://pisateli.by/2016/krugly_stol.pdf (дата обращения: 7.12.2018).
- ²⁸ *Беларуская літаратурная крытыка: чаму гэта не працуе?* // Саюз беларускіх пісьменнікаў. URL: <https://lit-bel.org/afisha/belaruskaya-litaraturnaya-krytyka-chamu-geta-ne-pratsue/> (дата обращения: 7.12.2018).
- ²⁹ *Новікаў А.* Критикам домашнее задание // ЛитКритика.by. URL: <https://litkritika.by/categories/33/4562.html> (дата обращения: 7.12.2018).
- ³⁰ *Радиончик Д.* Семинар литературной критики в Гродно // Мінскае абласное аддзяленне ГА «Саюз пісьменнікаў Беларусі» // URL: <http://maaspb.by/seminar-literaturnoj-kritiki-v-grodno/> (дата обращения: 7.12.2018).
- ³¹ *Радиончик Д., Кебич Л.* Разговор на языке слова // Гродненское областное отделение ОО «Союз писателей Беларуси». URL: http://pisateli.by/2016/krugly_stol.pdf (дата обращения: 7.12.2018).
- ³² *Беларуская літаратурная крытыка: чаму гэта не працуе?*
- ³³ *Беларускі Калегіум (2018)* Запись в Facebook: 30 ноября в 19:07 [Прямая трансляция] (<https://www.facebook.com/kalegium/videos/268951363775777/>) дата обращения: 7.12.2018).
- ³⁴ *Цімошык Л.І.* Крытыка як меркаванне // Літаратура і мастацтва. 2016, № 9. С. 8.
- ³⁵ *Радиончик Д., Кебич Л.* Разговор на языке слова.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Цит. по: *Цімошык Л.І.* Крытыка як меркаванне. С. 8.
- ³⁹ *Шатыренко И.С.* Критики — это коты и кошечки, которые уничтожают писателей-грызунов // Белорусский литературный портал ЛитКритика.by. URL: <https://litkritika.by/categories/literatura/2625/3360.html> (дата обращения: 6.12.2018).
- ⁴⁰ *Цімошык Л.І.* Крытыка як меркаванне. С. 8.
- ⁴¹ *Радиончик Д., Кебич Л.* Разговор на языке слова.
- ⁴² См. *Шатыренко И.С.* Отделим зерна от плевел // Белорусский литературный портал ЛитКритика.by. URL: <https://litkritika.by/categories/literatura/11/3422.html> (дата обращения: 6.12.2018); *Шатыренко И.С.* Критики — это коты и кошечки, которые уничтожают писателей-грызунов.
- ⁴³ Информация о проекте // Белорусский литературный портал ЛитКритика.by. URL: <https://litkritika.by/pages/about.html> (дата обращения: 6.12.2018).

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.04

Сергей Иванович
ДУБОВЕЦ
(Минск)

|| «Наша Нива» — газета-миссия

Аннотация:

Белорусский литератор и публицист С.И. Дубовец вспоминает об истории газеты «Наша Нива», ее возрождении в начале 1990-х гг. и о своей работе в журналистике этих лет.

Ключевые слова:

Белоруссия, национальная идея, просветительская миссия

Sergey I. DUBOVETZ
(Minsk)

|| “Nasha Niva” newspaper-the mission

Abstract:

Belarusian writer and publicist S. I. Dubovets recalls the history of the newspaper "Nasha Niva", its revival in the early 1990s and his work in journalism in these years.

Keywords:

Belarus, national idea, educational mission

Если говорить академически, «Наша Нива» («Наша Нива») — это центральный проект в становлении современной белорусской нации. Литературный язык, первые школы, субъектный взгляд на историю, первые партии, церковь, театр, литература, да вообще все белорусское начиналось здесь. Для меня это просто любимая газета, которую можно читать бесконечно, что-то наподобие эпоса. Такой она была от своего первого номера в 1906 г., в начале XX века, такой должна была возродиться и в конце его, в 1991-м.

История возрождения началась в 1980 году на Рождество. 25 декабря неформальное студенческое объединение «Майстроўня» («Майстровня» / «Мастерская») вышло на улицы Минска колядовать.

После столетия двух мировых войн, сталинских репрессий, интенсивной русификации они увидели перед собой совершенно опусто-

шенный пейзаж, где что-то живое могло теплиться только в душах людей и никак себя не проявляло внешне.

Это был выход белорусской идеи из закрытых интеллигентских и академических кругов к широкой публике. «Майстровня» начала организовывать публичные праздники. Песни, танцы, постановки, лекции, поездки в исторические места — в результате сотни людей прошли через «Майстровню». «Наша Нива» начала столетия зачитывалась здесь до дыр. И почти все, кто будет возрождать «Нашу Ниву» и печататься в ней, так или иначе связаны и с «Майстровней». В первую очередь это Сергей Харевский и Сергей Шупа, — вы без труда найдете их имена в Википедии.

Лично со мной далее происходило вот что. В 1984-м я был распределен и поехал в Гомель. Оканчивая университет, я уже работал в издательстве «Беларуская Энцыклапедыя» и планировал остаться. Но мой доброжелатель, заведующий отделом идеологии ЦК КПБ Савелий Павлов за «неблагонадежность» отправил меня на Полесье. Я должен был ехать в глубинку, в Лельчицы.

Однако редактор областной «Гомельской правды» Владимир Лазько пошел против воли Павлова и задержал меня у себя, в отделе культуры. В Гомеле мы создали неформальную организацию «Талака», я печатал рецензии в газете «Литаратура и Мастацтва» («Литература и Искусство») и издавал вместе с друзьями подпольный журнал «Бурачок». Отбыл таким образом три года. Благодаря Лазько, получил квартиру. Но после Чернобыля поменять гомельское жилье на Минск было невозможно. И каким-то чудом удалось поменяться на Молодечно (70 км от столицы, хозяйка квартиры хотела умереть на родине в Гомеле).

В Минске я пошел на работу в отдел критики журнала «Нёман». Последующие три года считаю своей главной литературной, журналистской и редакторской школой. Там меня научили писать и работать с авторами.

Минск и вся Беларусь тогда оживали. Массовые неформальные движения, первые демонстрации, создание общества молодых литераторов «Тутэйшыя» («Здесьние»), возникновение Белорусского Народного Фронта, издание множества газет, листовок и всего на свете. 25 марта 1990 года мы с товарищами выпустили из печати нулевой номер газеты «Свабода», который назывался «Дзень Волі» («День Воли»).

«Свобода» была нужна «для разогрева». Еще со времен «Майстровни» я мечтал заняться «Нашей Нивой», и этот час наставал. Через год я передал «Свободу» другому редактору, Игорю Герменчуку. За пару лет он превратил ее в острую политическую газету с огромным по нашим меркам тиражом (100 000 экз.). Именно в «Свободе» сложилась моя команда и концепция возрождения «НН», с которой мы и перешли в новое издание.

Причем начать издание мы решили там, где газета выходила прежде, в Вильно (Вильнюсе). Тогда нашу квартиру в Молодечно удалось поменять на квартиру в Вильнюсе (откуда русские люди бежали, опасаясь преследований со стороны новой литовской власти). Всего нас перебралось несколько семей. А был еще Советский Союз. И никто не знал, что будет дальше. Между Беларусью и Литвой и в помине не было никакой границы, как не было ее никогда в истории. После распада СССР мы, конечно, не надеялись, что Вильнюс достанется Беларуси, но и о том, что случилось (визовая граница), никто даже подумать не мог.

Народный поэт Нил Гилевич предостерегал нас: не трогайте памятник. А для меня «Наша Нива» была не памятником, а живым чтивом, газетой, которая вынужденно прекратила свой выход в 1915 году. В 1920-м ее пытались восстановить, но вышло всего несколько номеров. То есть, газета цеплялась за жизнь, только обстоятельства не давали. Но от этого она хотеть жить не перестала — как газета-миссия. Мы решили эту миссию продолжить. Вдохновляло то, что «Наша Нива» была не только удачным проектом, но и белорусским журналистским проектом. Беспрецедентным в истории. И мы хотели делать именно белорусскую в сущности журналистику, ментально белорусскую. На что же было ориентироваться? Хотели, чтобы это была больше чем газета, какой-то такой модерный институт культуры. Исходя из того, что многие современные интеллектуалы говорят, что выросли на «Нашей Ниве», я делаю вывод, что эту задачу мы выполнили.

Идея была в том, чтобы писать сложные вещи простыми словами. У нас даже лозунг был: «Никакой побряки читателю!». Но для этого форма подачи должна была быть и актуальной, и интересной, и важной. Это скорее литературная задача. Поскольку основная миссия «Нашей Нивы» просветительская, нужно было уйти от примитивных форм просветительства в духе общества «Знание», от которых отво-

рачивалась молодежь. Чтобы растить элиту, нужна элитарная в хорошем смысле газета. Вот почему среди авторов преобладали не журналисты, а литераторы, историки, художники. Финансирование шло от «Свободы», которая тогда массово продавалась на площадях просто с грузовика. Грантов или чего-то подобного тогда не было.

Мне хотелось газеты-мистерии, где бы актуальные темы перемежались с прошлым, а белорусский язык развивался в переводах лучших произведений мировой культуры. Мы тогда решили постепенно «пропустить» через газету полные собрания сочинений Эдгара По и Хорхе Луиса Борхеса. Нам очень везло с переводчиками.

В газете могли быть эссе о белорусских следах в произведениях Достоевского и цикл о знаковых белорусских местах Вильна (Вильнюса), секретные протоколы Белнацкома времен оккупации. У нас печаталась ирландская эссеистка Мэва Марон, которая писала о Беларуси. Все было невероятно притягательно тем, что ничего подобного никто никогда не видел. Мы давали страницы современным прозаикам, поэтам, историкам. Публиковали множество рецензий. Писали и про актуальную политику, но эссеистично. Понятно, что контент скорее напоминал журнальный, но газетная форма придавала всему этому особый шарм.

Думаю, что и принципы белорусской журналистики мы возродили вместе с газетой. От российской ее отличают меньшая оценочность, больший индивидуализм и полемизм. К примеру, солженицынский императив у нас не проходит, так как правде противостоит не ложь, а обида, поэтому не культивируется личный героизм. Правда, особенности менталитета в профессии — слишком большая тема для этой заметки.

Ясно, что в сегодняшнем мире все перемешивается, в том числе и особенности национальных журналистик, но ментальные проявления остаются неизменными с нашенских времен начала XX в. Между прочим, ту «Нашу Ниву» за все девять лет ее существования недавно переиздали факсимильным способом, и переиздание имело успех у читателей. Не думаю, что имело бы успех переиздание тогдашней массовой «Северо-Западной Жизни». По крайней мере, никто ее переиздавать не собирается.

Первый номер вышел в мае 1991 года. И все последующие годы запомнились творчеством для «Нашей Нивы». Это было главное.

А еще мы садились всей редакцией в машину и ехали на площадь Независимости в Минске смотреть, как на ДOME правительства висит герб «Погоня» и развевается национальный флаг. Страной управлял Станислав Шушкевич и тетюшки в гастрономе в центре столицы с гордостью говорили друг другу «А у нас президент профессор». С Шушкевичем приходилось и встречаться. Тогда готовились государственные программы помощи негосударственной прессе. Мы становились официальными. Словом, весь этот период в воздухе пахло весной.

Ну а потом, в 1995-м, был первый референдум и все начало угасать. В общем, это целая эпоха для нас — 1991–1995. Мы стали выезжать за границу. Столько открытий! У нас происходило переформатирование элиты. Живые классики Вячеслав Адамчик, Василь Быков, Алесь Разанов печатались в «Нашей Ниве»!..

В 1996 году «Наша Нiва» переехала в Минск и стала больше писать на политические темы (газету «Свабода» власти закрыли). А в 2000-м я передал редакторство Андрею Дынько, который сформировал свою команду — из людей нового поколения. Сегодня «Наша Нива» уже не выходит на бумаге, она превратилась в интернет-портал, один из самых посещаемых в Беларуси. Вместо газеты она стала издавать свой бумажный журнал «Наша гісторыя» («Наша история»), который быстро нашел свою аудиторию.

Будущее непредсказуемо, но эти почти 30 лет, по моему мнению, стали достойным продолжением в истории главной белорусской газеты-миссии.

Конфликт двух поколений постмодернистских поэтов в газете «Литературен вестник»

Аннотация:

В работе рассматривается развернувшаяся в 2016 г. полемика представителей Первого и Второго поколений болгарских постмодернистов, объединенных вокруг газеты «Литературен вестник», а также анализируются ее возможные причины. Выросшая под «патронатом» поэтов 1980-х гг. генерация писателей-постмодернистов 1990-х гг. со временем дистанцировалась от своих литературных «отцов», для которых воспитание преемников / последователей до сих пор не утратило актуальности. Это привело к обострению взаимоотношений двух литературных поколений, конфликт между которыми получил широкий медийный резонанс.

Ключевые слова:

болгарская литература, постмодернизм, литературное поколение, периодика

Natalia A. LUNKOVA
(Moscow)

Conflict between two generations of postmodern poets in the newspaper „Literaturen Vestnik“

Abstract:

The study discusses the controversy unfolded in 2016 among representatives of the First and Second Generations of Bulgarian postmodernists, united around “Literaturen Vestnik” magazine, and analyzes its causes. In course of time the generation of postmodern writers of the 1990s raised by poets of the 1980s distanced themselves from their literary “fathers”, for whom the education of successors / followers is still relevant and has led to an aggravation of the relationship between two literary generations and received wide media resonance.

Keywords:

Bulgarian literature, postmodernism, literary generation, periodical

Падение режима Тодора Живкова в 1989 г., «нежная революция» и последовавшая за ней политическая либерализация заметно отразились на социокультурной обстановке Болгарии: со стороны государства больше не осуществлялся контроль за изданием книг, началось возвращение в литературу произведений и авторов, ранее запрещенных по идеологическим причинам, а также появилась возможность их «иногочтения» (болг. «преоткриване» — букв. «открытие заново»). Часть литературно-критических изданий закрылась, не выдержав финансовых проблем, другая начала выходить под новыми названиями: например, «Народная култура» («Народная култура») лишилась типичного определения социалистической эпохи и стала называться «Култура» («Культура»), «Септември» («Сентябрь») — «Летописи» («Летописи»). Журналы «Пламя» («Пламя»), «Съвременник» («Современник»), «Панорама» («Панорама») и «Факел» («Факел») в целом благополучно пережили рубеж 1980–1990-х гг., однако столкнулись и с трудностями финансового плана, и с изменением расстановки сил в издательской сфере: в частности, популярный в 1970-е гг. «Современник», на страницах которого публиковались произведения зарубежных авторов, объективно сдал свои позиции по причине открытости книжного рынка, так как после 1989 г. переводная художественная литература стала издаваться большими тиражами.

В этот период в весьма неоднородной среде болгарских писателей разных поколений, отличавшихся друг от друга как в формально-стилевом, так и в тематическом аспектах, появилось немало новых имен. При этом значительно расширились границы творческой свободы авторов и их художественных исканий; изменились не только язык художественной литературы (за счет смешения разных лексических пластов, в том числе активного использования уличного сленга, жаргонизмов, а также намеренной пастишизации, полистиличности авторского текста), но и само понимание ее функций. Нельзя сказать, что болгарское общество восприняло наступившие перемены с неподдельным воодушевлением, ибо часто оно реагировало на них двойственным образом: отвечало, с одной стороны, консервативной, «этнически фундаменталистской “закрытостью”», ностальгией по живковизму и страхом нового, иностранного», с дру-

гой — «“открытостью” и стремлением к новому, чужому, “европейскому”, “западному”»¹.

Претерпела изменение и структура литературных институций: Союз болгарских писателей (СБП), основанный в 1913 г. и игравший после 1944 г. роль главного регулирующего органа в писательском мире, в начале 1990-х гг. закономерно утратил влияние. В 1994 г. было организовано Объединение болгарских писателей (ОБП), противопоставленное СБП по политическому принципу («синие» демократы vs. краснопартийцы). Помимо этого в них наблюдались эстетическая и поколенческая дифференциация: «Союз все больше становился союзом “стариков”, Объединение же ориентировалось на “молодежь”, отсюда частично проистекало и их разделение на “традиционалистов” и “(пост)модернистов”»². Существенным представляется замечание Светлозара Йгова о том, что взаимный конфликт обеих институций неизбежно влиял на реализацию масштабных культурных инициатив, «регулировал» участие тех или иных писателей в медийном пространстве (например, в жюри литературных конкурсов), в книжном бизнесе и т.д.

В начале 1990-х гг. Союз болгарских писателей учредил два новых издания — «Словото днес» («Слово сегодня») и «Български писател» («Болгарский писатель»). Долгие годы его печатным органом была газета «Литературен фронт» («Литературный фронт»), однако после 1993 г. ее издание перешло в руки ОБП, после чего она была переименована в «Литературен форум» («Литературный форум»), а к началу XXI в. ее функции постепенно стала выполнять газета «Литературен вестник» («Литературная газета»), ставшая «наследницей» самиздатских периодических изданий начала 1990-х гг. — альманаха экспериментальной поэзии «Мост» (ред. Эдвин Сугарев) и независимого журнал о литературе и публицистике «Глас» («Голос») под редакцией Владимира Левчева³.

«Литературен вестник» (далее «ЛВ») по праву можно назвать «ветераном» постсоциалистического периода: с 1991 г. газета выходит еженедельно, ее современный формат — черно-белый таблоид на 16-ти полосах. В первые годы существования (1991–1993) «ЛВ» был приложением газеты «Демократия», которая выпускалась с февраля 1990 г. по май 2002 г. как печатный орган болгарской партии «Союз демократических сил». «ЛВ» появился как раз во время ра-

дикальных политических и социальных изменений, став площадкой для дискуссий о пересмотре литературного канона. Освещая ключевые события и имена как в собственной литературе и культуре, так и за ее рамками, авторы «ЛВ» публиковали рецензии на книги (в том числе культурологические и литературоведческие), кинофильмы, выставки, спектакли, теоретико-литературные и публицистические статьи — болгарские и переводные. В анкете, приуроченной к 20-летию газеты, многие критики, писатели, литературоведы отмечали уникальный характер этого издания, поскольку оно «полноценно охватывает литературный (и шире — культурный) процесс, не ограничиваясь болгарским, и обращается к литературам постсоциалистического пространства, литературам балканских соседей или сверхдержав, главное, чтобы такой шаг был эстетически оправдан»⁴ (Петя Александрова, кинокритик). «ЛВ» функционирует как культурная институция и является «одним из немногих СМИ, определяющих культурную политику в стране и задающих ей тон»⁵ (Сильвия Чолева, писательница). По словам Мартина Христова, главы издательства «Эрго» и известного переводчика венгерской литературы, сосуществование в «ЛВ» противоположных мнений и критических оценок, сотрудничество опытных и начинающих редакторов — важные факторы «сопричастности к культурному многообразию Европы»⁶. Однако, как показали события 2016 г., плюрализм и совместная работа представителей разных поколений могут в конечном итоге обернуться *скандалом*.

Для понимания сути произошедшего в редколлегии «ЛВ» конфликта необходимо сказать несколько слов о поколениях литераторов, которые имели непосредственное отношение к газете. Переломный 1989 год — это «комплекс событий, имеющих все основания, чтобы стать причиной возникновения, формирования и проявления поэтического поколения в литературе»⁷. С точки зрения литературоведа Михаила Неделчева, в болгарской литературе того времени доминировало не одно, а два поколения поэтов. Для «*последних поэтов 80-х гг.*» (иначе — «*Первого поколения болгарских постмодернистов*») характерна трактовка перелома как «предчувствия и предупреждения, предвестия», «происходящего здесь и сейчас колоссального политического и общекультурного события»⁸. Ядро данной поэтической генерации составили Ани Илков (р. 1957), Эдвин Суга-

рев (р. 1953), Владимир Левчев (р. 1957), Румен Леонидов (р. 1953), которые «свидетельствовали о происходящем от первого лица»⁹. Описывая динамику литературного процесса после 1989 г., С. Игов характеризует ситуацию следующим образом: «Положение дел оказалось самым трудным для писателей, вошедших в литературу в 1970–80-е гг., перед ними стояла угроза исчезновения под натиском их “отцов”, уже утвердившихся ранее, и “детей”, исполненных юношеской энергии, новых идей и поэтики. Но именно у данных авторов был шанс плодотворно реализовать в художественном отношении экзистенциальный и социальный опыт и “до”, и “после” перемен. Лишь меньшинство из них успешно смогли продолжить свое творческое восхождение в эстетической и политической атмосфере агонии конца века»¹⁰. Именно эти литераторы были первыми редакторами газеты «ЛВ», ставшей своего рода символом произошедшего в литературе переворота. Кумиром подраставшего тогда поколения поэтов был А. Илков, выделявшийся среди остальных яркими политическими памфлетами, игрой с языковыми клише (сб. «Этимологии», 1996 «Звери Августа», 1999 и др.). Вместе с другими представителями *Первого поколения поэтов* он пригласил участвовать в создании «ЛВ» Георги Господинова (р. 1968), Йордана Ефтимова (р. 1971), Бойко Пенчева (р. 1968) и Пламена Дойнова (р. 1969) — на тот момент еще юных студентов, для которых 1989 г. также послужил точкой личного и творческого отсчета. Впоследствии молодые писатели станут знаменитой постмодернистской Четверкой «Литературной газеты» — *Вторым поэтическим поколением* 1990-х гг. Для него была характерна иная, нежели для предшественников, трактовка политической и социальной ситуации рубежа 1980–1990-х гг. Как пишет Неделчев, перелом 1989 г. был для них «“завернут” в постмодернизм через аналогии с менее шокирующими событиями; но благодаря этим аналогиям, часто превращавшимся в “римейки”, он приобрел значение цикличности, повторения, другого типа завершения»¹¹. Иными словами, молодое поколение уже не жило ожиданиями грядущих радикальных перемен, ибо они стали для него данностью и вместе с тем (ввиду исчезновения цензуры и идеологического давления предыдущей эпохи) — мощным толчком для творческих экспериментов, которые, однако, были уже лишены политической остроты и напряженности, характерных для старшего поколения.

О двух этапах развития болгарского постмодернизма в связи с разными поколениями пишет и Пламен Антов. По его мнению, *первый этап* продолжался с конца 1980-х гг. до 1992 или 1993 гг. и отличался сильной «политической ангажированностью — закономерным следствием как радикально модернистского звучания поэзии 80-х гг. в целом, так и эскалации политических событий во второй половине десятилетия и их взрывной кульминации на переломе 80-х и 90-х гг. На данном этапе пафос деконструктивизма был однозначно нацелен на дискредитацию языка эпохи тоталитаризма»¹². Наиболее полное выражение такой постмодернизм, испытавший на себе влияние «высокого» постмодернизма западного образца, а также русского соцарта, получил в творчестве Бойко Ламбовски, Кирила Мерджански, Мирелы Ивановой, Златомира Златанова и упомянутых А. Илкова и Р. Леонидова — *Первого постмодернистского поколения 1990-х гг.* (в терминологии П. Антова). Второй этап болгарского постмодернизма начался на рубеже 1992–1993 гг., когда социополитическая обстановка в Болгарии стабилизировалась, а литература предыдущего периода фактически выполнила функцию разрушения идеологически детерминированной языковой системы: в стране больше не существовало цензуры, преград для реализации творческого потенциала писателей, постмодернизм развенчал и спародировал литературный канон соцреализма. Постмодернистов *Второго поколения 1990-х гг.* — той самой, сформировавшейся вокруг «ЛВ» литературной Четверки — интересовала отнюдь не трансформация языка времен социалистической идеологии, а идея «болгарскости» — «идеологема, обозначающая монументальное болгарское бытие, осуществляемое через освобождение реальной Истории от мифообразующего языка литературного канона»¹³. Впрочем, утверждать, что эти тенденции были непременно присущи поэтам Первого или Второго поколений, не вполне верно — следует учитывать специфику каждого этапа в целом, а также особенности конкретного автора (например, Антов считает, что для Й. Ефтимова проблема «идеологизации языка “Болгарскости” и ее деконструкции»¹⁴ неактуальна в принципе).

В конце XX в. болгарский постмодернизм достиг расцвета именно в поэзии, но, по мысли П. Дойнова, «вместе с тем с трудом можно вычленил лирику из других дискурсивных зон, в сущности, формирующих единые условия / ситуации восприятия. Постмодернизм

стирает жанровые границы, открывает пространство для встречи различных лексических пластов. Поэзия становится *теоретической*, а теория — *поэтической*, мы говорим уже о *лирическом нарративе*, а *нарративность* в стихотворениях 1990-х гг. выглядит неизбежной¹⁵. Наиболее значительными совместными проектами Четверки «ЛВ», то есть *Второго поколения болгарских постмодернистов* в терминологии Антова (или, в интерпретации Неделчева, *второго поэтического поколения 1990-х гг.*), были литературная мистификация «Болгарская хрестоматия» (1995), куда вошли пародийные трактовки классических произведений болгарской литературы, а также ироничные посвящения поэтов друг другу и своим учителям — *последним поэтам 1980-х гг.* (Неделчев) / *Первому постмодернистскому поколению 1990-х* (Антов), а также сборник «Болгарская антология. Поэзия от Герова до наших дней» (1998).

Одна из главных проблем «Болгарской хрестоматии» — взаимоотношения поколений: во многих текстах просматриваются оппозиции *смерть / жизнь*, *старый / молодой*, *отец / сын*, *дед / внук(-и)*. Играя с постмодернистскими конструктами, Второе поколение своим поведением явно свидетельствовало о нежелании находиться под патронатом предыдущего, поэтому развенчивало миф о превосходстве «отцов», свободно обращаясь с поэтическими «образцами» предшествующих эпох и создавая новые страницы болгарской литературы. Исследуя философию болгарского постмодернизма, Антов сосредоточивает внимание на ключевой, по нашему мнению, оппозиции *отец / сын* и ее фрейдистском истолковании применительно к литературным поколениям 1980–1990-х гг. Напомним, что у Фрейда анализ взаимоотношений отцов / сыновей и феномена отцеубийства наиболее последовательно осуществлен в его работе «Тотем и табу» (1913). Молодому поколению необходимо уничтожить отцов физически, чтобы в символическом плане провозгласить их культ; роль отца признают только после его смерти. При этом актуализируется фигура *деда*: «Пока живой Отец воспринимается как Деспот, Дед, будучи отрицанием Отца, является “хорошим”»¹⁶.

Первостепенной задачей постмодернизма, по словам Антова, является как раз «убийство Отца и разрушение его языковой картины мира»¹⁷, подтверждением этому служит «Болгарская хрестоматия», созданная четверкой «ЛВ». В тернарной оппозиции *дед / отец / сын*,

если рассматривать ее применительно к болгарскому постмодернизму 1990-х гг., позицию «дедов» занимают модернисты, «отцов» — постмодернисты Первого поколения, «детей» — представители Второго поколения¹⁸. Пародируя творчество писателей предыдущих эпох, в том числе и живых «отцов» / учителей, «дети» из этой триады всячески стремились подчеркнуть свое место в болгарском литературном процессе через апелляцию к «дедам» — модернистам; неслучайно их именование — «новая литературная Четверка»: «старой» Четверкой были поэты круга журнала «Мысль».

*Пенчо Славейков, Пейо Яворов, Петко Тодоров
и Кръстю Кръстев*

Молодые постмодернисты 1990-х гг. даже специально сделали похожую фотографию, ставшую своеобразной эмблемой их поколения и «визуально» декларирующую отсылку к литературной традиции. Однако, подражая поэзии модернизма, постмодернизм «в сущности, ее преодолевает — главным образом через интенсивное *деконструктивное повторение*»¹⁹. Написанная новой Четверкой «Болгарская антология» (1998) есть попытка *реконструкции* и одновременно с этим *деконструкции* опыта Пенчо Славейкова, идеолога болгарского модернизма, который в 1910 г. опубликовал сборник

*Бойко Пенчев, Георги Господинов, Йордан Ефтимов
и Пламен Дойнов*

«На острове блаженных» — литературную мистификацию, «соединившую» биографии никогда не существовавших поэтов и их произведения, в том числе якобы переведенные Славейковым на болгарский язык. «Болгарская антология» была воспринята критикой неоднозначно; ее авторов упрекали, в частности, в отсутствии оригинальности, в «графомании и маниакальности»²⁰.

Одним из тех, кто последовательно критиковал поэтов Второго постмодернистского поколения, был Владимир Трендафилов (1955–2019). Он неоднократно говорил о вторичности и эпигонстве болгарского постмодернизма, отсутствию у него значительных достижений. Отсутствие новизны Трендафилов видит и в «Одиннадцати индейских сказках» Й. Ефтимова (1997), поэтика которых отсылает к произведениям начала XX в., слишком «хорошо известным и изученным в пространстве европейской культуры»²¹, чтобы признать стихотворения Ефтимова оригинальными. Первый стихотворный сборник Г. Господинова, «Лapidариум» (1992), критик назвал «ювенилией, каких сотни»²²; второй — «Черешня одного народа» (1996), трижды переизданный в Болгарии, — «пустышкой»; одной из причин было то, что книгу слишком уж хвалили литераторы, объеди-

ненные вокруг «ЛВ». В 1999 г. Трендафилов назвал редакцию этой газеты «посредственным коллективом» с «сектантской закрытой атмосферой», скрывшимся от подлинного литературного творчества за фасадом «маргинальных идей Фуко»²³. Тем самым авторы «ЛВ» прискорбно отличаются от поэтов-предшественников, для которых, по мнению Трендафилова, характерна «психологическая глубина», «они близко знакомы с унижением литературной мимикрии позднего социализма, но вместе с тем, в силу их молодости, не успели встать на путь компромиссов с политической конъюнктурой»²⁴.

Отношения между двумя постмодернистскими поколениями обострились на протяжении многих лет, пока наконец не обернулись скандалом, апогей которого пришелся на 2016 г. Для поэтов 1980-х гг. по-прежнему было важно «воспитать» новое поколение литераторов, которые считали бы себя *учениками / преемниками / последователями «опекунов»*; причина была в том, что дистанцировавшееся от поэтов 1980-х гг. поколение 1990-х больше не выполняло «сыновнюю» функцию. Илков, много лет преподающий в Софийском университете историю литературы и литературное мастерство, неоднократно упоминает о важности воспитания молодых писателей, что «делают литературу, от которой болит в груди, и не знают смысл слова “постмодернизм”»²⁵. Мысль об острой необходимости вырастить новых преемников очень точно выражает Неделчев: поэты поколения 1980-х гг. «больше не идентифицируют Четверку как своих “детей”, они хотят вновь воспроизвести “детей”, но “других” — совсем “новых молодых” литераторов, которые пишут “новую социальную поэзию”»²⁶.

Возможно, именно этим стремлением²⁷ была обусловлена позиция Илкова, который настаивал на привлечении молодежи для публикаций и работе в газете, сдающей свои позиции в болгарском социокультурном пространстве²⁸. На 25-летнем юбилее «ЛВ», отмечавшемся в Национальном дворце культуры, в книжном магазине «Перо», Сильвия Чолева, сославшись во время дискуссии на А. Илкова, повторила его мысль о необходимости «омоложения» газеты. На это Камелия Спасова, тоже член редколлегии, ответила, что молодые авторы регулярно привлекаются для участия в «ЛВ». Действительно, студенты и аспиранты активно работают в газете и как авторы, и как переводчики, и как редакторы (чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть хотя бы один номер «ЛВ»). Ответом на процитиро-

ванные Чолевой слова Илкова стала опубликованная вскоре в «ЛВ» (2016. № 16) заметка Й. Ефтимова в рубрике «Не могу молчать», где он обвинил Илкова в сужении понятия «молодые авторы» до «студентов программы “Литературное мастерство” Факультета славянской филологии Софийского университета»²⁹ и отметил, что газета постоянно сотрудничает с молодежью: «Если под “дать дорогу молодым” мы имеем в виду приглашение стать редакторами в “Литературен вестник”, то нужно ли Ани Илкову вопить со дна, потому что редакторы газеты сами не догадываются об этом? Ну, если смотреть в рот единственному, с твоей точки зрения, защитнику перемен и искателю новых голосов, то именно так ты и будешь думать, это ясно. На самом деле многих мы неоднократно приглашали вести рубрику или попросить себя в редакторском деле»³⁰.

Реакция Илкова была незамедлительной — в той же рубрике «ЛВ» (2016. № 19) появился оскорбительный ответ Ефтимову под названием «Защитникам крепости»:

«Вы, которые втайне вдохновились статьей “крысы” Й. Ефт. и подписались под ней, знаете, что вы сделали, а? Вы себе не увеличили члены, согласно вашим наивным ожиданиям, а наоборот. Укоротили.

Когда я работал на холодильном заводе им. Антона Иванова, у клинических кретиннов (не у таких отбросов, как вы) было в ходу следующее выражение: “Пускай он бухтит себе, как мотор у «Москвича», «Волги» или «Запорожца». Да я мать его е**л!” Вот как и я вас сейчас — с вашим бубнежом, вашими матерями, сестрами и вашей газетой.

И, несмотря на то, что вы себя считаете большими теоретиками (а это не так), вот вам несколько терминологических уточнений, с помощью которых вы осмыслите свое идиотское поведение: анальная фиксация, инфантильная регрессия, комплекс Питера Пэна.

Впрочем, обратный отсчет для вашей Нетландии, фантазмагорически надстроенной над останками газеты “Литературен вестник”, начинается именно сегодня.

Ashes to ashes funk to funky*!»³¹

* Цитата из песни Дэвида Боуи «Ashes to Ashes» (1980): «Пепел к пеплу, страх — пугливым», — перефразированный вариант библеизма «Ashes to Ashes, Dust to Dust» («Пепел к пеплу, прах к праху»).

В том же номере Илкова поддержал лидер литературной группы «Новая социальная поэзия» Владимир Сабоурин. Выступив против коммерциализации литературы, «академичного постмодернизма», литературы, «паразитирующей на университетской инфраструктуре» и «лайфстайл литературы» («коммерческого эквивалента постмодернистской концепции “смерти автора”, в которой данный тип литературы встречается и застенчиво сожигательствует с “высоким” (университетским) постмодернизмом»³²), Сабоурин высказал убеждение, что нынешние редакторы газеты, в сущности, близкие к кругу поэтической Четверки «ЛВ» 1990-х гг., «следят, чтобы не раскачивалась лодка, обеспечивающая их личную успешную переправу в тихих водах мирного перехода»³³. После выхода номера его редактор, Сильвия Чолева, покинула газету (по мнению одних — была уволена, по версии других — ушла сама), а редколлегия принесла читателям извинения за текст Илкова.

В № 25 «ЛВ» за 2016 г. появились открытое письмо Э. Сугарева, В. Левчева, Р. Леонидова, А. Илкова и И. Димитровой «Похищенный *Литературен вестник* — или о наглости» и ответ на него действовавших на тот момент редакторов «ЛВ» А. Личевой, А. Буровой, Й. Ефтимова, К. Спасовой, М. Калиновой и П. Дойнова «Непохищенный *Литературен вестник* — или о реальности». Первое из них содержало нападки на редколлегию за ограничение свободы мысли и увольнение Чолевой, за «омещанивание, превращение в книжных крыс, паломничество в земли “жестокой нормализации”»³⁴. Авторы писали: «Мы не можем простить вам беззаботную жизнь газеты, ее всеядность и *непроблемность* [курсив мой. — Н. Л.], превращение в культурное приложение к двум университетам. Мы не можем простить этого и себе — своим уходом мы позволили всему этому случиться». По их мнению, из современного «ЛВ» исчезли бунтарский дух и творческая свобода, которая была общим кредо всех сотрудников, уступив место цензуре, «наглости, подлости»³⁵. В ответном письме действующая редакция по пунктам опровергла претензии и обвинения «старого поколения» — выделим лишь основные тезисы: 1. Никто, кроме Сугарева, за последние двадцать лет не был редактором «ЛВ» на постоянной основе. 2. Разделение периодов существования издания на «политический» и «академический» спекулятивно и искусственно; при этом поэты «старого поколения»

являются такими же сотрудниками университетов, как и «молодые». 3. Уважая поэтический талант Илкова и его роль в их жизни как учителя, редакция полагает, что «гнев и ненависть могут сыграть злую шутку даже с лучшими поэтами и заставляют их выглядеть ожесточенными и слабыми в своем желании обидеть словом»³⁶.

Сугарев, будучи председателем Учредительного совета фонда «Литературен вестник», настоял на созыве 31 июля 2016 г. внеочередного собрания членов Совета для пересмотра его состава; однако действующий главный редактор Личева заявила, что мандат Сугарева истек. Сугарев намеревался ввести в Совет учредителей новых членов, в том числе Левчева и Леонидова, чтобы иметь законную возможность влиять на происходящее в газете; но его оппоненты пригласили на встречу адвоката, инициировавшего голосование о нелицитимности собрания (с этим согласились семь участников собрания из десяти, остальные поддержали Сугарева). В открытом письме «How do you sleep?»³⁷ Сугарев объявил об уходе из «ЛВ» и сравнил произошедшее в тот день с драмой Ионеско: «Те, кого мы привели в “ЛВ”, — это те же, кто пришел сюда сегодня, чтобы нас *выгнать*, подтвердив свои *юридические* права на газету». Персональной «мишенью» Сугарева стал Георги Господинов, проголосовавший против него. Сугарев писал: «...Я отказываюсь понимать, как в одном и том же человеке сочетаются одновременно талант и малодушие, эмпатия и духовная нищета приближенных к кормушке»; «И в самом деле, Жора, как тебе спится? Как всем вам спится — в своем новом качестве литературных талибов?»³⁸

Авторы других периодических изданий тоже дали негативную оценку позиции Господинова; характерна, например, статья «Скандал: молчаливый переворот взорвал литературную общественность. “Старик” Румен Леонидов разгромил Георги Господинова и других “молодых” из газеты “Литературен вестник”» в газете «Марица» 18 августа 2016 г. Леонидов убрал с сайта «Факел.бг» все материалы, опубликованные Господиновым, которого публично назвал «лжесвятым» и прокомментировал его поведение на заседании Учредительного совета: «Всего за каких-то 13 минут пластмассового молчания... он на моих глазах совершил самоубийство»³⁹. Господинов был не единственным, кто голосовал за нелицитимность собрания, но нападки на него были сильнее, чем на остальных членов редколлегии «ЛВ». Возможно, это

объяснялось литературной популярностью Господинова, вызывавшей зависть менее успешных коллег, или иными личными мотивами.

Конфликт вокруг «ЛВ» сразу же превратился в банальное сведение счетов — воскресли прежние споры между участниками (причем, надо заметить, «старшее поколение» меньше стеснялось в выражениях, чем «молодое»). По стенограмме заседания Учредительного совета виден высокий эмоциональный накал встречи, закончившейся не в пользу «стариков», — А. Илков напоследок назвал оппонентов «неудачниками» и «коммунистическим отребьем»⁴⁰. На своей странице в Facebook 10 августа 2016 г. Господинов опубликовал фрагмент личной переписки с Сугаревым: «Я не хочу ни смотреть, как дерутся люди, которые сделали что-то хорошее, ни участвовать в этом. Сейчас так, Эди. Пусть каждый останется при своем. И попытается понять позицию другого»⁴¹. Скандал вокруг «ЛВ» был спровоцирован официальным уходом Господинова из редколлегии в июне 2016 г. — хотя к тому времени он уже несколько лет не работал там как постоянный редактор. Писатель с сожалением отметил, что этот конфликт привел к «разделению литературы на два лагеря, на старых и молодых [...] Эта среда настолько крошечная и ограниченная, что ей на пользу пойдут только известная доля смирения и работа»⁴².

Попытки проанализировать причины и последствия раскола в «ЛВ» предпринимались неоднократно. Профессор Софийского университета поэтесса Миглена Николчина объясняет поведение «старого поколения» по отношению к «молодому» и соответствующие претензии «чувством неудовлетворенности генерации», к которой она и сама принадлежит: «Это сильные поэты, яркие индивидуальности, интересные, страстные, активные личности. Они чувствуют, что их не оценили по достоинству. И я понимаю это чувство»⁴³. Вероятно, именно ощущение недооцененности заставляет искать себе новых преемников (как это происходит в случае с литературной группой «Новая социальная поэзия», высоко оцениваемой Илковым).

В одной из статей литературовед Николай Аретов пишет, что «часть зрелого поколения (связанная с “ЛВ”, но далеко не только она) постепенно отошла от бунта (эстетического и социального), стала, так сказать, более приземленной и начала вести себя подобно тем, против кого сама бунтовала. [...] Исчезли и бунтарские жесты в эстетике, их подменило выстраивание альтернативного канона и новой

иерархии»⁴⁴. Конфликт поколений продемонстрировал, что «литературные кумиры оказались обыкновенными людьми»⁴⁵.

Поэт, прозаик и журналист Стоил Рошкев объясняет сложившуюся вокруг «ЛВ» ситуацию иными причинами: в начале 1990-х гг. эта газета была в оппозиции «ко всему соцреалистическому, нафталиновому [...]. “Литературен вестник” был свежестью, авангардом, андеграундом», а затем превратился в «научный бюллетень»⁴⁶. Хотя «ЛВ» не платит авторам гонорары, газета имеет серьезный вес в культурной жизни Болгарии. Сотрудничество в ней, по словам Рошкева, позволяет «получить звание профессора, влиять на издательства, писать учебники, создавать проекты, быть в жюри конкурсов, получать награды»⁴⁷, поэтому утверждение, будто газета держится на голом энтузиазме авторов и редакторов⁴⁸, не вполне справедливо.

На сегодняшний день конфликт Первого и Второго поколений болгарских постмодернистов наиболее обстоятельно исследован в цитированной нами недавней статье М. Неделчева. Говоря о полемике вокруг газеты, ученый полагает, что в литературной жизни такие события имеют важные последствия, ибо «обнаруживают стилистические различия и полярные тематические доминанты, дают толчок процессам утверждения писательских общностей и обособления писательских персоналий»⁴⁹.

Противостояние «молодых» и «старых» постмодернистов 1990-х гг., несмотря на внешний драматизм, не было продуктивным ни по форме, ни по содержанию, лишь подтверждая слова С. Игова о том, что «болгарская писательская общность и в новое время не оформилась как автономная и суверенная в духовном плане (в отличие от организационного) институция свободного слова»⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Игов С.* Българската литература след 1989 година // LiterNet. № 6 (15). 24.06.2009. URL: <https://litenet.bg/publish/sigov/1989.htm> (дата обращения: 10.01.2020).

² Там же.

³ «Издание Левчева “Голос” имело более сильный уклон в политическую публицистику. В нем печатались почти все политические лидеры будущего СДС — антикоммунистической партии, которая появится в конце 1989 г. Издание Сугарева “Мост” было посвящено поэзии, хотя и включало в себя

остропублицистические тексты своего редактора, интервью с диссидентом Вацлавом Гавелом. [...] В “Голосе” придерживались следующего правила: для очередного номера готовить новую обложку, за что отвечал один и тот же художник — Стефан Десподов. “Мост” делал ставку на одинаковую обложку для всех выпусков, вышедших за первый год существования журнала, — рисунок Владимира Руменова. Со второго номера “Мост” стал сопровождаться иллюстрациями Николая Майсторова, а читателям было объявлено, что издание принимает к публикации не только рукописные тексты, но и графические рисунки. [...] Графическое оформление обоих изданий резко отличалось от традиций русского самиздата и имело больше общего с самиздатом Польши, Чехии и Венгрии. Иллюстрированный журнал, в оформлении которого использованы специально созданные для него графические произведения, — знакомый польской публике тип подпольной литературной периодики (например, “Запись” или “Пульс”), но даже в этом журнале рисунки в основном располагались на обложке, в то время как внутри самого издания печатали скорее фотографии (в отличие от десятков комиксов и практически тысяч книг, где во всей полноте был виден художественный размах польского самиздата). Но самым важным, безусловно, оставался текст — знак, что поэзия может быть и на баррикадах, как писал Эдвин Сугарев в первом номере “Моста”. Знак и того, что болгарская коммунистическая пустыня оживилась, как отмечал в первом номере “Голоса” Владимир Левчев». (*Ваксберг Т.* Самиздат на български: «Глас» и «Мост» през 1989 г. URL: <https://toest.bg/s-flumaster-v-banyata-1/> (дата обращения: 26.12.2019)). «Мост» и «Голос» финансировались за счет личных средств его создателей и распространялись бесплатно. Тираж обоих изданий был 50 экземпляров, читатели в дальнейшем делали копии оригинальных выпусков. При создании первых номеров была использована фотопечать, затем применялась смешанная техника (фотопечать и ксерокопирование). Офсетная печать начала использоваться лишь когда издания стали легальными (1990–1999). До крушения коммунистического строя вышло по три номера каждого издания.

⁴ Литературен вестник. Год. 20. Бр 5. 16–22.2.2011. С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Неделчев М.* Отново за поколенията (поетическите) в литературата // Литературен вестник. Год. 28. Бр. 29. 18–24.09.2019. С. 10.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Игов С.* Българската литература след 1989 година.

¹¹ *Неделчев М.* Отново за поколенията (поетическите) в литературата. С. 10.

¹² *Антов П.* Българският постмодернизъм XXI–XIX в. Към философията на българската литература. Пловдив, 2016. С. 92.

¹³ Там же. С. 93.

¹⁴ Там же. С. 94.

- ¹⁵ *Дойнов П.* Скритият дебат за постмодернизма в българската литература. Опит за проясняване. URL: <https://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=143&WorkID=11458&Level=1> (дата обращения: 10.01.2020)
- ¹⁶ *Антов П.* Българският постмодернизъм XXI–XIX в. С. 54.
- ¹⁷ Там же. С. 88.
- ¹⁸ Здесь важно отметить, что Первое поколение постмодернистов тоже имело своих «отцов», ритуальное «убийство» которых было необходимо для утверждения их символической функции: речь идет о Константине Павлове (1933–2008), болгарском поэте и киносценаристе, оказавшим значительное влияние на развитие литературы 1960–80-х гг. Подробнее о первом постмодернистском «отцеубийстве» см.: *Антов П.* Депрессия и поетически език // *Антов П.* Българският постмодернизъм XXI–XIX в. Към философията на българската литература. Пловдив, 2016. С. 73–78.
- ¹⁹ *Дойнов П.* Скритият дебат за постмодернизма в българската литература.
- ²⁰ Цит. по: *Дойнов П.* Скритият дебат за постмодернизма в българската литература.
- ²¹ Цит. по: *Дойнов П.* Скритият дебат за постмодернизма в българската литература.
- ²² *Трендафилов В.* Разпадането на подиума (поезията на 90-те) // *LiterNet*. 08.03.2006. URL: https://liternet.bg/publish8/vtrendafilov/za_ramkite/razpadaneto.htm (дата обращения: 10.01.2020).
- ²³ См.: *Трендафилов В.* През седмицата в литературния аквариум. URL: <https://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=151&WorkID=3984&Level=2> (дата обращения: 10.01.2020).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Вместо послеслов (Ани Илков разговаря с Борис Минков за младите в литературата). URL: <http://galerianadumite.bg/index.php/predstavyane-na-ani-ilkov/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ²⁶ *Неделчев М.* Отново за поколенията (поетическите) в литературата. С. 14.
- ²⁷ О преследовании Илковым личных целей в ситуации вокруг «ЛВ» пишет литературный критик и культуролог Димитр Камбуров (*Камбуров Д.* Погоре билото, майстори! URL: <https://litvestnik.wordpress.com/2016/08/12/по-горе-билото-майстори> (дата обращения: 08.12.2019)).
- ²⁸ В беседе с Б. Минковым Илков подчеркивает, что в начале своего существования «газета была сильно политизированной, эстетически радикальной и поэтому пользовалась популярностью у читателей. Если и произошло нечто вроде небольшой литературной революции, то наша газета вынесла ее на своих плечах. По политическим причинам немного позже распалась и наша команда веселых анархистов. Тогда я смог поспособствовать приходу в газету всем известной четверки (тогда еще студентов!). Была б моя воля, я бы оставил их совсем одних, но этого не произошло, и я считаю это своей ошибкой по сей день. Как бы то ни было, большинство из нас отошло от дел газеты, а ее основное лицо, похоже,

осталось (она все еще является трибуной молодежи), но со временем газета стала рупором праздно эстетствующих групп людей, становясь все более непродуманной и совершенно аполитичной, и, наконец, стала вообще дышать пылью литературного мейнстрима. (Вместо послеслов (Ани Илков разговаря с Борис Минков за младите в литературата) // Галерия на думите <http://galerianadumite.bg/index.php/predstavuane-na-ani-ilkov/> (дата обращения: 04.12.2019).

²⁹ *Ефтимов Й.* Спекулата с младите // Литературен вестник. Год. 25. Бр. 16. 20–26.04.2016. С. 3.

³⁰ Там же.

³¹ *Илков А.* Към защитниците на крепостта // Литературен вестник. Год. 25. Бр. 19. 11–17.05.2016. С. 1.

³² Манифест на новата социална поезия (09.09.2016). URL: <https://trubadurs.com/2016/09/10/manifest-na-novata-socialna-poezija-20160910/> (дата обращения: 07.12.2019).

³³ *Сабоурин В.* Спекулата на един някогашен млад или Лоши ли са основанията на скандала // Литературен вестник. Год. 25. Бр. 19. 11–17.05.2016. С. 1.

³⁴ *Сугарев Е., Левчев В., Леонидов Р., Илков А., Димитрова И.* Похитеният Литературен вестник — или за наглостта // Литературен вестник. Год. 25. Бр. 25. 22–28.08.2016. С. 3.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Аллюзия на известную песню Дж. Леннона, в которой находит отражение их конфликт с П. Маккартни:

*Ah, how do you sleep?
Ah, how do you sleep at night?
You live with straights
who tell you you was king.
Jump when your momma tell you anything
The only thing you done was yesterday*
And since you're gone you're just another day.*

* При записи песни «Yesterday» в работе из группы «The Beatles» участвовал только Маккартни.

³⁸ *Сугарев Е.* How do you sleep? Открито писмо до редакторите на «Литературен вестник». URL: <http://www.svobodata.com/page.php?pid=17981&rid=154&archive=> (дата обращения: 08.12.2019).

³⁹ Цит. по: *Камбуров Д.* По-горе билото, майстори! URL: <https://litvestnik.wordpress.com/2016/08/12/по-горе-билото-майстори> (дата обращения: 08.12.2019).

⁴⁰ Цит. по: *Неделчев М.* Отново за поколенията (поетическите) в литературата. С. 15.

- ⁴¹ *Господинов Г.* Възможността за разговор. URL: <http://skif.bg/index.php/baraban/3391-georgi-gospodinov-vazmozhnostta-za-razgovor> (дата обращения: 08.12.2019).
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Николчина М.* Общата причина за скандала в «Литературен вестник» е чувството за неудовлетвореност. URL: <https://infacto.bg/miglana-nikolchina-obshata-prichina-za-skandala-v-literaturen-vestnik-e-chuvstvoto-za-neudovletvoren/> (дата обращения 08.12.2019).
- ⁴⁴ *Аретов Н.* За самочувствието, около дебата на «Литературен вестник». URL: <https://www.marginalia.bg/aktsent/za-samochuvstviето-okolo-debata-na-literaturen-vestnik/> (дата обращения: 07.12.2019).
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Рошкев С.* «Литературен вестник» като «Литературен фронт». URL: <https://www.fakel.bg/index.php?t=5427> (дата обращения: 01.12.2019).
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ См. *Личева А., Бурова А., Ефтимов Й., Спасова К., Калинова М., Дойнов П.* Непохитеният «Литературен вестник» — или за реалността. До авторите на писмото «Похитеният “Литературен вестник” — или за наглостта» // Литературен вестник. Год. 25. Бр. 25. 22–28.06.2016. С. 3.
- ⁴⁹ *Неделчев М.* Отново за поколенията (поетическите) в литературата // Литературен вестник. Год. 28. Бр. 29. 18–24.09.2019. С. 15.
- ⁵⁰ *Игов С.* Българската литература след 1989 година.

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.09

Александра Всеволодовна
СЕМЁНОВА
(Москва)

Журнал «Гриф» Александра Майковского (1908–1922–1925 гг.) и «скромные достижения кашубской музы»

Аннотация:

Работа посвящена своеобразному явлению кашубской культуры — журналу «Гриф» А. Майковского, выходившему и вначале наполнявшемуся материалами почти исключительно благодаря усилиям своего создателя и издателя, и при этом существенным образом повлиявшему на развитие кашубского литературного языка и кашубской культуры, кашубского регионализма и кашубской идентичности.

Ключевые слова:

А. Майковский, журнал «Гриф», кашубская культура, кашубский язык, кашубщина

Alexandra V. SEMYONOVA
(Moscow)

“Grif” magazine by Alexander Majkowski (1908–1922–1925 years) and «modest achievements of the Kashubian Muse»

Abstract:

The study is devoted to a peculiar phenomenon of the Kashubian culture — “Grif” magazine by A. Majkowski, which started to come out and was filled at first with materials almost exclusively thanks to the efforts of its creator and publisher, and at the same time significantly influenced the development of the Kashubian literary language and Kashubian culture, Kashubian regionalism and Kashubian identity.

Keywords:

A. Majkowski, “Grif” magazine, Kashubian culture, Kashubian language

В 2005 году «кашубщина» обрела статус регионального языка¹. К этому привели труды и устремления как кашубских интеллектуалов-одиночек, так и объединений кашубской интеллигенции на протяжении полутора веков. Самосознание кашубской лингвокультурной региональной общности стало формироваться во второй половине XIX в., когда Поморье было частью Пруссии и когда на кашубщину, как и на польский литературный язык, налагались серьезные ограничения, в том числе появлялись законы, вводившие суровые наказания за кашубскую речь в общественных местах, в частности, в школе и во время богослужения. Теолог и юрист Ян Карновский в статье «Кашубское сообщество в прошлом столетии (эссе о культурной и общественной жизни)», отмечал, что, «когда жандарм появился на дворе плембани, народ сразу почувствовал угрозу своим священным сокровищам, немедленно заняв позицию противления по отношению правительству»². Протесты кашубов, стремившихся сохранить свою идентичность и язык, принимали различные формы. Так, в июле 1906 г. имела место забастовка школьников, требовавших продолжения ведения курса религиозного воспитания на родном языке³.

В начале XX в. мы видим на поморской арене представителей трех культур: 1) немцев, то есть прусских подданных, а также причисляемых к немцам ассимилированных славян-кашубов, 2) кашубов, сохранивших свой язык, культуру и славянскую идентичность, а также 3) поляков из других регионов Польши, находившихся в результате разделов в составе Австрии и Российской Империи. Все они так или иначе влияли на развитие кашубского языка и культуры⁴.

Александр Майковский, внесший неизмеримый вклад в развитие кашубского языка, культуры и самосознания, с горечью отмечал, что немцы в его время — практически единственные, кто скрупулезно изучает кашубскую культуру. Хотя высказывание А. Майковского звучит эмоционально и не относится к «кашубологии» во всей полноте, тем не менее, оно во многом правдиво. Обстоятельные научные труды в области языкознания, этнографии, географии кашубского региона принадлежат перу немцев, в том числе священников евангелистской церкви, служивших на Поморье. К наиболее значимым и часто цитируемым трудам относятся «Характеристика кашубов с берегов

Лебы» и «О кашубских предрассудках к сведению противников рекомендованного просвещения народа и улучшения школ» Г.Л. Лорека, «Кашубский народ и земля» В. Зиделя, «Словинцы и кашубы с берегов Лебы» Ф. Тетцнера⁵. При этом далеко не все поляки считали, что кашубологические штудии идут на пользу развитию единой польской культуры. По свидетельству Яна Карновского, единомышленника А. Майковского, писателя, публициста, общественного деятеля и теоретика младокашубов, «мнения кашубской интеллигенции о докторе М<айковском> в то время разделились. Одни считали его сепаратистом [...], другие, особенно священники, атеистом, с которым не рекомендуется завести близкого знакомства, в особенности клирикам»⁶. Подозрения в «сепаратизме» и непонимание его взглядов на кашубскую и региональную поморскую культуру преследовали А. Майковского на протяжении всей его жизни. По значимости его вклад можно сравнить с итогами деятельности его предшественника, Флориана Цейновы, который при жизни и после смерти подвергался аналогичным нападкам. Ф. Цейнова родился в 1817 г., а ушел из жизни в 1881 г. Будучи по специальности врачом, как и А. Майковский, Цейнова стал первым выдающимся кашубским общественным деятелем. Его научная и литературная деятельность как писателя, публициста, издателя, фольклориста, исследователя кашубского языка и автора первой последовательной системы записи кашубских текстов перекликается с содержанием деятельности А. Майковского. Со сту-

Aleksander Majkowski
(1876–1938)

Фотопортрет

Александра Майковского

(Karnowski J. Aleksander Majkowski.
Wspomnienia – listy – uwagi.
Gdańsk, 2012. S. 40)

денческих лет Майковский участвовал в общественной и культурной жизни родного края. Проведя практически всю жизнь на территории Кашубии (он родился в городке Костежина, умер в г. Гдыня в 1938 г. и был похоронен в селе Картузы), Майковский оставил выдающееся наследие как писатель, журналист и публицист, поэт и драматург. Он стал основоположником «Общества Младокашубов» и председателем «Регионального кашубского объединения»⁷.

Стремясь к распространению знаний о кашубской культуре, повышению статуса кашубщины в глазах самих кашубов, как сельских, так и городских, как простых, так и принадлежащих к шляхте, которая к тому времени избегала признавать свои кашубские корни, А. Майковский начинает редактировать и выпускать периодические издания. Первым из них стала «Gazeta Gdańska» («Газета Гданьска» / «Гданьская газета») с приложением «Družba» («Дружба»), а затем выдающийся по тематическому охвату и качеству публикуемых материалов журнал «Gryf» («Гриф» / «Гриффон») ⁸.

Кроме того что кашубология и продвижение кашубской культуры в начале XX в. развивались во многом благодаря трудам А. Майковского и его ближайшего окружения, тот факт, что большинство периодических изданий, затрагивавших кашубскую лингвокультурную проблематику, выходило в Гданьске и распространялось среди подписчиков и читателей в его ближайших окрестностях, а на остальной территории Западной Пруссии кашубскому вопросу практически не уделялось внимания, был связан, еще и с ареалом расселения кашубов⁹.

Что касается тех изданий, в которых все же публиковались материалы, относящиеся к кашубской проблематике в конце XIX — начале XX вв., то в основном пресса освещала общественные и экономические вопросы, и только в первом десятилетии XX в. появилось принципиальное новшество — публикации, посвященные вопросам кашубской культуры¹⁰. Представители гданьской интеллигенции относились к кашубской культуре как к части культуры польской, сознавая ее самобытность, и, стремясь помочь поморской ветви славянства избежать германизации, считали, что, поддерживая и развивая местные, региональные культурные и языковые традиции, смогут более эффективно поддержать «славянство» и «польскость» Поморья.

Первым изданием, освещавшим кашубскую проблематику в таком ракурсе, было приложение к «Газете гданьской» — «Дружба» А. Майковского, первый номер которого вышел 6 мая 1905 г. В номере 75-м «Гданьской газеты» от 24 июля 1905 г. А. Майковский описал свою программу, подчеркивая, что особого внимания в Кашубии заслуживает национально-этнический вопрос. Кашубщина (в этот период Майковский пользовался термином «*gwara kaszubska*» — «кашубский говор/ диалект»)¹¹ оказалась наиболее стойкой к германизации среди славянских наречий, на которых говорили потомки славян, оказавшихся в немецком ареале. Автор писал о необходимости поддерживать и пестовать народные традиции кашубов и развивать их язык, в том числе посредством публикации произведений Флориана Цейновы, Иеронима Дердовского, а также собранных ими и самим А. Майковским фольклорных текстов, и поощрять «скромные плоды современной кашубской музыки», под которыми автор Программы подразумевал зарождающуюся кашубскую литературу и свой личный вклад в литературное творчество на кашубском языке, в том числе собственные литературные опусы, из которых многие публиковал анонимно¹². Задачи публикации художественных произведений на кашубском языке отражены, например, в письме А. Майковского Б. Хшановскому, где он характеризует кашубскую литературу и фольклор как «мост», «по которому он хочет довести до читателя и перелить в общую польскую культуру особенности местной культуры, хотя и скромной. «Поэтому я пытаюсь ввести в литературный язык кашубское наречие, как уже были введены мазовецкое и гуральское наречие жителей Подгалья» — пишет А. Майковский¹³.

Майковский никогда не был единственным редактором «Газеты...». В редколлегии был, в частности, Франтишек Сэндзицкий, публиковавший в этом издании как кашубский фольклор, так и собственные стихотворные произведения в фольклорном стиле по-кашубски. Вторым редактором, который после ухода Майковского из редколлегии стал главным, был Дионизий Ковальский. Вскоре владельцы издания посчитали бесполезной с точки зрения развития поморской культуры и вредной с точки зрения стремления к единству польского народа поддержку приложения «Дружба», и на этом прекратилось сотрудничество издания с А. Майковским и выпуск самого приложения. Надо сказать, что критика исходила как от редакции,

так и со стороны читательской аудитории. Озабоченные политической раздробленностью Польши поборники единства польской культуры видели ценность в продвижении единой польской национальной культуры и польского литературного языка, а региональные говоры и культурные традиции считали не имеющими ценности для общепольской культуры и не обогащающими эту культуру, а свидетельствующими о «сепаратизме» отдельных славянских групп, их отказе от принадлежности к единому польскому культурному пространству¹⁴. Майковский же, напротив, считал подход редакции «Газеты...» «псевдофольклорным» на манер западнопрусской периодики. Этот подход Майковский считал «вредным для культуры и прогресса»¹⁵. После своего ухода из редколлегии А. Майковский продолжал публиковаться в «Газете гданьской», в которой писал с тяжелым чувством, что кашубская культура продвигается *de facto* немцами, когда же о ней пишут поляки, это расценивается как сепаратизм¹⁶.

Несмотря на разрыв между А. Майковским и частью поморской интеллигенции, их идеологический конфликт и работа над приложением «Дружба» стали важным этапом в подготовке к наиболее известному и оказавшему большое влияние на развитие кашубской региональной культуры и литературы журнал «Гриф»¹⁷. С 1908 г. с перерывами знаменитый «Гриф» издавался под редакцией и во многом на личные средства от медицинской практики А. Майковского.

В сентябре 1909 г. А. Майковский и его единомышленники провели в Сопоте учредительное собрание, в результате которого было основано издательство журнала «Гриф» с правлением в лице А. Майковского и Ф. Крэнцкого, наблюдательным советом, в который вошли Б. Филярский, ксёндз Юзеф Врыча, Игнацы Брэйский. Юридически предприятие представляло собой акционерное общество, в котором с 1909 по 1912 гг. было от 48 до 58 участников. Взносы участников Общества в размере 25 марок и покупка ими долей, стоимость каждой из которых была определена в размере 50 марок, а также пожертвования частных лиц, равно как и подолжающиеся финансовые вливания в предприятие со стороны самого А. Майковского сделали возможным повысить тираж с 500 до 700 и даже на короткий период до 1000 экземпляров¹⁸.

Периодические издания в поморском регионе того времени главным образом освещали экономические и общественно-политические

вопросы. На этом фоне журнал «Гриф», в котором также уделялось внимание указанной проблематике, выделялся, поскольку издание ставило себя вне политических споров между представителями разных лагерей внутри польского общества, чем вызвало новые обвинения в «сепаратизме» А. Майковского лично и «сепаратистской» окраске самого издания. Был инициирован судебный процесс, в результате которого А. Майковский был оправдан, поскольку прусская сторона подтвердила, что не поддерживала и не финансировала его деятельность, и что работа Майковского не представляла прусских интересов, а сам Майковский был охарактеризован прусской стороной как «поляк-националист», в связи с чем, с прусской точки зрения, обвинения в «сепаратизме» звучали по отношению к Майковскому оскорбительно и нелепо¹⁹.

В контексте характерного для начала XX в. противоречивого отношения различных групп на Поморье к кашубскому вопросу «гданьская пресса [...] играла роль своеобразного “связующего звена” в жизни польско-кашубского сообщества. Развивая идею единства разделенного государственных границами польского народа, поморская пресса нашла возможность привлекать в качестве опоры в защите находящиеся под угрозой национальной [самоидентификации] региональные ценности, кашубскую культуру и традиции, признать ее неотъемлемой частью народного наследия»²⁰.

Гданьские периодические издания традиционно уделяли больше внимания региональным, местным вопросам, чем журналы, издававшиеся в других регионах. Результатом было близкое сотрудничество редакторов с пропагандистами кашубской культуры и авторами, принадлежавшими к региональному движению. Важное значение имели и усилия региональной прессы по повышению ценности и формированию особого статуса кашубской культуры, традиции и языка в глазах общественности, а также по демонстрации границ региональной идентичности на фоне немецкого населения и соотечественников, прибывших из других регионов разделенного на части польского государства. В результате повысилась осведомленность о региональных проблемах и региональной культуре не только жителей Поморья, но и жителей других регионов Польши²¹. Усилия авторов, публиковавших свои статьи, рецензии и обзоры в поморских региональных журналах, привели к тому, что интерес к Кашубии в целом значи-

тельно возрос, как возросла и осведомленность об особом положении этого региона, представляющего собой «западный форпост славянства, подвергавшийся постоянной угрозе германизации»²².

Самым преданным соратником А. Майковского среди пелплинских студентов семинарии был Ян Карновский, который имел близкие с А. Майковским взгляды на задачи развития кашубского языка и культуры, и стал одним из основоположников движения «Младокашубов», манифест которого принадлежит А. Майковскому. Метафорой и одновременно девизом этого движения может служить фраза: «Пусть черный гриф виднеется на груди белого орла», что отсылает нас к поморскому региональному гербу и белому орлу на польской национальной символике. Пелплинская семинария также составляла группу постоянных подписчиков «Грифа», и даже выигрыши в бильярд отдавались в пользу этого издания²³. Подготавливая манифест, который был опубликован в первом номере, Майковский называет кашубов в письме к Карновскому поморской «Золушкой», упоминает, что следует поощрять и развивать интеллектуальный труд «кашубов для кашубов», подчеркивает необходимость представительства кашубов в выборных организациях, публикации написанных кашубами материалов в прессе, участия в экономической жизни страны, в том числе в торговле. Основание журнала, по мнению Майковского, должно было заложить основы будущего товарищества — Кашубско-поморского объединения²⁴.

Чтобы составить представление о структуре и проблематике журнала, характерных для всех трех периодов его издания и редактирования А. Майковским (в отличие от короткого временного отрезка в начале 1930-х гг., когда в редколлегию вошло около полутора десятков человек), следует подробно остановиться на содержании первого номера журнала «Гриф». Здесь был опубликован манифест А. Майковского «Наша программа». В манифесте издатель перечисляет задачи журнала: в первую очередь — восполнить пробел в культуре самих кашубов, не имевших своего общественно-политического и литературно-критического журнала, в котором бы отражалось их мировоззрение и освещалось развитие литературы, а также пробел в представлениях о кашубской культуре, имеющих вид штампов и предрассудков, у представителей сообществ, живущих бок о бок с кашубами²⁵.

ROK I.

Listopad 1908

ZESZYT I.

GRYP

Pismo dla spraw kaszubskich.

Wychodzi raz na miesiąc.

Abonament ćwierćroczny z przesyłką pod opaską nr. 1,65

Abonament na pocztę nr. 1,50 kwartalnie.

Adr. redakcyi: „Gryf” Kościerzyna—Berent Wpr.

Wydawca Dr. Majkowski.

Drukiem H. Fellersa nast. S. Czyżewskiego w Gdańsku.

Nasz program.

Nowe pismo, aczkolwiek w skromnych wychodzące rozmiarach, powinno mieć rację bytu i wypełnić istniejącą wśród naszego piśmiennictwa lukę. Inaczej bowiem nie można się spodziewać, ażeby się rozwijało, tem mniej, jeżeli w tak trudnych i nieprzyjaznych warunkach wychodzić musi, jak nasze pismo tu na Kaszubach.

Zachętą i bodźcem do wydawania pisma, zajmującego się sprawami społecznymi i kulturalnymi na Kaszubach, były dla nas uwagi następujące:

Do dziś dnia o kresach kaszubskich wśród inteligentnego ogółu społeczeństwa polskiego często dziwne i zgoła błędne istnieją pojęcia. Urywcze artykuły dzienników, osobiste wrażenia kuracjuszy cypockich, wywiady u osób, żyjących dłuższy lub krótszy czas wśród kaszubów, a mimo to zupełnie obcych przyrodzie i duchowi ludu kaszubskiego, tworzą często materiały do obrazu Kaszub i Kaszubów chybionego na wskroś. Na jednym tylko polu i to w dziedzinie językoznawstwa dokładne i ściśle naukowe posiadały prace, wykonane przez swoich, nie mówiąc o licznych publikacjach na ten temat ogłoszonych przez Niemców. Zanotować tu z uznaniem należy nazwiska

... strona z *Naszym programem*

Публикация «Наша программа»
на первой полосе в первом номере журнала «Гриф» (ноябрь 1908 г.)

(Karnowski J. Aleksander Majkowski.

Wspomnienia – listy – uwagi. Gdańsk, 2012. S. 54)

За манифестом шел раздел «Из устного народного творчества», в котором А. Майковский начал публиковать кашубские сказки, из которых первая — «Волк и его завтрак». Во всех последующих номерах журнала Майковский продолжает публиковать народные сказки. Сказки приводятся в оригинальной записи, как они были получены от информаторов. Программные статьи А. Майковского вместе с публицистикой, статьями на исторические темы, в большинстве своем принадлежащие перу издателя, но не всегда подписанные его именем (иногда Майковский скрывает себя под маской анонима), современными произведениями кашубской литературы (некоторые, хотя далеко не все, художественные тексты также принадлежат Майковскому) и кашубским фольклором составляли основное содержание журнала и делали это издание уникальным. Кроме того, А. Майковский посвятил много усилий поиску информаторов, записи кашубских сказок и редактированию этих записей с целью выработки единообразной кашубской орфографии²⁶. Благодаря тому, что А. Майковский был представителем кашубской культуры и знал эти сказки с детства, он подбирал подходящие для каждого номера сюжеты, согласовывавшиеся с его статьями «От редакции» и тематикой каждого номера в целом. Например, в сказке, опубликованной в первом номере «Грифа», проводятся очевидные параллели с кашубско-немецкими отношениями²⁷. В этой сказке глупого голодного волка обманывают по очереди все домашние животные, которых он встречает на своем пути и пытается съесть (коза с козлятами, свинья с поросятами, петух, гусыня, лошадь с жеребенком и баран). Избитый и чуть не утонувший в озере волк сетует на свою глупость, сидя рядом с дубом, в дупле которого скрывается человек с топором. Волк, жалуясь, неосторожно произносит, что ему бы следовало отрубить хвост за его глупость, что человек немедленно и делает²⁸. Разумеется, в образе глупого волка предстает собирательный образ прусских чиновников, ведущих поборы с кашубских крестьян.

За сказкой о волке в первом номере «Грифа» следуют еще две: «О солдате и еврее» и «Почему заяц не ест мяса». В первой из двух сказок находчивый кашубский крестьянин обманывает еврея, устраивая дела таким образом, что староста присуждает ему не возвращать денежный долг. Во второй — заяц наблюдает неудачную охоту лиса на лошадь и, видя мертвого лиса, решает, что охота — опасное занятие и делает выбор в пользу растительной пищи²⁹.

Следующий раздел первого номера журнала был посвящен кашубской сельской архитектуре. Статья под названием «Срубы в Скожеве. К истории народной архитектуры в Кашубии» была также написана А. Майковским, хоть и опубликована от лица анонима³⁰. В дальнейшем А. Майковский продолжал публиковать статьи, посвященные архитектуре, и эта часть исследований издателя и редактора «Грифа» также занимала значительный объем и была представлена на высоком уровне. Статья обозначила место раздела, посвященного различным научным вопросам во всех следующих номерах журнала³¹.

В четвертом разделе А. Майковский помещал современные кашубские художественные произведения. В первом номере он представил свою повесть, изданную только в этом журнале, «Кашубам никогда не придет конец» с подзаголовком «Картинка из Кашубии. Написал...». И этот рассказ, как и статью по вопросам архитектуры, Майковский публикует анонимно, но читатель легко угадывает авторство. Действие этого произведения, написанного в стиле «На скалистом Подгалье» Казимежа Тетмайера³², происходит на отошедшей к Пруссии территории и раскрывает непростые взаимоотношения кашубов, противостоящих германизации, и немцев³³.

Последний раздел «Грифа» носит название «Книги и журналы». Эта часть издания содержит анонсы, рецензии на литературные произведения и различные издания, имеющие отношение к кашубско-поморской проблематике, а также дискуссии. В первом номере материалы, помещенные в этом разделе, также принадлежат самому А. Майковскому. Следует отметить, что три из четырех отрецензированных издателем материалов написаны на немецком языке. Исключением является брошюра К. Костиньского «Славянская идея в Кашубии. Исторический набросок», изданная в Познани в 1908 г. Майковский спорит с Костиньским в части оценки деятельности Ф. Цейновы и выражает надежду, что в будущем отношение к достижениям популяризатора и локомотива кашубской культуры и литературы будет оценено более справедливо³⁴.

Во втором номере журнала первый раздел занимает неоконченная статья издателя и главного редактора «Divide et impera» («Разделяй и властвуй»), касающаяся языковой политики в Кашубии. В статье Майковский защищает священника, произносившего проповеди по-кашубски, одновременно обвиняя многих церковных де-

ятелей в пособничестве германизации. В этом же номере в разделе «Современная художественная литература» Майковский публикует как свои произведения, так и стихи других авторов, посвященные Кашубии. Так, во втором номере журнала редактор помещает два стихотворения Марыли Вольской из Львова, оба под общим названием «Кашубия»³⁵. Среди работ различных авторов о Кашубии Майковский рецензирует вышедшую на немецком языке брошюру «Кашубы» пастора Пауля Гердера, о которой отзывается резко отрицательно — персонажей Гердера Майковский считает карикатурными, а честное имя кашубов, по его мнению, недостойно использовано для описания нарисованных автором брошюры «псеводкашубов»³⁶.

В третьем номере Майковский добавляет раздел «Кашубско-поморская библиография, составил в алфавитном порядке до 1908 г. Янович». Как мы помним, под псевдонимом Янович в «Гриф» публиковался Ян Карновский. В третьем номере журнала был также опубликован текст Вацлава Войчеховского под псевдонимом В. Охчюевский «О первоочередных задачах “Грифа”»³⁷.

Четвертый номер журнала открывает статья Ф. Лоренца «География кашубского наречия» в переводе с немецкого А. Майковского. Фридрих Лоренц (1870–1937) — немецкий славист и историк, филолог, этнограф, исследователь материальной культуры и истории кашубов и словинцев, создатель кашубской грамматики, опубликовавший сборники фольклорных текстов и др., был одним из исследователей, которых имел в виду А. Майковский, сетуя, что до начала XX в. основные работы из области кашубологии принадлежали немцам, а вовсе не полякам³⁸.

Пресса того времени в целом поддержала начинание А. Майковского, и он получал, по его словам, «мощную поддержку из других частей страны». Он выражал благодарность польской прессе, которая поддержала издание «Грифа» материально и морально, и «университетской молодежи», на которую он опирался в качестве основных читателей и авторов части материалов³⁹. Среди благосклонных отзывов на начало выхода журнала следует упомянуть рецензию ксендза Александра Купчинского, редактировавшего журнал «Пелигрим» в Познани. А. Купчинский писал: «С подлинным удовольствием я читал оба номера “Грифа” [...]. И про себя думал: только бы этот ежемесячный журнал получил должную поддержку — особенно ма-

териальную, через подписчиков, — только бы продержался и имел возможность постоянно нас информировать о кашубской жизни! [...] будем же надеяться, что Бог поможет [...] и журнал будет нас информировать не только о кашубской жизни, не только сохранит для будущего жизнь, язык и обычаи этой части нашей отчизны, но и, что самое важное, станет связующим звеном между кашубами, которые были прежде в пренебрежении и забвении, с остальной частью страны, а также, возможно, поспособствует тому, чтобы не только простые, но и образованные кашубы не стеснялись своего прекрасного наречия с исконно польскими, старинными словами, со своими яркими оборотами и поистине поэтическими образами»⁴⁰.

Для увеличения количества подписчиков и друзей журнала А. Майковский проводил вечера кашубской культуры в разных городах. Причем в некоторых местах он сталкивался с отказом властей, поскольку его мероприятия противоречили политике германизации и не получали поддержки чиновников. Из удавшихся Майковскому мероприятий следует упомянуть прошедший 7 марта 1909 г. вечер в познаньском «Базаре» Кароля Мартинковского, посвященный «кашубскому побережью Балтики». На вечере выступил Бернард Хшановский⁴¹ с докладом «Значение моря для народов», имея в виду польское Поморье, и А. Майковский, прочитавший доклад «Кашубский берег над устьем Лабы и Лупавы». В то время проектор был модной передовой технологией, а оба докладчика увлекались фотографией, поэтому сопровождали свои доклады показом слайдов, что дополнительно привлекало аудиторию. Во втором отделении была представлена обширная литературно-музыкальная программа: чтение фрагментов кашубской прозы и стихотворений Ф. Цейновы, Х. Дердовского⁴² и самого А. Майковского. Затем последовало выступление хора, исполнившего рыбацкие песни. Все участники вечера получили брошюру с текстами, прозвучавшими в программе. Майковский писал о своей надежде, что после этого вечера произойдет «мощный обвал стены между частью польского народа, живущей над устьем Вислы, и жителями остальной части польских земель, ранее относившихся к кашубам с предубеждением»⁴³.

Благодаря личным контактам А. Майковского, распространению информации о «Гриффе» с помощью друзей и публикациям в польской прессе, касающихся «Грифа», постепенно расширялся круг

корреспондентов издателя «Грифа». Например, ксендз Я. Войтович из Гренвилля в штате Дакота прислал имена 10-ти новых американских подписчиков и 10 долларов, собранных в поддержку издания пятью местными священнослужителями. Тадеуш Грабовский из Ягеллонского университета просил присылать в библиотеку бесплатные номера, поскольку он считал, что «кашубский вопрос... в сто раз важнее вопросов других славянских земель», но на приобретение журналов университетом не выделялось средств, поэтому в обмен на номера журнала он обещал взамен публиковать рецензии и информацию о содержании журнала «Гриф» в издании университета⁴⁴. Существуют отдельные указания на то, что «Гриф» доходил до инославянских земель, однако не со всеми корреспондентами А. Майковский поддерживал переписку, что во многом было связано с тем, что он практически единолично редактировал и издавал журнал, заполняя его большей частью материалов⁴⁵.

В связи с огромными финансовыми, временными и интеллектуальными затратами, которых требовало издание журнала от его главного редактора и издателя, «Гриф» издавался с перерывами. Также влияли на это международные события, особенно Первая мировая война. После 1925 г. А. Майковский не имел финансовой возможности продолжать свое предприятие. При этом кашубско-поморская интеллигенция постоянно мечтала о возрождении издания, а сам А. Майковский оставался символом младокашубского движения. В конце концов, представители гданьской и картузской интеллигенции объединили свои усилия, чтобы сделать попытку возродить журнал в 1938 г. В «Обществе друзей науки» собралась довольно большая группа (в составе редколлегии было до 14 человек). Попытки возродить журнал «Гриф» силами большого коллектива авторов привели к появлению нескольких номеров, в написании материалов к которым А. Майковский не стал участвовать, несмотря на обещания и на то, что он формально был членом редколлегии, главой которой стал Владислав Пневский, издававший ранее кашубские литературные произведения и отзывавшийся о литературном творчестве А. Майковского с большим пиететом. Помощь в составлении и редактировании номеров В. Пневскому оказывал Станислав Бженчковский, который сотрудничал с А. Майковским во времена издания журнала «Друг». Работа над журналом, заседания

редколлегии и встречи с кашубской общественностью проходили при активном непосредственном участии Яна Карновского. Наконец, в 1931 г. договор о формировании редколлегии обновленного «Грифа» и «Кашубского грифа» подписали как отдельные лица, так и организации: Владислав Пневский из Оливы, Гданьское Общество друзей науки и искусства, профессор Эрвин Бехрендт из Оливы, Станислав Бжэнчковский из Гданьска, доктор Александр Майковский из Картузов, Ян Белинский из Картузов, Алойзы Вика-Чарновский из Картузов, Ян Тепчик из Мишева, Александр Лабуда из Мирахова, Леон Реглинский из Старой Хуты, ксендз Леон Хейке из Костежины, Ян Карновский из Хойниц, Станислав Обруд из Грудзёндза, Балтийский институт в Торуня и Союз Защиты Западных Кресов в Познани⁴⁶. И все же, несмотря на усилия редколлегии, продлить жизнь журнала не удалось, а сам А. Майковский больше не присылал взносов, не присутствовал на заседаниях и не давал написанных им материалов⁴⁷. В итоге с большим трудом было выпущено всего несколько номеров возобновленного «Грифа», и предприятие было окончательно закрыто.

За прошедшие десятилетия кашубская культура больше не обрела изданий подобного уровня и наполнения, несмотря на неоднократные попытки возродить издание, аналогичное «Грифу» А. Майковского.

Один из немногих полных комплектов журнала «Гриф» за 1908–1922–1925 гг. под редакцией А. Майковского выкуплен Й. Божишковским, историком, руководителем Кашубского Института, членом Кашубско-Поморского объединения, автором монументальной исторической биографии А. Майковского. Й. Божишковский выкупил этот комплект у сестры Б. Сыхты⁴⁸. Менее десятка комплектов журнала находятся в библиотеках Польши.

В 1961 г. была издана полная библиография содержания всех номеров журнала «Гриф» за все годы, — как те, когда редактором был А. Майковский, так и те, когда он перестал участвовать в жизни своего детища⁴⁹. Журнал ожидает полного монографического описания, поскольку определенно заслуживает внимания как выдающееся предприятие, осуществленное одним человеком при небольшой поддержке его союзников, единомышленников и друзей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Treder J.* Język Kaszubski. Poradnik encyklopedyczny. Gdańsk, 2006. S. 103.
- ² *Borzyszkowski J. et al.* Historia, geografia, język i piśmiennictwo Kaszubów. Gdańsk, 1999. S. 50.
- ³ O naszych Kaszubach // “Gazeta Gdańska” nr. 84 z 16 VII 1907 r. S. 1–2.
- ⁴ *Obracht-Prondzyński C.* Kaszubi dzisiaj. Kultura — język — tożsamość. Gdańsk, 2007. S. 5.
- ⁵ Niemcy o Kaszubach w XIX wieku. Obraz Kaszobów w pracach G. L. Lorka, W. Seidla i F. Tetznera. Gdańsk, 2009.
- ⁶ *Borzyszkowski J.* Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna. Gdańsk — Wejherowo, 2002. S. 263.
- ⁷ См. об этом в: *Treder J.* Język Kaszubski. Poradnik encyklopedyczny. S. 35–41, 156–158; *Borzyszkowski J.* Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna. S. 73, 729–730.
- ⁸ *Romanow A.* Problematyka kaszubska na łamach prasy polskiej w Gdańsku w latach 1891–1920 // *Acta Cassubiana*. Tom I. Gdańsk, 1999. S. 13.
- ⁹ Ср. семь населенных пунктов, которые оспаривают друг у друга «титул» «столицы Кашубии», о чем в шуточном стихотворении написала Марыля Вольская:

<i>Siedem miast od dawna</i>	<i>Семь городов с давних пор</i>
<i>Kłóci się ze sobą,</i>	<i>Спорят между собой,</i>
<i>Które to jest z nich</i>	<i>Который из них</i>
<i>Wszech Kaszub głową:</i>	<i>Столица всей Кашубии:</i>
<i>Gdańsk — miasto liczne,</i>	<i>Гданьск густо населен,</i>
<i>Kartuzy śliczne,</i>	<i>Картузы красивы,</i>
<i>Święte Wejherowo,</i>	<i>Священное Вейхерово,</i>
<i>Lębork, Bytowo,</i>	<i>Лэмборк, Бытово,</i>
<i>Spa Kościerzyna</i>	<i>Достойная Костежина,</i>
<i>I Puck — perzyna.</i>	<i>И Пуцк — перина.</i>

(URL: <http://www.interklasa.pl/portal/dokumenty/f019/strona/pol/stolica.html>
дата обращения: 09.12.2019).

- ¹⁰ *Romanow A.* Problematyka kaszubska na łamach prasy polskiej w Gdańsku w latach 1891–1920. S. 15.
- ¹¹ Порядок разграничения терминов «язык / диалект / группа говоров / говор» и их перевода все еще не определен, что составляет своеобразную трудность в описании кашубской проблематики на русском языке. С одной стороны, «кашубщина» приобрела статус литературного языка, а ее географические нелитературные вариации вполне правомерно определяются как «говоры» — ср. В. Sychta «Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej» — Б. Сыхта «Словарь кашубских говоров на фоне народной куль-

туры» Б. Сыхты (*Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1967–1976*). С другой стороны, в научной литературе свободно варьируются названия *język/ dialect — dialekty/ gwara — gwary* в отношении кашубщины как целостного явления.

- ¹² См. об этом, в частности, в: *Romanow A. Problematyka kaszubska na łamach prasy polskiej w Gdańsku w latach 1891–1920. S. 18.*
- ¹³ Цит. по: *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna. S. 266.*
- ¹⁴ *Ibid. S. 18–19.*
- ¹⁵ Цит. по: *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski w Gdańsku i o Gdańsku w: Życie i twórczość Aleksandra Majkowskiego: Materiały z Konferencji naukowej Wejcherowo, 4.10.1996r. edit. Józef Borzyszkowski. S. 16–19 // Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskie.*
- ¹⁶ *Romanow A. Problematyka kaszubska na łamach prasy polskiej w Gdańsku w latach 1891–1920. S. 20.*
- ¹⁷ *Bukowski A. Regionalizm kaszubski. Ruch naukowy, literacki i kulturalny. Poznań, 1950. S. 136.*
- ¹⁸ *Ibid., S. 199–200.*
- ¹⁹ *Romanow A. Problematyka kaszubska na łamach prasy polskiej w Gdańsku w latach 1891–1920. S. 21.*
- ²⁰ *Ibid., S. 31.*
- ²¹ *Ibid., S. 31–32.*
- ²² *Ibid., S. 32.*
- ²³ *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna. S. 278–288.*
- ²⁴ *Ibid., S. 163.*
- ²⁵ *Ibid., S. 265–266.*
- ²⁶ *Ibid., S. 267.*
- ²⁷ *Ibidem.*
- ²⁸ *Bajarz kaszubski. 2005, S. 17–22.*
- ²⁹ *Ibid., S. 23–27.*
- ³⁰ *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna. S. 268.*
- ³¹ *Ibidem.*
- ³² Впоследствии кашубская литература обогатилась произведениями Анны Лайминг, которая строила свои произведения сходным образом — повествование в них велось на польском языке, а диалоги между кашубскими персонажами приводились по-кашубски.
- ³³ *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna. S. 268–269.*

- ³⁴ Ibid., S. 269.
- ³⁵ Ibid., S. 270
- ³⁶ Ibid., S. 270–271.
- ³⁷ Ibid., S. 271.
- ³⁸ *Treder J. Język Kaszubski*. 2006, S. 152–154.
- ³⁹ *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna*. S. 277
- ⁴⁰ *Pielgrzym*, 1909 # 10, цит. по: *Borzyszkowski J. Aleksandr Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna*. S. 271.
- ⁴¹ Непосредственные творческие связи с младокашубами имел Бернард Хшановский (1861–1944). В гимназические годы он возглавлял тайный кружок Общества Томаша Зана. После окончания учебы в Берлине и практики был адвокатом в Познани. Он принадлежал к движению младокашубов и одновременно был связан профессионально и дружески с кругом познаньских юристов, что помогло привлечь новых подписчиков журнала «Гриф» в Познани, увеличив их количество примерно с трех десятков до 123 в сентябре 1909 г. Такие сведения содержатся в изданной Д. Майковской, дочерью А. Майковского, «Переписке...» ее отца с Б. Хшановским (*Majkowska D., Korespondencja Aleksandra Majkowskiego z Bernardem Chszanowskim z lat 1905–1921, "Libri Gedanesis"*, t. 2–3, Gdańsk, 1970. S. 144–146). Б. Хшановский не только разделял взгляды А. Майковского по вопросам общественной жизни и культуры, но и посвятил всю свою жизнь сохранению и возрождению польской культуры и национальной идентичности. Хшановский считал, что Поморье в целом и Кашубия в частности особенно важны для сохранения единства польской культуры и для возрождения государственности (*Wendt B. Bernard Chszanowski i Młodokaszubi // Wiekdwudziesty.pl 1/07/2016 URL: http://* Дата обращения: 03.02.2020). Свою любовь к Кашубии Хшановский стремился передать писателям, с которыми был знаком. Так, он переслал свой путеводитель «На Кашубском берегу» 1907 г. Марии Конопницкой в надежде, что она возьмет за основу какой-нибудь сюжет, связанный с этим регионом, или поместит своих персонажей в кашубский ландшафт. Хшановский просил Г. Сенкевича включить описания поморских ландшафтов в роман «На поле славы». Владислав Налэнч признавал большое влияние Хшановского на его книгу «На янтарном берегу». Стефан Жеромский в «Пепле» и «Истории греха» использовал некоторые мотивы, связанные с Поморьем. После отпуска, проведенного в Гдыни, претворил все свои впечатления в великолепных описаниях природы в романе «Ветер с моря», в связи с чем Хшановского справедливо считали вдохновителем написания этого романа (*Ibid.*).
- ⁴² Хероним Дердовский (1852–1902) — кашубский поэт, журналист, юморист, издатель прессы польского сообщества в США, эмигрировавший в 1885 году (*Treder J. Język Kaszubski*. 2006, S. 45–46).
- ⁴³ *Borzyszkowski J. Aleksander Majkowski (1876–1938). Biografia historyczna*. 2002: S. 274.

⁴⁴ Ibid., S. 275.

⁴⁵ Ibid., S. 276.

⁴⁶ Ibid., S. 630.

⁴⁷ Ibid., S. 621.

⁴⁸ Б. Сыхта — автор монументального семитомного Словаря кашубских говоров на фоне народной культуры (1967–1976). Своим трудом этот автор внес огромный вклад в изучение, сохранение и развитие кашубского языка и культуры.

⁴⁹ „Gryf” wraz z dodatkiem „Gryf Kaszubski” 1908–1934: bibliografia zawartości, oprac. Krystyna Kamińska, Gdańsk 1961. 92 S.

«Журнальный зал» инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ

Аннотация:

В статье дана характеристика оппозиционной литературно-критической периодики на словенском языке, выходившей в 1950–1990-е гг. в Республике Словении и за ее пределами, в местах проживания словенских диаспор — Аргентине и Италии. Со страниц ряда изданий: люблянских журналов «Беседа» (1952–1957), «Ревия 57» (1957–1958), «Перспективы» (1960–1964), «Нова ревия» (1982–2010), буэнос-айресского журнала «Меддобье» (с 1954) и триестского журнала «Залив» (1966–1990) открыто звучала критика социалистической идеологии и этики, что оказало существенное влияние на общественно-политическое сознание граждан Словении, способствовало росту протестных настроений в республике.

Ключевые слова:

словенская литературно-критическая периодика, социалистическая эпоха, инакомыслие, демократизация

Nadezhda N. STARIKOVA
(Moscow)

The “journal room” of dissidence: a free Slovenian word in the era of SFRY

Abstract:

The article describes the oppositional literary critical periodicals in the Slovenian language, published during the 1950–1990s in the Republic of Slovenia and outside of it, in areas where the Slovenian diasporas are concentrated — in Argentina and Italy. From the pages of several publications: Ljubljana magazines *Beseda* (1952–1957), *Revija 57* (1957–1958), *Perspektive* (1960–1964), *Nova revija* (1982–2010), Buenos Aires magazine *Meddobje* (since 1954) and the Trieste magazine *Zaliv* (1966–1990) has openly sounded criticism of socialist ideology and ethics, which had a significant impact on the socio-political consciousness of Slovenian citizens and contributed to the growth of protest moods in the republic.

Keywords:

Slovenian literary-critical periodicals, socialist era, dissidence, democratization

Общественно-политическая ситуация, возникшая в СФРЮ после 1948 г., во многом определила характер литературной жизни в стране в целом и в отдельных ее республиках и стала существенным фактором в развитии литературного процесса. Разрыв отношений с СССР в 1948–1949 гг. и последовавшая за этим переориентация югославской внешней политики, отход от конфронтационного курса, который в первые послевоенные годы проводился вместе со всем «социалистическим лагерем» в отношениях с Западом, изменили и внутривосточные акценты. Режим Тито, стремившегося как можно меньше походить на своего в недавнем прошлом «старшего брата», оказался по ряду параметров «мягче» сталинского, что чуть ли не в первую очередь отразилось на самом статусе культуры и литературы. Уже в 1949 г. была признана автономность художественного творчества, что закрепило за литературой некоторую эстетическую независимость, право на художественный эксперимент, при этом сохранялись ограничения выбора тем и их трактовки. Одним из важных решений VI съезда КПЮ в Загребе (1952) стала отмена деятельности Агитпропа, преследованиям которого подвергались представители литературы и искусства. Отказ от социалистического реализма (на III съезде СПЮ в 1952 г. в докладе «О свободе культуры» М. Крлежа жестко раскритиковал советский художественный метод), сопровождался медленным возрождением подвергнутой запрету в первые послевоенные годы эстетики модерна рубежа XIX–XX вв. и авангарда, что способствовало постепенной смене художественных приоритетов. Важную роль в процессе этой переориентации сыграли новые республиканские литературно-критические журналы, в начале 1950-х гг. потеснившие первые послевоенные просоветские издания*. В Словении наряду с созданным по советскому лекалу пропартийному журналу «Novi svet» («Нови свет» / «Новый мир», 1946–1953) начинает выходить журнал «Beseda» («Беседа» / «Слово», 1951–1957), а затем журнал «Revija 57» («Ревия 57» / «Журнал 57», 1957–1958). Два этих издания объединили вольнодумную литературную молодежь, в основном поэтов, писателей и критиков послевоен-

* Сербская «Младост» («Молодежь», Белград, 1950–1952), хорватские «Кругови» («Кругови» / «Круги», Загреб, 1952–1958), македонская «Млада литература» («Молодая литература», Скопье, 1951–1957), черногорские «Сусрети» («Встречи», Титоград, ныне Подгорица, 1953–1962).

ного поколения, отвергавших монополию на единый тип творчества и выступавших за духовную свободу, возможность самостоятельного выбора тем и средств выражения, открытость всем течениям современной эстетической мысли. По мнению историка литературы М. Штухеца, деятельность «Беседы» и «Ревии 57» «способствовала расширению духовных горизонтов и европеизации словенского литературного, художественного и публицистического пространства»¹. Этическими ориентирами обоих изданий провозглашаются «вера в человеческие ценности, в красоту как предназначение искусства, в свободную жизнь и свободную мысль, в стремление выразить всю полноту истины, призыв к бескомпромиссной честности по отношению к себе и к искусству»².

Идейно-эстетическую платформу ежемесячника «Беседа», имевшего подзаголовок «Revija za književnost in kultura» («Журнал литературы и культуры»), определило опубликованное в первом номере эссе А. Камю «Творчество и свобода» (1952), в котором автор открыто осуждает сталинские процессы и репрессивную политику «народных» режимов. Многообразие рубрик должно было привлечь читателя и открыть возможность для дискуссий: «Поэзия», «Художественная проза», «Эссе и дискуссии», «Проблемы», «Обзоры», «Литература», «Театр», «Кино», «Глоссы», «Сквозь время и пространство», «Приложения». Первым ответственным редактором журнала стал прошедший войну поэт И. Минатти, в редакции сотрудничали его молодые коллеги Я. Менарт, Т. Павчек, Д. Зайц, Ц. Злобец, К. Кович. Сменивший Минатти литературовед Я. Кос привлек к работе начинающих критиков Т. Кермаунера и В. Клабуса. Именно Кос на страницах «Беседы» одним из первых в СФРЮ завязал полемику с представителями официальной критики, выступая против утилитарно-упрощенного понимания марксистской эстетики³. В журнале дебютировали и многие будущие национальные классики: прозаики А. Хинг, Л. Ковачич, С. Вуга, П. Божич, драматурги Д. Смоле, П. Козак. Сначала властям было выгодно закрывать глаза на молодых максималистов, демонстрируя тем самым приверженность «либеральной» модели социализма. Однако малейшее «увеличение дозы» инакомыслия влекло за собой скорую расправу. В 1956 г. была создана специальная комиссия при ЦК СКС, возглавляемая критиком-марксистом Б. Зихерлом, одним из ярых апологетов социа-

листического реализма. В результате ее деятельности «Беседа» была закрыта. Формальным поводом послужила публикация рассказа Л. Ковачича «Золотой лейтенант» (1957), «порочающего» героический облик Югославской народной армии. Но «мятежное» поколение (Т. Кермаунер⁴) молодых литераторов, философов, публицистов не захотело сдаваться — костяк редакции нового издания «Ревия 57» составили сотрудники «Беседы». Возглавил редакцию поэт В. Тауфер. Интересная деталь: публикация текста первого словенского модернистского романа «Черные дни и белый день» Д. Смоле после закрытия «Беседы» была продолжена в «Ревии 57». Однако и этот журнал просуществовал меньше года, последний, сдвоенный 5–6-й номер за 1958 г. был конфискован. Редакции не простили публикации статей философа и социолога Й. Пучника, в которых был высказан ряд критических замечаний по поводу обстановки в республике (в том же году Пучника арестовали, обвинили во вражеской пропаганде и приговорили к девяти годам тюрьмы, откуда он был условно-досрочно освобожден в 1963 г.).

Несмотря на репрессивные меры, в культурной среде все отчетливее проявлялось стремление ближе познакомиться с актуальными мировыми художественными тенденциями. Первыми лицом к Западу повернулись живопись и театральное искусство: в 1955 г. в Любляне открылась первая в социалистическом лагере международная выставка современной графики, впоследствии знаменитая Люблянская Графическая биеннале. В том же году на Люблянском фестивале драмы югославская публика познакомилась с европейской экзистенциалистской драмой и драмой абсурда, что дало толчок к оживлению театральной жизни. В Любляне начали работать экспериментальные театры и студии: Экспериментальный театр (1955), Словенский Молодежный театр (1956), «Одер 57» (1957), «Ad Nos» (1958), на сценах которых ставились пьесы Э. Ионеско, С. Беккета, Ж.-П. Сартра. Широкой читательской аудитории стали доступны произведения Ф. Кафки, А. Камю, У. Фолкнера, С. Кьеркегора, на умы творческой интеллигенции все большее влияние оказывали идеи экзистенциализма. Определенное «потепление» культурной атмосферы в республике в конце 1950-х — начале 1960-х гг. было обусловлено также внутривосточной ситуацией в СФРЮ, началом разногласий между руководством республик во взглядах на будущее. Сторонницей

прочной федерации с мощной центральной властью выступала Сербия, право на мягкую федерацию с сильными самостоятельными республиками отстаивали Словения и Хорватия. На волне этого противостояния словенские власти дали «добро» на учреждение нового «вольного» литературно-критического издания — ежемесячника «Perspektive» («Перспективе»/ «Перспективы», 1960–1964), в фокусе внимания которого окажется не только текущая литературная практика, но и положение культуры в социалистическом обществе. В его создании приняли участие активисты двух ранее ликвидированных журналов, к которым присоединились дебютанты: прозаики Р. Шелиго, В. Зупан, М. Рожанц, М. Томшич, поэты Г. Стрниша, Т. Шаламун, Ф. Загоричник, И. Гайстер, Н. Графенауэр, философы В. Рус и И. Урбанчич, литературовед А. Инкрет. Концепция издания, как вспоминает Я. Кос, постепенно трансформировалась: начинали «перспективовцы» с обсуждения проблем социалистической культуры и этики, однако постепенно их деятельность приобрела социально-полемическую, а затем и политически ориентированную направленность⁵. «Перспективы» начали пересмотр господствующих идейных представлений и стереотипов мышления, отстаивая право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности. Помимо традиционных для «толстых» литературных журналов тематических направлений, посвященных национальной и зарубежной поэзии, прозе, драматургии, литературоведению и критике, в «Перспективах» поднимались социологические и экономические проблемы югославского общества, обсуждались вопросы культурной политики и национальных разногласий, велись философские дискуссии, появлялись статьи, представляющие новинки национальной и европейской живописи и кинематографа.

Одной из главных задач редакции было знакомство читателей с самыми передовыми в идейном и художественном плане произведениями современных словенских авторов: пьесами «Афера» П. Козака и «Антигона» Д. Смоле, модернистским романом «Мальчик и смерть» Л. Ковачича. Эта тенденция сохранялась на протяжении всего времени существования журнала: на его страницах увидели свет стихотворения Т. Шаламуна, впоследствии вошедшие в программный для национального неоавангарда сборник «Покер», новаторская модернистская проза М. Швабича и Д. Йовановича. Теоретические взгляды

«перспективовцев» на сущность искусства были во многом сформированы под влиянием концепций М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, переводы работ которых «Исток художественного творения» и «Критика диалектического разума» были опубликованы в журнале. Обаяние их идей явственно ощущается в поэзии Д. Зайца, В. Тауфера, Г. Стрниши, в драматургии П. Божича начала 1960-х гг. (поэтические сборники «Язык из земли», 1961; «Узник свободы», 1963, «Одиссей», 1963, пьесы «Солдата Йошта нет», 1962, «Заклученные», 1963). Помимо желания расширить семантическое и эстетическое поле дискуссий тяготение к социокультурному осмыслению литературного процесса связано, на наш взгляд, еще и с тем, что из двух ответственных редакторов, одновременно возглавлявших журнал, один обязательно был связан с литературоведением или литературной критикой: сначала действовала пара Я. Кос и Д. Смоле, затем П. Козак и В. Клабус, в последний год — Т. Кермаунер и Д. Зайц, а также Т. Шаламун и Р. Мочник. Набирала обороты и социально-политическая публицистика: злободневные, остро полемические статьи вышедшего из заключения Й. Пучника, открыто говорившего об ошибках власти в сфере экономики и в глазах общественного мнения уже заслужившего репутацию первого национального диссидента, социологические обзоры В. Руса находили все больший отклик в среде студенчества и научно-технической интеллигенции. А. Инкрет вспоминал, как «зимой 1963–1964 гг. начались выступления высокопоставленных партийных бонз, грозно громивших отдельные публикации [...]». Стало очевидно, что «Перспективы» вызывают у власти нескрываемое раздражение и чувство крайнего дискомфорта⁶. Очень скоро социалистическое руководство публично выразило обеспокоенность курсом, который выбрал журнал, тем, что его публикации провоцировали в обществе «буржуазные» настроения. Как писал сорок лет спустя В. Рус, «сотрудничавшие в журнале “Перспективы” литераторы и публицисты [...] имели слишком сильное влияние на общественную жизнь тогдашней Словении»⁷. Сам Тито негативно отреагировал на словенских «оппозиционеров от культуры», позволивших себе «несоциалистическую» полемику⁸. В январе 1964 г. члены редколлегии были приглашены на встречу с С. Кавичем, в то время возглавлявшим комиссию по идеологии ЦК СКС, и руководителем издательского совета Госиздата Словении Р. Чачиновичем. Позиция

«перспективовцев» о проведении подобной беседы не была одинаковой (Зайц, Ковачич и Смоле от участия в мероприятии отказались). Объединенные общим негативным отношением к режиму, одни литераторы были уверены, что его еще можно изменить в лучшую сторону, другие же являлись сторонниками более радикальных мер. В ходе встречи представителям издания было предложено «исправиться», отказавшись от сотрудничества с наиболее «реакционными» авторами, и «не трогать раз и навсегда решенные вопросы» (стенограмма этой беседы была напечатана в последнем, сдвоенном 36–37-м номере за 1964 г.⁹).

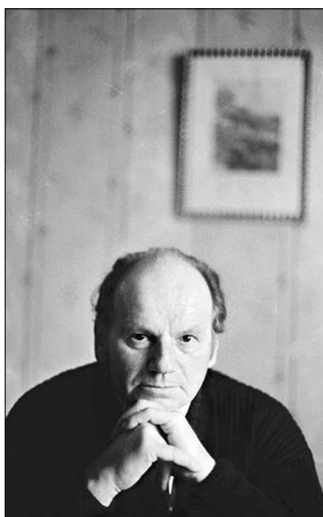
Редационный совет был переизбран, однако общая критическая и полемическая направленность журнала осталась без изменений: «Перспективы» продолжили публиковать крамольного Пучника, требовать автономии культуры, пренебрежительно высказываться о социалистических завоеваниях. Последней каплей стала публикация в 33–34-м номере за 1964 г. заметок Пучника «О дилеммах нашего крестьянства», где резкой критике подверглись методы внедрения в республике коллективизации. Это переполнило чашу партийного терпения, и издание было закрыто административным путем: Госиздат отказал ему в финансировании. «Поскольку новый редакционный совет так и не дистанцировался от негативного восприятия действительности [...] и продолжает сомневаться в правильности политических основ социалистической Югославии [...] Государственное издательство Словении не может взять на себя ответственность за дальнейший выпуск журнала»¹⁰, — гласило официальное письмо. Ситуацию накалили также карательные меры, к которым прибегли спецслужбы, подвергнувшие сотрудников журнала домашним обыскам, а некоторых и арестам. Пучник был арестован повторно, получил два года и после освобождения был вынужден эмигрировать в Германию.

Последний номер
журнала «Перспективы»

Арестован был также взявший на себя обязанности ответственного редактора Т. Шаламун. В ответ на эти беззакония девять членов редколлегии разослали в тридцать семь общественных организаций страны открытое письмо протеста, в котором, осудив действия властей, на время отказались от какой-либо публичной литературной деятельности. Выступление «перспективовцев» имело широкий резонанс и вызвало дискуссию в прессе; в защиту опального издания выступили тогда многие деятели науки и культуры (Д. Пирьевец, Б. Штих и др.) и даже целые редакции (литературный журнал «Sodobnost»* («Содобност» / «Современность», выходит с 1963 г.). В дальнейшем инициативы «Перспектив» в эстетической сфере в определенной степени продолжил дистанцировавшийся от политики журнал «Problemi» («Проблеми» / «Проблемы», выходит с 1962 г.), ставший в 1960–1970-е гг. рупором актуальных философских и литературоведческих теорий и концепций, в том числе экзистенциализма, структурализма и постструктурализма (на его страницах увидели свет переводы важнейших текстов Р. Барта, А. Роб-Грийе, Ж. Лакана, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и др.).

После ликвидации вышеназванных либерально ориентированных журналов дефицит демократического печатного слова в пределах республики был частично компенсирован благодаря учреждению ряда региональных изданий. К ним можно отнести журналы «Dialogi» («Диалоги», Марибор, 1965–2004), «Kaplje» («Каплье» / «Капли», Истрия, 1966–1972), «Goriška srečanja» («Горишка срещанья» / «Встречи в Горице», Нова Горица, 1966–1976), «Obrazi» («Образы» / «Образы», Целье, с 1969 г.), «Obala» («Обала» / «Берег», Копер, 1969–1976). Полноценной трибуной инакомыслия они не ста-

*Й. Пучник,
1980-е гг.*

* Журнал «Содобност» — преемник журнала «Naša sodobnost» («Наша содобност» / «Наша современность», 1953–1962).

ли, но периодически публиковали художественные сочинения представителей «критического» поколения, способствуя литературной социализации определенного круга поэтов, прозаиков, литературных критиков, творческая практика которых стимулировала обновление эстетического поля литературы.

1968 год с его массовыми студенческими волнениями разрушил миф о бесконфликтности югославского социалистического общества, в последующее «свинцовое» десятилетие в стране резко обостряются межнациональные противоречия, сопровождающиеся сознательной ориентацией представителей национальных интеллигенций на «культурно-национальное обособление» (Г.Я. Ильина)¹¹. Смерть Й.Б. Тито (1980) еще больше накаляет атмосферу общественного брожения, на первый план выдвигается национальная и общественная проблематика, художественное творчество становится «носителем критического сознания»¹². В первой половине 1980-х гг. в югославской публицистике, художественной и научной литературе поднялась волна критики существовавшего порядка. «Критике подвергались уже не отдельные перегибы, а югославский самоуправленческий социализм в целом»¹³. В Словении либеральные настроения ширились главным образом в писательской среде. «Тон дискуссиям, — пишет А. Габрич, — задавало Общество словенских писателей!»¹⁴. Как полагает историк П. Водопивец, именно это, одно из старейших творческих объединений Словении*, «с конца 1970-х было средоточием критически настроенной интеллигенции, [...] поддерживало и направляло практически все важнейшие мероприятия, связанные с процессом демократизации общества, принимало участие в гражданских акциях, поддерживало независимые дискуссии на запретные темы, отстаивало свободу слова и решительно протестовало против преследования инакомыслящих»¹⁵. Собственно, в писательской среде и родилась идея создания нового журнала, который соединил бы «мысль и стих» (Н. Графенауэр¹⁶), «демократию и национальную идею» (П. Ямбрек¹⁷). «Замысел издания возник у нас с поэтом Нико Графенауэром, который в это время был носителем объединяющего, центростремительного начала в творческих кругах. С его подачи я сел за проект такого журнала»¹⁸, — вспоминал философ Т. Хрибар.

* Общество словенских писателей создано в Любляне в 1872 г. С 1945 по 1990 г. оно входило в состав Союза писателей Югославии.

10 июня 1980 г. деятели культуры Словении, среди которых помимо Графенауера и Хрибара были поэты С. Макарович, Борис А. Новак, литературный критик А. Инкрет, прозаик и публицист Д. Рупел и др. (всего шестьдесят человек), обратились к властям с официальным письмом об учреждении нового ежемесячного литературно-критического издания, в котором «затрагивался бы широкий спектр общественных и культурных вопросов»¹⁹. «Сегодня, — подчеркивалось в письме, — в период равноправия традиционных и авангардных направлений, каждый имеет право на самовыражение, собственную художественную индивидуальность и идейную позицию. Мы живем в эпоху постмодернизма, в эпоху, когда искусство вновь становится искусством, освобождаясь от пут запрограммированной поэтики и эстетики»²⁰. На согласование ушло два года — первый номер издания, названного «Nova revija» («Новая ревия» / «Новый журнал»), увидел свет в мае 1982 г. Сначала редакцию возглавил Т. Хрибар, в 1984 г. его сменили Д. Рупел и Н. Графенауэр, который впоследствии руководил журналом почти два десятилетия. Благодаря установке на идейный и эстетический плюрализм в «Новой ревии» публиковались авторы самых разных общественно-политических взглядов и стилистических предпочтений — только в первый год среди них оказались М. Есих, Т. Шаламун, М. Видмар, Д. Зайц, В. Кавич, Р. Шелиго, В. Зупан, М. Клеч, Д. Янчар и др. Помимо постоянных рубрик «Поэзия», «Проза», «Эссе», «Дискуссии», «Интервью» под специальные темы номера объявлялись новые — «Европейский нигилизм», «О постмодернизме», «Югославское общество» и др., где обсуждались актуальные проблемы культуры, литературы и искусства, велась полемика по внутривосточным и национальным вопросам, касающимся как словенского, так и общеевропейского контекста. В журнале публиковались материалы ранее не подлежавшие огласке: военные письма Э. Коцбека*, дневники Д. Пирьевца**, воспоминания эмигрировавшего Пучника, произведения преследуе-

* Коцбек Эдвард (1904–1981) — словенский поэт, мыслитель и общественный деятель, участник НОБ, в начале 1950-х гг. открыто выступил за свободу творчества и право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, чем заслужил репутацию диссидента.

** Пирьевец Душан (1921–1977) — словенский литературовед, профессор Люблянского университета, один из неформальных лидеров демократического движения среди студенческой молодежи, противник идеи интегрального югославянства.

мых режимом авторов из других республик: Д. Чосича, В. Готоваца, М. Салихбеговича, В. Шекса и др. Принципиальным для стратегии издания было знакомство читателей с крупными иностранными авторами — З. Хербертом, Ч. Милошем, В. Шимборской, П. Хандке, Н. Махфузом, Д. Марани, У. Эко и др. и мыслителями — Ж. Деррида, Ю. Хабермасом, Ф. Фукуямой, К. Леви-Строссом, Н. Луманом, Ж. Бодрийяром, Ч. М. Тейлором, С. Ф. Хантингтоном и др. Однако, несмотря на постоянный приток новых литературных сил (М. Кне, И. Светина, Ф. Франчич, Лела Б. Ньятин, А. Ихан, Берта Боеу и др.) и приглашение к сотрудничеству писателей-эмигрантов Т. Дебеляка и З. Симчича, долгие годы запрещенных на родине, к середине 1980-х публицистическая и критическая направленность журнала все более усиливается, он становится ареной общественно-политических дискуссий, рычагом влияния на массовое сознание. Не все учредители «Новой ревии» были согласны с таким курсом — так, например, когда политика в журнале начала вытеснять поэтику, с ним отказалась сотрудничать поэтесса С. Макарович.

В феврале 1987 г. в 57-м номере «Новой ревии» (прямая отсылка к запрещенному в конце 1950-х изданию «Ревия 57») были опубликованы «Статьи на тему словенской национальной программы» — шестнадцать текстов, авторами которых выступили философы, социологи, литераторы, культурологи. Они содержали не только требования рыночных преобразований экономики и политического плюрализма, но и государственной независимости Словении, превращения ее в самостоятельное демократическое многопартийное государство. В заметке «От редколлегии» говорилось: «Настоящий номер журнала “Нова ревия” содержит философские и социологические статьи и эссе, освещающие проблемы словенского народа, как в исторической перспективе, так и с точки зрения его будущего. [...] Речь идет о новой концепции нации, утверждении ее в статусе потенциально суверенной»²¹. К важнейшим из этих текстов относятся «Словенская государственность»²² Т. Хрибара, «Ответ на словенский национальный вопрос»²³ Д. Рупела, «Политическая система гражданского общества»²⁴ Й. Пучника, «Право словенского народа на самоопределение»²⁵ П. Ямбрека, «Правовое урегулирование положения словенцев как нации»²⁶ Ф. Бучара. По сути, это была первая национальная политическая программа оппозиции, в которой открыто говорилось

о кризисе югославской социалистической системы и путях выхода из нее Республики Словении. По мнению авторов, коммунисты, находящиеся у власти, были не способны провести эти идеи в жизнь. Радикальные предложения «новоревиевцев», реализация которых могла бы полностью изменить политическую ситуацию в регионе, вызвали широкий резонанс как в Словении, так и в СФРЮ. Реакция не только югославской, но и словенской общественности была крайне неоднозначной. Согласно социологическому опросу 1986 г. до 60 % респондентов еще доверяло системе социалистического самоуправления и полагало, что выход из политического и экономического кризиса возможен лишь в рамках существующей политической системы²⁷. «Взрывоопасный» 57-й номер был изъят из книжных магазинов и библиотек, главный редактор заменен (им на время стал Борис А. Новак), однако издание не было закрыто. Авторы статей Т. Хрибар, В. Рус, Ф. Бучар и Д. Рупел продолжили свою законотворческую деятельность, приняв участие в создании новой конституции, задачей которой стала юридическая легитимация изменения политического статуса Словении. Пилотный вариант конституции был опубликован в апреле 1988 г., впоследствии он был использован при создании Конституции Республики Словении, принятой 23 декабря 1991 г. Оппозиционные настроения словенской творческой и научной интеллигенции конца 1980-х гг. привели к образованию ряда политических партий, которые в 1989 г. объединились в коалицию «Демократическая оппозиция Словении» («ДЕМОС»). Ее приоритетами были «гражданское общество с правовым государством и плюралистической демократией и национальный, политический и экономический суверенитет»²⁸. В это время редакция «Новой ревью» становится, по мнению Н. Графенауэра, «интеллектуальным центром “словенской весны”, местом, где формировались принципы будущей государственности»²⁹, где возникла и обсуждалась идея проведения республиканского плебисцита по вопросу суверенитета.

В марте 1990 г. перед первыми многопартийными выборами в национальный парламент вышел 95-й номер журнала, названный «Независимая Словения», его агитационное содержание отчасти повлияло на настроения в обществе. На апрельских выборах более половины голосов избирателей обеспечили победу коалиции «ДЕМОС». 25 июня 1991 г. была провозглашена государственная самостоя-

тельность Республики Словении. Союзный парламент выступил с осуждением ее отделения от СФРЮ, признав эти действия незаконными, поскольку независимость была провозглашена в одностороннем порядке. Чтобы закрепить акт провозглашения суверенитета и привлечь внимание международной общественности, президент Словении М. Кучан официально оповестил всех руководителей государств и генерального секретаря ООН о том, что Словения вышла из состава Югославии. В ответ рано утром 27 июня 1991 г. к границам Словении выдвинулись танки Югославской народной армии. Возникла реальная угроза полномасштабной войны. Напряженные дни, во время которых решалась судьба словенской государственности, впоследствии получили название «десятидневная война»³⁰. В редакции «Новой ревии» в это время стихийно возник информационный штаб, который оповещал мировую и словенскую общественность о реальной ситуации, благодаря чему в защиту нового государства начали публично выступать известные деятели культуры, например, М. Кундера³¹. Об этих событиях в своей поэтической эпопее «Врата безвозвратности» также упоминает их участник Борис А. Новак³². После 1991 г. журнал видел свою задачу в «формировании европейской идентичности граждан Словении, расширения кругозора национальной интеллигенции и широкого круга читателей в условиях глобализации» (И. Урбанчич³³). Этому способствовал выпуск тематических номеров, посвященных актуальным проблемам национальной, общественно-политической и культурной жизни Словении и Европы («Словенцы и будущее», 1993; «Освобожденная Словения», 1999; «Я, время и история», 2001; «Европейский вызов», 2003 и др.), а также новые проекты: учреждение на базе издательского дома «Нова ревия» (1990) дочерних изданий «Poligrafi» («Полиграфы» / «Полиграфы», с 1996 г.), «Dignitas» («Дигнитас» / «Достоинство», с 1999 г.), «Амрак» («Ампак» / «Однако», 2000–2010), открытие гуманитарного междисциплинарного исследовательского института «Нова ревия» (2006).

Однако в конце 2000-х гг. журнал «Нова ревия», на протяжении десятилетий остававшийся в массовом сознании символом борьбы за национальный суверенитет, постепенно теряет свою безупречную репутацию рупора демократии, все больше впадает в зависимость от текущей политической конъюнктуры, преследуя цель «монополи-

Н. Графенауэр и Д. Рупел представляют юбилейный 300-й номер журнала «Нова ревия». Любляна, 2007 г.

зировать свой вклад в обретение нацией государственного суверенитета»³⁴. В 2010 его издание прекращается.

Помимо литературно-критических изданий либерального толка, легально выходивших в пределах социалистической Республики Словении, определенное влияние на умонастроения и культурный кругозор словенских читателей оказывал «тамиздат» — эмигрантская периодика. К наиболее значимым оппозиционно ориентированным литературным журналам на словенском языке, выходившим в местах проживания словенского населения за пределами Словении после 1945 г., относятся итальянские и аргентинские*. После победы социалистической революции Словению вместе с политическими противниками нового режима были вынуждены покинуть и некоторые литераторы. Во время войны они не последовали лозунгу «молчания культуры», выдвинутому солидарной с освободительным движением творческой интеллигенцией, и публиковали свои произведения в из-

* В 1948–1950 гг. большая часть словенских гражданских беженцев переместилась из лагерей для беженцев в страны, готовые их принять: около 6 тыс. — в Аргентину, 2 тыс. — в другие южноамериканские страны, а также Канаду и США.

даниях, находившихся под контролем оккупационных властей. Так в Аргентине, куда в это время из США переместился центр словенской эмиграции, оказались Т. Дебеляк и З. Симчич. Поэт, переводчик, литературный критик, общественный деятель, Т. Дебеляк в 1938–1944 гг. возглавлял журнал «Dom in svet» («Дом ин свет»/ «Отечество и мир»), в эмиграции публиковал произведения запрещенных на родине Ф. Балантича* и К. Маусера**, создал эпическую поэму «Великая черная месса по убиенным словенцам» (1949), посвященную памяти расстрелянных коммунистами без суда военнопленных, написал первое исследование о творчестве авторов-эмигрантов «Панорама словенских писателей в эмиграции» (1955). Прозаик З. Симчич, в середине 1990-х вернувшийся на родину, известен как автор «одного из самых актуальных словенских романов XX века»³⁵ — «Человек по обе стороны стены» (1957), повествующем о «духовном и нравственном противостоянии словенцев во время оккупации»³⁶. Оба сразу же начали сотрудничать в буэнос-айресской газете «Svobodna Slovenija» («Свободна Словения» / «Свободная Словения», с 1948 г.), а затем присоединились к инициативе публициста Р. Юрчеца и приняли участие в создании в 1954 г. международной организации «Словенская культурная акция» («СКА»), объединившей деятелей культуры словенского происхождения из разных диаспор. Открывая первое заседание новой институции Р. Юрчец назвал ее «республикой свободного духа», в которой словенцы, рассеянные по всему миру, могут «найти свое достойное место»³⁷. На базе «СКА» начал выходить журнал «Meddobje» («Меддобье» / «Меж двух эпох», с 1954) с подзаголовком на словенском и испанском языках «Splošna kulturna revija» — «Revista de cultura general» («Общекультурный журнал»), публиковавший в том числе тексты на испанском языке.

В разные годы его возглавляли Р. Юрчец, З. Симчич, Т. Дебеляк, Ф. Папеж, В. Роде и др. За истекшие десятилетия журнал познакомил

* Балантич Франце (1921–1943) — словенский поэт, творчество которого из-за ложных обвинений в коллаборационизме долгие годы оставалось на родине под запретом.

** Маусер Карел (1918–1977) — словенский поэт и прозаик, в 1945 г. вместе с семьей выслан из Словении как неблагонадежный (немецкая фамилия), эмигрировал в США. Развивая традиции крестьянской прозы, в своих романах обращался к трагическим эпизодам военной и послевоенной жизни словенцев, в том числе к теме репрессий 1948 г. в СФРЮ.

читателей с прозой, поэзией, эссеистикой, искусствоведческими (живопись, театр, музыка) и научно-публицистическими работами почти четырехсот авторов словенского происхождения, репродукциями известных художников-эмигрантов. Для большинства опубликованных в журнале художественных произведений 1950–1980-х гг. характерно обращение к событиям гражданской войны, патриотические и ностальгические мотивы, часто воплощаемые на автобиографическом материале. В титовской Югославии журнал «Меддобье», как вся деятельность «СКА», воспринимался властями как вражеская пропаганда и был под запретом. В независимой Словении усилия словенских эмигрантов, направленные на сохранение и развитие национального языка и культуры, были высоко оценены — в 2005 г. президент Республики Словении Я. Дрновшек наградил «СКА» орденом за заслуги.

В сопредельной СФРЮ Италии в Триесте прозаики Б. Пахор и А. Ребула издавали литературный журнал «Zaliv» («Залив», 1966–1991), который в течение трех десятилетий функционировал как «пространство открытого плюралистического диалога»³⁸. Характер и политика этого издания были во многом обусловлены личностью Бориса Пахора. Писатель родился в 1913 г. в Триесте в словенской семье, в 1940 г. был мобилизован в итальянскую армию, затем учился в Падуанском университете. В это время начинается его общение с выдающимся поэтом и крупным общественным деятелем Словении Эдвардом Коцбеком, ставшим впоследствии его наставником и другом. Когда в начале 1950-х Коцбека за его идейные и этические взгляды начали публично травить, Пахор не раз выступал в его защиту в итальянских периодических изданиях. Критические, злободневные пахоровские эссе, обращенные к актуальным вопросам

*Первый номер журнала
«Меддобье»*

жизни словенцев на исторической родине и за ее пределами стали своеобразным брендом триестского издания. «Залив» выходил четыре раза в год, с 1970 г. в малом (карманном) формате. В нем начинали публиковаться ныне хорошо известные на родине авторы словенского зарубежья М. Кошута, М. Кравос, Т. Кунтнер, М. Мерлак-Детела, Я. Месснер, печатались прозаические произведения П. Зидара, Р. Премрл, опального Э. Коцбека, публицистические статьи А. Ребулы, К. Шаламун, Б. Зарника и др. Постепенно классические разделы («Стихотворения», «Проза», «Эссе», «Воспоминания», «Книжные новинки», «Отклики») потеснили новые: «Свободная трибуна», «Документы», «Другое мнение», и социокультурная, публицистическая проблематика выдвинулась на первое место. На некоторое время журнал попал в разряд запрещенных в СФРЮ изданий.

В 1975 г. совместно с Ребулой Пахор выпустил в Италии сборник «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени», который был проанонсирован в журнале. Содержащееся в книге интервью с поэтом, где была затронута одна из «запретных» для социалистических властей тем — массового истребления коммунистами ополченцев-домобранцев в 1945 г., — имело в Словении широкий политический резонанс, и Пахору на несколько лет был запрещен въезд в СФРЮ. 6 апреля 2017 г. Словенская академия наук и искусств совместно с издательством «Младинска книга» провела симпозиум «Сила связей»³⁹, посвященный журналу «Залив», в котором принял участие и сам Пахор.

«Вольная» литературно-критическая периодика на словенском языке, выходящая в период существования СФРЮ, как в Словении, так и за ее пределами, бесспорно, оказывала влияние на общественное сознание и атмосферу в республике

*Б. Пахор на открытии
своего памятника.
Любляна, парк Тиволи, 2017 г.*

в целом. При этом инакомыслие было, можно сказать, легализовано: на смену закрытым сверху журналам приходили новые, получившие «добро» от властей, но также оппозиционно настроенные, поэтому опция самиздата в республике практически отсутствовала. Другой специфической чертой либерально ориентированных литературно-критических журналов особенно в посттитовские годы стала выраженная тенденция переориентации проблематики в общественно-политическое русло, внимание не к собственно художественному слову, а к социологическим, философским, экономическим и политическим дискурсам. На время «толстые» журналы отказались от «традиционного» амплуа — формировать представления современников о литературных авторитетах, прояснять направленность развития литературной культуры, сменили «перо» на «штык». «Беседа», «Ревия 57», «Перспективы», «Нова ревия», отчасти «Меддобье» и «Залив» стали катализатором общественных перемен в Словении, площадками, на которых национальная творческая интеллигенция активно отстаивала демократические свободы и национальный суверенитет, и тем самым внесли свою посильную лепту в демонтаж югославской социалистической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Štuhec M.* Literarni revije in programi // Slovenska književnost III. Ljubljana, 2001. S. 475.
- ² *Paternu B., Glušič Krisper H., Kmecl M.* Slovenska književnost. 1945–1965. Prva knjiga. Ljubljana, 1967. S. 295.
- ³ *Kos J.* Od Marxa do Lukácsa // Beseda, № 2, 1953. S. 103–105, 149–152, 232–234; *он же:* Problemi marksistične estetike // Beseda, № 3, 1954. S. 383–403; *он же:* O marksistični estetiki in marksistični literarni kritiki // Beseda, № 3, 1954. S. 562–575.
- ⁴ *Kermauner T.* Perspektivovci. Ljubljana, 1995. S. 4.
- ⁵ Цит. по: *Štuhec M.* Literarne revije in programi // Slovenska književnost III. S. 496.
- ⁶ Цит. по: *Kolšek P.* Rast in pozeba revije Perspektive // Književne liste, 22. April 2014. URL: <https://www.delo.si/kultura/knjizevni-listi/rast-in-pozeba-revije-perspektive.html> (дата обращения: 20.09.2019).
- ⁷ *Rus V.* Revija Perspektive in teorija in praksa // Teorija in praksa. Let. 41, № 1–2, 2004. S. 132.

- ⁸ Гуськова Е.Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 702.
- ⁹ См.: Puhar A. Peticije, pisma in tihotapski časi. Maribor, 1985. URL: <http://www.vecer.com/ruslica/> (дата обращения: 20.09.2019).
- ¹⁰ Цит. по: Inkret A. Vroča pomlad 1964. Ljubljana, 1990. S. 10.
- ¹¹ Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т.1. 1945–1960 гг. М., 1995. С. 404.
- ¹² Палавестра П. Књижевност — критика идеологије. Београд, 1991. С. 34.
- ¹³ Нукифоров К.В. «Карделевская Югославия» (1974–1990) // Югославия в XX веке. С. 747.
- ¹⁴ Gabrič A. Spreminjanje kulturnopolitičnega in šolskega sistema // Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 1306.
- ¹⁵ Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 460.
- ¹⁶ Grafenauer N. Fascit // Nova revija. 2007. № 300. S. 6.
- ¹⁷ Jambreč P. Zgodovinski spomin Nove revije in slovenska prihodnost v Evropi // Ibid. S. 62.
- ¹⁸ Hribar T. Euroslovenstvo. Ljubljana, 2004. S. 35.
- ¹⁹ Gabrič A. Kulturniška “opozicija” podira tabuje // Slovenska novejša zgodovina. S. 1155.
- ²⁰ Цит. по: Omerza I. Veliki in dolgi pohod Nove revije. Celovec, 2015. S. 23.
- ²¹ Uredništvo Nove revije // Nova revija. 1987. № 57. S. 1–2.
- ²² Hribar T. Slovenska državnost. Ibid. S. 22.
- ²³ Rupel D. Odgovor na slovensko narodno vprašanje. Ibid. S. 60–65.
- ²⁴ Pučnik J. Politični system civilne družbe. Ibid. S. 135, 142.
- ²⁵ Jambreč P. Pravica do samoodločbe slovenskega naroda. Ibid. S. 158–160.
- ²⁶ Vučar F. Pravna ureditev položaja Slovencev kot naroda. Ibid. S. 151–157.
- ²⁷ Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. S. 475.
- ²⁸ Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС) // Словения. Путь к самостоятельности. М., «Индрик», 2001. С. 293.
- ²⁹ Grafenauer N. Fascit... S. 10.
- ³⁰ Об этом подробнее: Пилько Н.С. Образование независимой Республики Словении // История Словении. СПб, 2011. С. 428–432.
- ³¹ См.: Grafenauer N. Fascit... S. 9.
- ³² См.: Старикова Н.Н. «История сквозь призму лирического фрагмента». Образы прошлого в трилогии Бориса А. Новака «Врата безвозвратности» // Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений). М., 2019. С. 134–135.

-
- ³³ *Urbančič I.* Nevarnost biti: krokiji o duhu evropskosti. Ljubljana, 2003. S. 18.
- ³⁴ *Rovšek M.* Ideologija Nove revije — sprememba v času in prostoru URL: <http://dk.fdv.uni-lj.si/diplomska/pdfs/rovsek-marija.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
- ³⁵ *Čander M.* Akvarij // Delo. Književni listi. 10.08.2000. S. 14.
- ³⁶ *Zadravec F.* Slovenski roman dvajsetega stletja. 1. analitični del. Ljubljana, 1997. S. 244.
- ³⁷ Цит. по: *Rot A.* Republika duhov: štiridesetletnica Slovenske kulturne akcije. Ljubljana, 1994. S. 11.
- ³⁸ *Jevnikar M.* Slovenski avtorji v Italiji. Trst, 2013. S. 39.
- ³⁹ Moč povezav. Prispevki s simpozija o tržaški reviji Zaliv, 6. aprila 2017 na Slovenski akademiji znanosti in umetnosti v Ljubljani. Ljubljana, 2017.

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.11

*Анастасия Викторовна
УСАЧЁВА
(Москва)*

Литературно-критическая периодика в социокультурном контексте современной Румынии

Аннотация:

В данной работе речь идет о литературно-критической периодике, выходящей в Румынии в настоящее время. Многообразие журналов и газет, выпускающихся онлайн и оффлайн, имеющих давнюю историю и сравнительно молодых, ориентирующихся на разную аудиторию, позволяет сделать вывод о существующем в стране спросе на понимание современного национального и международного культурного контекста, а также на сохранение связи со своим литературным прошлым.

Ключевые слова:

современная Румыния, периодика, румынская литература

*Anastasia V. USACHEVA
(Moscow)*

Literary and critical periodicals in the socio-cultural context of modern Romania

Abstract:

The study focuses on literary and critical periodicals that are being issued in modern day Romania. The variety of magazines and newspapers published online and offline, with a long history and relatively young, targeting different audiences, allows us to conclude that there is a demand in the country for understanding the current national and international cultural context, as well as for maintaining a connection with the literary past.

Keywords:

contemporary Romania, periodicals, Romanian literature

Революция 1989 г. стала переломным моментом в культурной жизни Румынии. Большая часть литературно-критической периодики, существовавшей при режиме Чаушеску, со временем прекратила свое существование, выжить удалось тем изданиям, которые старались держаться подальше от политики и конъюнктуры. На место исчезнувших журналов пришли новые, свободные от цензуры, а со временем появились и альтернативные формы коммуникации с читателем. Современную национальную периодику можно условно разделить на три группы: издания, пережившие революцию и нестабильные 1990-е гг., новые печатные издания, основанные после 1989 г., и журналы, живущие только в интернете.

**Румынская
литературно-критическая периодика,
пережившая 1989 г.**

Журнал «România Literară»* («Ромыния Литерарэ» / «Литературная Румыния», далее по тексту «РЛ») с 1968 г. издается в Бухаресте Союзом писателей Румынии при поддержке Министерства культуры. По своему духу он является преемником одноименного журнала, основанного в Яссах в 1855 г. известным писателем Василе Александри. В настоящее время это еженедельник (иногда выходящий сдвоенными номерами), неизменным руководителем которого с 1990 г. является Николае Манолеску, критик и историк литературы. В социалистические времена и вплоть до 1989 г. это издание было основным авторитетом не только в сфере искусства, но и в социальной сфере, благодаря тому, что руководство журнала сумело сохранить автономию в условиях цензуры и, в отличие от остальной периодики того времени, не принимало участия в создании культа личности Чаушеску. С самого основания «РЛ» имеет не только филологическую, но и общекультурную направленность: здесь публикуются произведения румынских авторов, литературная критика, статьи по истории и теории литературы, материалы о театре, музыке, археологии, кино. Журнал освещает культурные события в стране и за рубежом, рассказывая о премиях, книжных новинках, конференциях, круглых столах и симпозиумах, спектаклях, вернисажах и концертах.

* URL: <https://romanaliterara.com/> (дата обращения: 24.02.2020).

Совместно с Союзом писателей «РЛ» ежегодно вручает национальным авторам государственную премию «Книга года».

Журнал состоит из нескольких постоянных рубрик: двух литературоведческих («Критические заметки» и «История литературы»), трех литературных («Эссе», «Поэзия», «Проза»), двух «общекультурных» («Искусство» и «Меридианы») и раздела «Интервью». В рубрике «Критические заметки» штатные и внештатные авторы пишут о современных и ставших классикой отечественных произведениях, также в ее рамках проводятся дискуссии на литературоведческие темы. Например, осенью 2019 г. с подачи руководителя журнала, Манолеску, состоялись дебаты о литературном каноне, хронике которых можно найти в одном из ноябрьских номеров¹. Рубрика «История литературы», которую чаще всего ведет сам Манолеску, посвящена, главным образом, национальному культурному наследию. Так, в 2019 г. в разных номерах вышли материалы о поэтах А. Мачедонски (1854–1920), Н. Стэнеску (1933–1983), об ученых Д. Кантемире (1673–1723), Э. Папу (1908–1993), о писателях П. Думитриу (1924–2002), Д. Замфиреску (1858–1922), М. Элиаде (1907–1986), о литературном критике К. Регмане (1919–1999). Кроме того, здесь появляются статьи к годовщинам важных для румынской литературы дат. В 2019 г. в честь столетия издательства «Cartea Românească» («Карта Румынскэ» / «Румынская книга») журнал опубликовал большой материал, знакомящий читателя с разными этапами истории издательства, рассказывающий об основателях, редакторах и т.д.²

В литературных разделах публикуется эссеистика, проза и стихи современных румынских авторов. В разделе «Интервью» в 2019 г. в связи с тридцатилетием румынской революции 1989 г. во многих выпусках журнала печатаются беседы с писателями, литературоведами и критиками об этом событии, о развитии страны в последующие тридцать лет, о поисках национальной идентичности и своего места на европейской и мировой культурной сцене в новых условиях. В целом же гостями этого раздела каждую неделю становятся литераторы, переводчики и филологи не только из Румынии, но и других стран (Н. Юга, Ф. Илис, Г. Мюллер, Х. Баракат, Дж. Бэгготт); помимо бесед о творчестве интервьюируемых, часто звучит тема — будущее литературы и культуры.

Культурный и политический журнал «Vatra»* («Ватра» / «Очаг» или «Родной дом») с 1971 г. выходит при поддержке Союза писателей ежемесячно в трансильванском городе Тыргу Муреш. По словам редакции, это издание — наследник ясского журнала «Dacia literară» («Дачиа Литерарэ» «Литературная Дакия», основан в 1840 г.) и выпускавшейся в 1884–1903 гг. в Сибиу газеты «Tribuna» («Трибуна»)³. Его основателями стали писатели Д. Кулчер, Р. Гуга, М. Син, а должность почетного директора занимает критик и историк литературы К. Морару. Во времена Чаушеску журнал был единственным литературным изданием в стране, поддерживавшим интерес к научной фантастике. На его страницах публиковались такие фантасты как М. Оприцэ, Й. Хобана, О. Буфнилэ и др. Эпиграфом журнала, который можно найти и на сайте, была выбрана цитата критика Э. Ловинеску: «Культура — конечная цель любого общества».

В настоящее время среди постоянных и приглашенных авторов журнала «Ватра» есть представители как поколения 1950–1960-х гг., так и поколения тридцати- и сорокалетних, что обеспечивает разнообразие точек зрения и большую полемичность по сравнению с «РЛ», где публикуются работы преимущественно пятидесяти-шестидесятилетних литераторов. Например, в журнале есть рубрика «Досье», в рамках которой один из авторов делает сообщение или дает интервью на заданную тему, а несколько других (обычно от трех до семи человек) на это сообщение отвечают. Как правило, тема берется обширная и разговор ведется на протяжении нескольких номеров, при этом основной выступающий в каждом выпуске меняется. Отсылая к телевизионным сериалам, каждое такое выступление с комментариями называется эпизодом. Скажем, в 2019 г. обсуждалась «Брашовская литературная школа», литературное и филологическое объединение, возникшее в 1980-е гг. в г. Брашов, (девять «эпизодов») и актуальность авангарда (пять), а в 2018 — «Красный май» 1968 г. во Франции (двенадцать «эпизодов» под общим заголовком «Что теперь осталось от Мая 68») и творчество Петру Чимпоешу (пять).

Помимо рубрики «Досье», как и в «РЛ», в журнале «Ватра» есть литературные разделы, в которых публикуются стихи и проза современных авторов, а также «Литературная критика», где в особой

* URL: <https://revistavatra.org/> (дата обращения: 24.02.2020).

колонке «Идущие после нас» критик Андреа Поп знакомит читателей с произведениями молодых писателей и поэтов. В подразделе «Хроника теории» рубрики «Эссе» авторы размышляют, например, над феноменами постистории и румынского постгуманизма, над румынским кино и месте румынской литературы в мировом контексте. И в целом это издание выглядит более свободным и менее «традиционным», чем «РЛ».

Румынская печатная периодика, возникшая после 1989 г.

После декабрьской революции 1989 г. и падения режима Чаушеску с его цензурой в Румынии появилась большая группа новых, существующих до сих пор периодических изданий, как издаваемых при поддержке Союза писателей или Института культуры, так и независимых от этих двух организаций. Ниже рассмотрены самые важные из них.

Журнал «Apostrof»* («Апостроф») с 1991 г. издается в городе Клуж-Напока при поддержке Союза писателей Румынии. Он вырос из студенческой газеты о культуре «Echinox»** («Экинокс» / «Равноденствие»), с 1968 г. выходившей в Университете Бабеша-Бойяи. Бессменным редактором журнала стала литературовед, философ и писательница Марта Петреу. «Апостроф» дал дорогу многим писателям, начавшим свой творческий путь в конце 1980-х и в 1990-х гг. Среди них, например, О. Печикан, Й. Миля, О. Совиани, Дора Павел. Журнал создавался как общекультурный, в нем публикуется поэзия, проза, литературная критика, документы, эссе, философские и исторические материалы, переводы. Одна из главных задач, по мнению редакции, — привить читателю критический взгляд на культурные процессы⁴. Важная рубрика издания — «Досье», ее координатором долгое время был муж Петреу Й. Вартик. Часто материалы этой рубрики перерастают в тематические выпуски; так родились, например, номера о психоанализе, об Э. Чоране (помимо прочего, были опубликованы ранее не издававшиеся письма Чорана к Б. Цинку), Э. Ионеско, Й.Л. Караджале, Л. Благе и др.

* URL: <http://www.revista-apostrof.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

** URL: <http://revistaechinox.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

С 1991 по 2010 гг. у журнала было свое издательство, «Biblioteca Apostrof» («Библиотека Апострофа»), которое выпустило свыше 150 книг, среди которых как художественные произведения, так и литературоведческие или философские работы. Редакция приложила руку к «возвращению» на родину писателей-эмигрантов, не только троицы Элиаде — Чоран — Ионеско, но и П. Гома, Д. Цепеняга, Н. Маня, М. Кэлинеску и многих других.

В 2019 г. главными темами журнала стал 80-летний юбилей критика Н. Манолеску, румынский авангард, драматургия Й.Л. Караджале, а также философско-литературоведческие эссе о том, что значит быть писателем, об экзистенциализме, румынской литературе в Японии и т.д.

Еженедельное издание «Dilema» / «Dilema Veche»* («Дилема» / «Дилема Веке» / «Дилемма» / «Старая Дилемма») появилось в 1993 г. при поддержке Института культуры Румынии. Основал его румынский политик, философ и писатель Андрей Плешу, и с первоначальным вариантом заголовка оно просуществовало с 1993 по 2004 г., а в январе 2004 г. получило современное название («Dilema Veche»). Это первый и пока единственный постдекабрьский журнал, основной тематикой которого является не столько литературная и культурная жизнь в стране, а, главным образом, эссе, дебаты и мнения о ней. Именно на страницах «Дилеммы» в 1997 г. развернулась дискуссия о поэте Михеа Эминеску и его месте в национальной литературе, а также впервые в румынской гуманитарной науке была поставлена проблема самого явления культурного мифа⁵. Рубрики говорят сами за себя: «Дилеммы онлайн», «Общество», «Тема недели», «Редакционные статьи и мнения». В журнале освещаются злободневные вопросы, как, например, миграция, Брексит, идеология, инклюзия и их влияние на культуру и литературу. Среди авторов — известный франко-румынский драматург М. Вишнек и популярный молодой писатель М. Киву.

Первое независимое издание постдекабрьской Румынии — «Revista 22»** («Ревиста 22 / «Журнал 22»), основанное в 1990 г. под руководством писательницы Габриэлы Адамештяну. Это еженедель-

* URL: <https://dilemaveche.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

** URL: <https://revista22.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

ный политико-культурный журнал, в который в разное время писали известные румынские философы и филологи: Г. Лиичану, А. Палеологу, Дан Павел и др. Со временем фокус издания сместился в большей степени в сторону политики, но раздел «Культура» остался интересным, объемным и важным. В нем публикуются интервью с румынскими писателями, сценаристами и драматургами, рекомендации читателям по поводу новинок литературы, причем редакция выбирает те книги, которые еще не на слуху (например, исследование «Наркотики в румынской культуре», или сборник «Демократия в осаде. Румыния в региональном контексте», или роман Д. Рушти «Волшебная валашская Одиссея»). Кроме того, в этой рубрике освещаются культурные события, среди которых есть и междисциплинарные выставки, где посетитель оказывается в прямом смысле слова на стыке литературы, визуального и аудиального искусств. Примером может служить статья о прошедшей в Брашове осенью 2019 г. экспозиции «Sounds Like a Book» («Звучит как книга»), идеей которой было показать, как разные виды искусства взаимодействуют и перетекают друг в друга⁶.

Совершенно другой, литературно-культурной, направленности придерживается издающийся с 2000 г. независимый журнал «Observator Cultural»* («Обсерватор Културал» / «Культурный обозреватель»), еженедельник о книгах, фильмах, театре, музыке и выставках, финансируемый из частных фондов. В 2007 г. также учреждена одноименная премия за художественную литературу и переводы (с иностранных языков на румынский), конкурирующая по значимости и престижу с государственной наградой «Книга года». По словам редакции, девиз издания — «Критический дух в действии!», а «взрослая культура — это культура различных мнений, свободы мысли и смелости думать вразрез с мнением большинства»⁷, поэтому журнал дает площадку для носителей совершенно разных точек зрения, поощряя на своих страницах, виртуальных и бумажных, дебаты и диспуты. И, действительно, такая стратегия нравится читателям — один только сайт принимает у себя в месяц свыше 50 000 уникальных пользователей. Важным направлением своей деятельности редакция считает также привлечение иностранных деятелей культуры, поскольку, с одной стороны,

* URL: <https://www.observatorcultural.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

«малая» культура обязательно должна иметь связь с «большими» культурами, а с другой — заслуживает того, чтобы быть открытой «крупными игроками»⁸.

В этом журнале, в отличие от предыдущего, есть две отдельные рубрики «Литература» и «История литературы», плюс «Философия», «Культурный календарь», раздел «Досье», полностью посвященный самым интересным писателям и книгам (например, девятилетней девочке Делии Каланча — самой молодой художнице и писательнице в Румынии, презентовавшей в 2017 г. на Букфесте свою первую книгу, выпущенную издательством «Humanitas» («Хуманитас»), которое является одним из крупнейших в стране⁹). В разделе «Мнения» обсуждаются острые темы: «Может ли литература исправить историю?»¹⁰, как говорить о литературных журналах, какой была бы культурная жизнь без литературно-критической периодики, а также вопросы о селфи, соцсетях, тоталитаризме и проч. Пожалуй, если говорить о периодике, выходящей в настоящее время на бумаге, «Обсерватор Културал» — журнал самый живой, современный и актуальный, настолько, что люди готовы платить за подписку, чтобы читать именно его.

Переходным между бумажными и интернет-изданиями является независимый журнал с говорящим названием «Cultura»* («Культура»), в нынешней своей версии существующий с 2005 года. Он выходил еженедельно в печатном виде до недавнего времени, затем практически полностью переместился в сеть, чтобы соответствовать новым запросам публики. Целевая аудитория журнала, как видно из описания на сайте, — люди с высшим образованием, работающие в сфере умственного труда или в культурной/социальной сфере¹¹. Материалы появляются онлайн ежедневно, все авторы — профессиональные литературоведы и критики, театро- и киноведа, каждый из них имеет свою страницу, вокруг которой складывается сообщество. «Культура» публикует статьи о важных книжных новинках, о спектаклях и фильмах местного производства, о цифровом и перформативном искусстве. Ежемесячно выходит электронная версия журнала объемом около ста страниц, ее можно скачать бесплатно. Авторы каждого из разделов предлагают для этого ежемесячника наиболее важные материалы, которые обязательно проверяются профессио-

* URL: <https://revistacultura.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

налами с именем. Дважды в год на румынском и английском языках выходит печатная версия, которая содержит в себе отобранные за шесть месяцев статьи, иллюстрируют их румынские художники и фотографы. В издании есть отдельные рубрики для художественной литературы и литературы нон-фикшн. В разделе «Мнения» обсуждаются такие темы как тридцатилетие революции, место румынского языка и культуры в мире, трудности, которые вызывают у современного читателя произведения на устаревшем языке — и что с ними делать и т.д. В целом создается впечатление, что, в отличие от описанного выше журнала «Обсерватор Културал», живого и нацеленного на самую широкую аудиторию, «Культура» намеренно фильтрует потенциальных читателей, чтобы занимать нишу элитарной периодики «не для всех».

Румынская периодика, выходящая онлайн

Первым румынским полностью цифровым изданием стал LiterNet.ro*, созданный в 1999 г. под именем RomanianLiterature.com для продвижения румынской литературы в интернете. В 2001 г. он был переименован и с тех пор носит настоящее название. Это портал о румынской культуре с большим разделом о литературе, кроме того, открылось издательство LiterNet, которое выпускает книги в электронном виде. Литературная часть представлена на сайте главным образом отрывками из произведений, новинок и классики, что полностью соответствует заявленным целям журнала. Там не найти критического анализа, зато непосредственно художественного материала очень много, там можно найти произведения А. Бландианы, Л. Браниште, П. Чимпоешу, А. Плешу и т.д. В последние годы так же широко освещается театральная жизнь Румынии, поскольку театр является важной частью национального досуга.

«Literatura de Azi»** («Литература де азь» / «Сегодняшняя литература») — это онлайн журнал, существующий с 2015 г. под эгидой Союза писателей Румынии, ответственный редактор — филолог и литературный критик Даниэль Кристя-Энаке. Портал обновляется

* URL: <https://www.liternet.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

** URL: <https://www.literaturadeazi.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

ежедневно, чтобы читать материалы целиком, нужна платная подписка. Кроме того, журнал представлен в сети Facebook, где каждый день публикуются высказывания румынских писателей и цитаты из произведений, это своего рода витрина издания, на его страницу подписано почти 300 000 человек. В самом журнале, как и в других, публикуются анонсы литературных и культурных событий, рассказывается о национальном фольклоре (например, тема декабря — колядки), о книжных новинках и о театре, обсуждаются культурные события месяца. На наш взгляд, этот портал, в целом, проигрывает аналогичным, но не упомянуть его нельзя, поскольку он очень активно продвигается в соцсети и в поисковых системах.

Наиболее интересный на данной момент литературно-культурный интернет-портал — цифровой журнал «Scena 9»* («Сцена 9» / «Сцена 9» или «Новая сцена» — намеренная игра омонимов), которому в мае 2019 исполнилось три года. Это журнал нового поколения, который создает и читает то самое молодое поколение. Вся команда состоит из двадцати- и тридцатилетних молодых людей, имеющих соответствующее профильное образование. В приветственном слове на сайте редакция пишет: «Мы наводим порядок в новостях культуры, мы пишем о том, что важно, ново или незаслуженно обойдено вниманием. Помогаем наладить диалог между теми сферами, которые обычно не пересекаются», «мы внимательно наблюдаем за новым поколением творцов в разных сферах, от искусства до науки... Мы предлагаем создать портрет этого нового поколения»¹². Без преувеличения можно сказать, что это пока единственное издание, которое, с одной стороны, держит высокий уровень подаваемого материала, а с другой, прямо называет своей целевой аудиторией молодежь. Кроме того, возможно, это первый проект, который имеет единую, эксплицитно прописанную концепцию издания: «Культура — это способ, с помощью которого мы решаем проблемы как нация. И инвестиция в румынский культурный феномен означает постоянную поддержку лидеров и проектов, которые напоминают нам о том, откуда мы пришли, кем мы являемся и куда мы движемся. Другими словами, мы инвестируем внимание в культуру, чтобы приблизиться к лучшей версии Румынии»¹³.

* URL: <https://www.scena9.ro/> (дата обращения: 24.02.2020).

В литературной секции портала можно найти статьи о книжных фестивалях, премиях, новинках, причем все это по горячим следам (например, на сайте есть большой материал, посвященный нобелевской лауреатке О. Токарчук¹⁴, или статья о Грете Тунберг и теме активизма в литературе¹⁵). Не обойдены вниманием и классики румынской литературы, о них пишут, как правило, к юбилейным датам. Например, в 2019 г. несколько материалов, написанных в разных жанрах, было посвящено поэтам Н. Стэнеску и М. Эминеску, драматургам Й.Л. Караджале и М. Себастиану (автору известной и в России пьесы «Безымянная звезда»). Поскольку это не только культурная, но и развлекательная площадка, обязательно присутствует материал формата «9 коллекций иностранной литературы»¹⁶, «13 котиков в румынской литературе»¹⁷, «10 художественных произведений о фильмах»¹⁸ и т.п. Однако несмотря на внешнюю легкость и даже легкомысленность подачи, эти статьи, написанные профессионалами, влюбленными в свое дело, побуждают искать дальше, перечитывать прочитанное и читать новое, а также лучше разбираться в национальном и мировом культурном контексте.

Разумеется, список литературной и культурной периодики не исчерпывается описанными выше журналами, а их количество говорит о том, что в стране существует спрос на подобные издания, ведь, как говорит слоган «Scena 9», «культура — это пространство, в котором мы живем»¹⁹. Обращаясь к разной целевой аудитории, они помогают читателям сохранять связь с национальным литературным прошлым, а также ориентироваться в современных культурных и литературных событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Lesenciuc A.* Simple întrebări despre canon / România Literară, № 46–47, 2019. URL: <https://romanaliterara.com/2019/11/simple-intrebari-despre-canon/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ² *Gulea D.* Editura Cartea Românească — 100 / România Literară, № 22, 2019. URL: <https://romanaliterara.com/2019/06/editura-cartea-romaneasca-100/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ³ URL: <https://revistavatra.org/despre/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ⁴ URL: <http://www.revista-apostrof.ro/despre-noi/> (дата обращения: 08.12.2019).

-
- ⁵ См. *Усачева А.В.* Михай Эминеску: миф и реальность (роман Ф. Илис «Параллельные жизни») // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 268–282.
- ⁶ *Turcanasu R.* Sunetele dintr-un sat, într-o carte, în FM, pe bandă, în QR / Revista 22, 19.11.2019. URL: <https://revista22.ro/cultura/sunetele-dintr-un-sat-intr-o-carte-in-fm-pe-banda-in-qr> (дата обращения: 08.12.2019).
- ⁷ URL: <https://www.observatorcultural.ro/despre-observator-cultural/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Purcaru A.* „Desenez mai tot timpul și cam peste tot“ / Observator Cultural, № 882, 2017. URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/desenez-mai-tot-timpul-si-cam-pestes-tot/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ¹⁰ *Jderu D.* Poate literatura să repare istoria? / Observator Cultural, № 994, 2019. URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/poate-literatura-sa-repare-istoria/> (дата обращения: 08.12.2019).
- ¹¹ URL: <https://revistacultura.ro/despre-noi/> (дата обращения: 09.12.2019).
- ¹² URL: <https://www.scena9.ro/scena9#despre-noi> (дата обращения: 09.12.2019).
- ¹³ URL: <https://www.scena9.ro/scena9#brd-i-scena9> (дата обращения: 09.12.2019).
- ¹⁴ URL: <https://www.scena9.ro/article/olga-tokarczuk-interviu-premiul-nobel> (дата обращения: 24.02.2020).
- ¹⁵ URL: <https://www.scena9.ro/article/greta-thunberg-carte> (дата обращения: 24.02.2020).
- ¹⁶ URL: <https://www.scena9.ro/article/traduceri-9-colectii-editoriale> (дата обращения: 09.12.2019).
- ¹⁷ URL: <https://www.scena9.ro/article/13-motani-si-pisici-in-literatura-romana> (дата обращения 09.12.2019).
- ¹⁸ URL: <https://www.scena9.ro/article/carti-fictiune-filme> (дата обращения: 24.02.2020).
- ¹⁹ URL: <https://www.scena9.ro/scena9#despre-noi> (дата обращения: 09.12.2019).

DOI: 10.31168/2618-8554.2020.12

*Евгения Викторовна
ШАТЪКО
(Москва)*

Славистические литературоведческие журналы Сербии после 1991 г.

Аннотация:

Целью данной работы является обзор современного состояния научной периодики в Сербии, занимающейся вопросами славянского литературоведения. В первой части обзора рассматриваются периодические издания зарекомендовавших себя научных институтов, тогда как во второй освещаются новые игроки и новые формы коммуникации внутри научного сообщества.

Ключевые слова:

сербское литературоведение, периодические издания в Сербии, Матица сербская, САНУ

*Evgenia V. SHATKO
(Moscow)*

Slavic literary journals of Serbia after 1991

Abstract:

The purpose of this study is to review the current state of scientific periodicals in Serbia, dealing with issues of Slavic literary criticism. The first part is the review of reputable scientific institutes periodicals, while the second part is about new players and new forms of communication within the scientific community.

Keywords:

Serbian literary criticism, periodicals in Serbia, Matica srpska, SANU

В 1990-е гг. после распада СФРЮ научная жизнь не прекратилась, несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию в стране: существующие журналы продолжали издаваться, появлялись новые издания. Так, в 1993 г. Международное славистическое общество основало журнал «Научни састанак слависта у Вукове дане» («Научная встреча в Дни Вука»), в 1997 г. журнал «Филолошки преглед» («Филологический обзор») возобновил

свою работу после двенадцатилетнего перерыва, в том же году при Филологическом факультете в Белграде начал выходить журнал «Славистика», а после 2000 г. появилось более 10 новых филологических журналов.

Матица Сербская, литературная, культурная и научная институция, основанная в 1826 г., продолжает издавать «Летопис матице српске» («Летопись Матицы сербской»), самый старый сербский научный журнал о языке, литературе и культуре, выходящий с 1824 г. по сей день. «Летопис» издается т.н. «тетрадами», по 6 тетрадей, составляющих одну «книгу», в полугодие. В каждом номере журнала есть следующие тематические блоки: «Поэзия и проза» (здесь публикуются произведения мировой и сербской литературы), «Мнения» (литературоведческие статьи о мировой литературе, сравнительные, типологические работы), «Обзоры» (статьи, посвященные преимущественно сербскому литературному процессу, интервью с авторами, обзоры литературных наград и т.д.) и «Критика» (раздел, включающий в себя статьи, посвященные анализу конкретных литературных произведений). Структура журнального номера может также включать материалы круглых столов, тематические блоки, обзоры международных кинофестивалей и др. Главными редакторами журнала были С. Гордич (1992–2004 гг.), литературовед, исследователь современной сербской поэзии, И. Негришорац (2005–2012 гг.), поэт и драматург, литературный теоретик и критик, преподаватель теории литературы на филологическом факультете Университета в Нови-Саде, С. Владушич (2013–2016 гг.), писатель, эссеист, преподает литературу в Нови-Саде, а с 2016 г. Дж. Деспич, поэт и литературовед. Редакция журнала стремится рассматривать художественные тексты в социокультурном контексте, уделяя внимание элементам социального контекста. Периодически выходят тематические номера, посвященные тому или иному автору (Б. Пекичу, Н. Тадичу, М. Црнянскому, Б. Чопичу, Негошу, Д. Кишу, М. Павловичу, Л. Коену, М. Павичу и др.). На сайте¹ выложены все номера с начала 2005 г. В журнале активно публикуются работы современных литературоведов (Й. Радулович, А. Симич, А. Костич, Й. Делич, З. Джерич, А. Тишма, Й. Маричевич и др.).

С 1953 г. выходит «Зборник Матице српске за књижевност и језик» («Зборник Матице српске за книжевносћ и език» / «Сборник Матицы

сербской по литературе и языку») по 3 тетради в год, публикующий статьи, небольшие монографические работы, дискуссии, обзоры, архивные данные, посвященные в первую очередь сербскому языку и литературе, на его страницах встречаются, однако, и теоретические работы по литературоведению, и компаративистские исследования. В журнале с 1970 г. публикуются статьи о славянских литературах, их истории, теоретические и сравнительные работы, в которых используются современные междисциплинарные подходы. В год выходит один славистический сборник, включающий в себя следующие разделы: «Исследования и дискуссии», «Мнения», «Юбилеи», «Некрологи» и «Научные мероприятия». Статьи издаются на всех славянских языках. С середины 2000-х гг. номера публикуются на сайте журнала².

Для славистов может быть также полезен и «Зборник Матице српске за филологију и лингвистику» («Зборник Матице српске за филологию и лингвистику» / «Сборник Матицы сербской по филологии и лингвистике»), основанный в 1984 г., хотя это в первую очередь лингвистический журнал, публикующий исследования из области методологии, сравнительной и типологической лингвистики, этимологии, диалектологии, контактной лингвистики и др. С 2009 г. материалы публикуются на сайте³.

Сербская академия наук САНУ с 1913 г. издает журнал «Јужнословенски филолог» («Южнословенски филолог» / «Южнославянский филолог»), изначально посвященный сравнительно-исторической и диалектологической проблематике, а также вопросам изучения сербского языка в диахронии и синхронии; позже в сферу интересов редакции вошли типология славянских языков, ареальная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика и другие междисциплинарные области изучения языка. Кроме того, в журнале периодически издаются статьи и из области истории литературы. Со статьями, изданными в «Южнословенском филологе», можно ознакомиться на сайте архива САНУ⁴. Литературоведению в полной мере посвящен журнал САНУ «Књижевна историја» («Книжевна история» / «Литературная история»), основанный в 1968 г., который с 1991 г. официально является журналом Института литературы и искусства: с самого основания журнал опирался на сотрудничество с Институтом в рамках научных и исследовательских проектов. Здесь публикуются статьи,

посвященные литературоведению (литературно-теоретической и литературно-исторической направленности), интер- и мультидисциплинарные исследования. Журнал выходит три раза в год и содержит следующие рубрики: «Исследования и статьи», «История сербской литературной периодики», «Глоссарий», «Литературные портреты», «Литературные материалы», «Оценки и мнения». По словам редактора Б. Йовича «Книжевна история» «всегда стремилась соединить выгодное с полезным — в ней можно найти серьезные литературно-теоретические, литературно-критические и литературно-исторические исследования, но при этом широкая заинтересованная публика не чувствует себя исключенной из контекста»⁵. По мнению исследователя современной литературы Сербии М. Аврамовича, история журнала — «история сербской критики в малом»⁶, и действительно, в «Книжевной истории» публиковались едва ли не все югославские и сербские литературоведы. С 2006 г. номера выходят и в электронной форме на сайте журнала⁷.

Филологический факультет Белградского университета в 1921–1939 гг. и с 1954 г. по сей день издает журнал «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор» («Прилози за книжевност, език, историю и фолклор» / «Вклад в литературу, язык, историю и фольклор»), основными темами которого являются история, археология, этнология, лингвистика и литературоведение; с 1948 г. — журнал «Књижевност и језик» («Книжевност и език» / «Литература и язык»), посвященный вопросам сербского литературоведения и лингвистики, с 2006 г. материалы публикуются на сайте факультета⁸, а также методике их преподавания; с 1961 г. — «Анали филолошког факултета» («Анналы филологического факультета») о сербском языке и литературе; в 1963–1985 гг. и с 1997 г. по сей день факультет издает журнал «Филолошки преглед» («Филологический обзор»), в котором публикуются исследования, дискуссии, критические обзоры в области зарубежной литературы, теоретические работы по литературоведению, большое внимание уделяется сравнительному литературоведению (все номера журнала доступны в электронной виде⁹). Сербское славистическое общество совместно с филологическим факультетом Белградского университета в 1997 г. основало журнал «Славистика», в котором до 2013 г. публиковались преимущественно материалы ежегодного Съезда славистов Сербии (все номера журнала доступны в электронной виде¹⁰), затем из-

дание приобрело тематические рубрики (литература, лингвистика, методика и др.). С 2016 г. постоянными разделами стали «Исследования и дискуссии», «Материалы», «Обзоры» и «Хроника». В «Славистике» публикуется множество лингвистических, литературоведческих и методологических статей из области русистики, сербистики, украинистики, богемистики и болгаристики. В 2005 г. филологический факультет основал сугубо литературоведческий журнал «Годишњак Катедре за српску књижевност са јужнословенским књижевностима» («Годишњак Катедре за српску књижевност са јужнословенским књижевностима» / «Альманах Кафедры сербской литературы и южнославянских литератур»), в котором были представлены следующие тематические рубрики: «Обзоры и исследования», «Из истории кафедры и Кафедра в текущем году», «Оценки и мнения», «Хроника», «Литературная витрина», в ряде номеров выделялись особые тематические блоки: например, в пятом номере он был посвящен литературе Дубровника, в шестом — народной литературе Сербии.

В 2011 г. при поддержке Министерства просвещения, науки и технологического развития филологический факультет учредил журнал «Књижењство» («Книжественство»), посвященный теории и истории женской литературы на сербском языке до 1915 г. Помимо журнала одноименный проект включает в себя и создание базы данных, содержащей данные о творчестве сербских писательниц в период от Средневековья до 1915 г.: биографические и библиографические данные, данные о переводах, женских журналах, контактах с сербскими и зарубежными писательницами, взаимосвязях и т.д. База данных постоянно дополняется. Сам журнал выходит только в электронной форме¹¹, что позволяет связывать его напрямую с базой данных. Своей целью редакция видит создание пространства для полноценного изучения женской литературы. «Књижењство» является частью международного проекта Women Writers in History («Женщины-писательницы в истории»)¹².

Философский факультет в Нови-Саде в 1956–1975 гг. и с 1990 г. по сей день издает «Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду» («Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду» / «Альманах Филозофског факултета в Нови-Саде»), посвященный вопросам языкознания, литературы и культуры, а также их изучению. С 1990 г. в год выходит по 2 номера, первый — филологический, второй по-

священ другим гуманитарным наукам. С 2012 г. журнал доступен и в форме электронной публикации¹³. Основанный в 2011 г. «Зборник за језике и књижевности Филозофског факултета у Новом Саду» («Зборник за езике и књижевности Филозофског факултета у Новом Саду» / «Сборник по језику и литературам Филозофског факултета у Нови-Саде») включает в сферу своих интересов вопросы языкознания, как сербского, так и сравнительного, и литературоведческие исследования сербский и зарубежной литературы. Номера журнала публикуются в электронном виде на сайте издания¹⁴.

Факултет филологии и искусств в Крагуевце с 1999 г. издает журнал «Липар» («Липар»), публикующий научные работы из области литературы, лингвистики, теории искусства, философии, культурологии и педагогики 3 раза в год. Первоначально предназначенный для студентов, журнал с 2012 г. становится полноценным научным изданием. С этого же года его номера доступны в электронной форме¹⁵. В 2004 г. факультет филологии и искусств создает журнал «Наслеђе» («Наследже» / «Наследие»), основной идеей которого является интеграция и расширение интердисциплинарности, в течение года создаются тематические номера, посвященные отдельным проблемам романистики, англистики, испанистики, русистики и т.д. Каждый год выходит по три номера, включающие в себя статьи о мировой литературе, языках, искусстве и культуре; все они доступны на сайте журнала¹⁶.

Университет в Нише в 1996 г. основал международный журнал открытого доступа, выходящий раз в два года и рецензируемый независимыми экспертами «Facta Universitatis, Series: Linguistics and Literature» как отдельный раздел «Facta Universitatis». Журнал представляет собой площадку для обмена результатами исследований, охватывающих широкий теоретический и методологический пласт в области филологии. Он получил статус ведущего национального академического издания. До 2009 г. он выходил один раз в год, теперь издается как минимум дважды в год; электронные версии доступны на сайте¹⁷. Статьи публикуются преимущественно на английском, а также на других мировых языках, таких как французский, немецкий и русский. Философский факультет в Нише с 2000 г. также издает «Годишњак за српски језик» («Годишњак за српски език» / «Альманах по сербскому языку»), в котором изредка

выходят и литературоведческие статьи, номера доступны на сайте факультета¹⁸. В 2009 г. был основан ежегодный журнал «*Philologia mediana*», целью которого является исследование литературных и языковых явлений прошлого, исследования рукописного наследия и литературно-языкового материала. В нем также публикуются переводы теоретических и методологических дискуссий. Архив номеров доступен на сайте¹⁹. В 2015 г. по результатам международного научно-исследовательского проекта «Материальная и духовная культура сербов в многонациональной среде и / периферийных районах» при университете в Нише был основан журнал «Исходишта» («Истоки»), издающий статьи о литературных и лингвистических феноменах, диалектических и лексических особенностях сербского языка в приграничных районах Румынии и Сербии. Номера доступны на сайте факультета²⁰.

Не только университеты, САНУ и Матица сербская занимаются развитием научной мысли в Сербии. Так, еще с 1982 г. Общество Иво Андрича начинает издавать одноименные «Свеске» («Тетради») (био- и библиографические сведения об авторе, его рукописи и заметки, исследования его творчества), Общество Доситея Обрадовича в 2013 г. основало журнал «Доситејев врт» («Доситеев врт» / «Сад Доситея»), посвященный сербской литературе и культуре XVIII в., большая часть номеров доступна в электронном виде²¹. Международное славистическое общество с 1993 г. ежегодно публикует сборник материалов по результатам Научной встречи славистов, на которой наряду с вопросами литературной нормы сербского языка обсуждается и литература до и после языковой реформы Вука Караджича. Союз писателей города Панчево с 2003 г. четырежды в год издает журнал «Свеске» («Тетради»), посвященный театру и кино, изобразительному искусству и музыке, литературе, эстетике, философии и истории. В 2010 г. Ассоциация развития сербских исследований (Нови-Сад) основала академический журнал «*Serbian studies research*», выходящий раз в год и публикующий научные статьи в области лингвистики и литературы на сербском языке, международных отношений, культурологии, истории, социологии, политологии, экономики, географии, демографии, социальной антропологии, управления, права и естественных наук. Белградский Форум интеркультурной коммуникации с 2011 г. издает электронный журнал «*Комуникација и кул-*

тура» («Комуникация и культура» / «Коммуникация и культура»)²², целью которого является изучение межкультурных контактов в области лингвистики, литературы и смежных дисциплинах. Ассоциация «Philologia» с 2015 г. публикует одноименный научный журнал в бумажной и электронной версиях²³, посвященный науке о языке, методологии и дидактике, литературе, культуре и социологии, а также издает литературные переводы.

Особого внимания заслуживает интернет-журнал «КУЛТ» (от культура, искусство /по-сербски «уметност»/, литература и театр)²⁴, созданный в 2016 г. как пространство для публикации креативных, культурных и научных высказываний. Несколько раз в год в рамках проекта организуются своего рода онлайн круглые столы, по результатам которых публикуется электронный сборник материалов. Некоторые из тем таких мероприятий: «Табу в искусстве», «Женщины и наука», «R.I.P., литературная критика», «Миф о женском письме» и др.

В таблице ниже приведены данные упомянутых журналов с ISSN и сербским классификационным кодами.

Издатель	Название журнала	ISSN	Код МПНТР
Матица српска, Нови Сад	Летопис Матице српске	0025-5939	M52
Матица српска, Нови Сад	Зборник Матице српске за књижевност и језик	0543-1220	M24
Матица српска, Нови Сад	Зборник Матице српске за славистику	0352-5007	M51
Матица српска, Нови Сад	Зборник Матице српске за филологију и лингвистику	0352-5724	M24
САНУ, Институт за српски језик	Јужнословенски филолог	0350-185X	M24
САНУ, Институт за књижевност и уметност	Књижевна историја	0350-6428	M24
Филолошки факултет, Београд	Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор	0350-6673	M24

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ СЕРБИИ ПОСЛЕ 1991 Г.

Друштво за српски језик и књижевност Србије	Књижевност и језик	0454-0689	M51
Филолошки факултет, Београд	Анали филолошког факултета	0522-8468	M51
Филолошки факултет, Београд	Филолошки преглед	0015-1807	M51
Филолошки факултет, Београд	Славистика	1450-5061	M51
Филолошки факултет, Катедра за српску књижевност са јужнословенским књижевностима, Београд	Годишњак Катедре за српску књижевност са јужнословенским књижевностима	1820-5305	M52
Филолошки факултет, Београд	Књижењство	2217-7809	M52
Филозофски факултет, Нови Сад	Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду	0374-0730	M51
Филозофски факултет, Нови Сад	Зборник за језике и књижевности	2217-7221	M52
Универзитет, Крагујевац	Липар	1450-8338	M52
Филолошко-уметнички факултет, Крагујевац	Наслеђе	1820-1768	M24
Универзитет у Нишу	Facta Universitatis, Series: Linguistics and Literature	0354-4702	M51
Филозофски факултет, Ниш	Годишњак за српски језик	2334-6922	M52
Филозофски факултет, Ниш	Philologia mediana	1821-3332	M52

Филозофски факултет у Нишу, Савез Срба у Румунији, историјски и теолошки факултет Западног универзитета у Темишвару	Исходишта	2457-5585	M54
Задужбина Иве Андрића, Београд	Свеске Задужбине Иве Андрића	0352-0862	M52
Задужбина «Доситеј Обрадовић», Београд	Доситејев врт	2334-9476	M53
Међународни славистички центар, Филолошки факултет, Београд	Научни састанак слависта у Вукове дане	0351-9066	M51
Мали Немо, Панчево	Свеске, Панчево	1451-9976	M53
Научно удружење за развој српских студија, Нови Сад	Serbian studies research	2217-5210	M53
ФОКУС — Форум за интеркултурну комуникацију, Београд	Комуникација и култура	2217-415x E:2332-7465	M52
Удружење грађана Philologia, Београд	Philologia	1451-5342	M52
Институт за књижевност и уметност, Београд, Свеучилиште у Загребу, Универза у Љубљани, Пермски државни универзитет, Русија, Универзитет Свети Кирило и Методије, Скопље	Филолошке студије	1857-6060	M53

В период после распада Югославии подавляющее большинство академических журналов Сербии успешно продолжают свою деятельность, предлагают авторам и читателям не только бумажную, но и электронную версию издания. На их сайтах и в электронных библиотеках растет количество оцифрованных номеров. С конца 1990-х гг. появилось 14 новых журналов, в которых регулярно публикуются статьи в том числе со славистической литературоведческой тематикой. Около трети новых изданий — электронные. Наблюдается тенденция по созданию независимых, в том числе международных, изданий, публикуемые материалы в которых проходят экспертную проверку. Появляются специализированные журналы с более узкой тематикой, ограниченные определенным периодом времени, одним автором или темой. Часть новых изданий, напротив, имеет достаточно широкий спектр тем, что позволяет им стать площадкой для мультидисциплинарных исследований. Журнал «КУЛТ» предлагает принципиально новую концепцию существования периодики в современном мире: существование литературоведения и искусствоведения в прямом контакте и взаимодействии с литературой и искусством в рамках одного проекта.

Стоит также отметить, что международные журналы чаще ориентированы на контакты вне балканского региона и вне югославской и южнославянской общности, в отличие от, например, лингвистических изданий. Единственным исключением можно считать журнал «Филолошке студије» (основан в 2002 г.), состоящий из следующих рубрик: «Философские и культурологические проблемы», «История и филология», «Слово в историко-культурном контексте», «Литература в межкультурном контексте», «Современное общество в культуре, языке и литературе», «Языкознание». Журнал выходит дважды в год, в его издании принимают участие Институт литературы и искусства САНУ, Университет в Загребе, Университет в Любляне, Пермский государственный университет и Университет Святых Кирилла и Мефодия в Скопье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вшињић М.Ј.* У огледалу Летописа // Летопис Матице српске, 2011, год. 187, књ. 487, св. 4, април. С. 643–646.

2. *Ного Р.П.* Држите се ви Летописа // Летопис Матице српске, 2011, год. 187, књ. 487, св. 4, април. С. 641–642.
3. URL: <https://sinhro.rs/50-godina-casopisa-knjizevna-istorija/> (дата обращения: 10.01.2020).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ URL: <http://www.maticasrpska.org.rs/letopis-matice-srpske/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ² URL: <http://www.maticasrpska.org.rs/category/katalog-izdanja/naucni-casopisi/zbornik-matice-srpske-za-knjizevnost-i-jezik/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ³ URL: <http://www.maticasrpska.org.rs/category/katalog-izdanja/naucni-casopisi/zbornik-matice-srpske-za-filologiju-i-lingvistiku/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁴ URL: <http://dais.sanu.ac.rs/handle/123456789/968> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁵ URL: <https://sinhro.rs/50-godina-casopisa-knjizevna-istorija/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ URL: <http://knjizevnaistorija.rs/arhiva.php> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁸ URL: <http://www.fil.bg.ac.rs/lang/sr/knjizevnost-i-jezik/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁹ URL: <http://www.fil.bg.ac.rs/fpregled/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁰ URL: <http://slavistickodrustvo.org.rs/slavistika/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹¹ URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹² URL: <https://www.dariah.eu/activities/working-groups/women-writers-in-history/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹³ URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/digitalna-biblioteka/godisnjak-filozofskog-fakulteta-u-novom-sadu> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁴ URL: <http://zjik.ff.uns.ac.rs/index.php/zjik/issue/archive> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁵ URL: <http://www.lipar.kg.ac.rs/> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁶ URL: http://www.filum.kg.ac.rs/index.php?option=com_content&view=article&id=129&Itemid=223&lang=sr (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁷ URL: <http://casopisi.junis.ni.ac.rs/index.php/FULingLit/issue/archive> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁸ URL: <https://izdanja.filfak.ni.ac.rs/casopisi/2019/godisnjak-za-srpski-jezik-17-2019> (дата обращения: 10.01.2020).
- ¹⁹ URL: <http://www.philologiamediana.com/index.php/philologiamediana/issue/archive> (дата обращения: 10.01.2020).
- ²⁰ URL: <https://izdanja.filfak.ni.ac.rs/casopisi/2017/ishodista-3-2017> (дата обращения: 10.01.2020).

- ²¹ URL: http://www.dositejeva-zaduzbina.rs/izdanja/dositejev_vrt.php (дата обращения: 10.01.2020).
- ²² URL: <https://www.komunikacijaikultura.org/index.php/kk/issue/archive> (дата обращения: 10.01.2020).
- ²³ URL: <http://www.philologia.org.rs/Casopis.html#DNO> (дата обращения: 10.01.2020).
- ²⁴ URL: <https://casopiskult.com/> (дата обращения: 10.01.2020).

Роль литературных журналов 1945–1960-х гг. в формировании литературно-критической мысли Македонии

Аннотация:

Македонская литературная критика зарождалась на рубеже 1930–1940-х гг. в статьях основоположника литературы на национальном языке Кочо Рацина и развивалась в 1945–1960-х гг. параллельно с национальным художественным словом как составная часть литературного процесса. Ключевая роль принадлежала литературно-художественным журналам «Нов ден», «Современост», «Разгледи» и др. На их страницах были опубликованы программные статьи Блаже Конеского, Димитара Митрева, Димитара Солева, Милана Гюрчинова. Литературная полемика, развернувшаяся в 1950–1960-е гг. по вопросам реализма и модернизма, идейности и художественности, ангажированности искусства и о конкретных аспектах творчества македонских писателей, способствовала эффективному развитию критики, повышению ее профессионального уровня.

Ключевые слова:

македонская литература, литературная критика, «Нов ден», «Современост», «Разгледи», Рацин, Митрев, Конеский, Солев, Гюрчинов

Alla G. SHESHKEN
(Moscow)

The role of literary journals of the 1945–1960s in the formation of literary critical thought in Macedonia

Abstract:

Macedonian literary criticism appeared at the turn of 1930-1940s in the articles by Kocho Racin, the founder of literature in the national language. That literature developed during the period of 1945–1960s in parallel with the national artistic word as an integral part of the literary process. The key role was played by literary magazines such as: “Nov Den”, “Sovremenost”, “Razgledi” and others. On their

pages there were published the program articles by Blazhe Konesky, Dimitar Mitrev, Dimitar Solev, Milan Gyurchinov. Literary controversy that unfolded in the 1950–1960s on issues of realism and modernism, ideology and artistry, engagement in art and on specific aspects of the work of Macedonian writers contributed to the effective development of criticism, raising its professional level.

Keywords:

Macedonian literature, literary criticism, “Nov Den”, “Sovremenost”, “Razgledi”, Racin, Mitrev, Konesky, Solev, Gyurchinov

Литературная критика является неотъемлемой частью литературного процесса. История критики тесно связана с историей периодики, позволяющей проследить процесс формирования и развития литературно-критической мысли национальной литературы. Журналы являются важными центрами организации литературной жизни и отражают ее эволюцию.

Македонская литературная критика зарождалась и развивалась параллельно с национальным художественным словом, была составной частью литературного процесса. В условиях непризнания национальной идентичности македонцев, запрета на использование македонского языка в официальной сфере и невозможности издательской деятельности на своем языке литература и критика долгое время не имели условий для полноценного существования. Формирование национальной литературно-критической мысли начинается после победы над фашизмом и образования в 1945 г. Социалистической республики Македонии в составе Федеративной Народной республики Югославии. Процесс формирования литературной критики как особой области литературы протекал непросто: его осложняла нехватка опыта в издании литературно-критических журналов. Но этот опыт, хотя и скромный, все-таки был.

Периодика, в которой освещались вопросы, связанные с Македонией и ее культурой, издавалась в эмиграции (в Болгарии, Сербии, России) вплоть до освобождения от османского владычества (1912)¹. Только в 1920-е гг. на территории Вардарской Македонии стали выходить газеты и журналы, в том числе такие, которые уделяли внимание литературе. Журналы издавались на сербскохорватском языке (в силу официального запрета македонского языка), но все же они давали возможность высказаться по вопросам культуры и литературы представителям непризнанного народа. Кроме того, приобретался

опыт журнальной деятельности. Среди периодических изданий выделяются «Јужни преглед» («Южни преглед» / «Южное обозрение»), «Луч» и «Наша реч» («Наше слово») (все издавались в Скопье).

В настоящее время еще недостаточно изучена роль этих и других межвоенных периодических изданий в истории национальной литературы и критики. Сложно утверждать, в какой степени их опыт был востребован в послевоенный период, когда периодика стала важной частью литературного процесса, но совсем бесследно он пройти не мог, хотя бы потому, что в этих изданиях сотрудничал ряд литераторов, участвовавших в культурной и литературной жизни Македонии после 1945 г.

Весьма интересен в этом отношении первый научно-литературный журнал «Южни преглед» (1928–1939), выходивший в Скопье. В целом журнал придерживался официальной идеологии «интегрального югославянства» — идеи единения народов Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) под властью монархии. Но в реальности на его страницах публиковались материалы писателей и ученых из разных частей страны, придерживающихся разных политических взглядов (сербская поэтесса Д. Максимович, словенский ученый Ф. Илешич, сербский философ-марксист Д. Неделькович, хорватский искусствовед П. Слиепчевич, революционный поэт из Черногории Р. Зокович и др.). С журналом в это десятилетие сотрудничали многие авторы, заложившие основы македонской литературы: Ристо Крле, Васил Илѣский, Анджелко Крстич и др. Были опубликованы также стихотворения «на диалекте» Венко Марковскогo. Так македонская тематика и живое слово македонцев пробивались через барьеры цензуры.

Журнал «Луч» (1937–1939) был фактически двуязычным: критические статьи публиковались на сербском языке, а беллетристика — на «южном диалекте», то есть на македонских говорах. Редакция отдавала предпочтение материалам, связанным с прошлым и настоящим Македонии. Были отклики и о литературной ситуации Повардарья.

Журнал «Наша реч» (1939–1941) был «левым», тесно связанным с компартией. В силу идеологической позиции он неоднократно закрывался, но выходил вновь под другими названиями: «Наш глас» и «Наш лист» и др. Наряду со злободневными политическими и экономическими проблемами «Наша реч» поднимала вопросы литературы

и языка, ввиду остроты этой темы в македонском обществе. Были опубликованы, например, стихи и проза основоположника современной македонской поэзии и участника рабочего движения Кочо Рацина и первые опыты революционного поэта Мите Богоевского.

Первого македонского поэта Кочо Рацина (1908–1943) можно по праву отнести к числу основоположников не только национальной литературы, но и литературной критики. В статье «Развитие и значение нашей новой литературы» (1940) на примере творчества драматургов Р. Крле, А. Панова, В. Илёского, поэта В. Марковского, прозаика А. Крстича и др. Рацин доказывал, что возникновение литературы на национальном языке есть свершившийся факт. Эта статья — своего рода манифест, объявляющий о качественно новом художественном явлении, его корнях и перспективах развития. Рацин писал, что, «тесно связанная с народной жизнью, эта литература не могла не быть верным и живым отражением горя и страданий, но одновременно и выражением идеалов народа, его сердцем и совестью»². Рацин видел в современных писателях преемников тех, кто в далеком прошлом предпринимал попытки писать на языке своего народа: «Дело, которое было начато Пейчиновичем, Миладиновыми и Жинзифовым и сломленное однажды историческими обстоятельствами, сейчас снова возвращается в свое русло и находит своих достойных последователей»³. Под историческими обстоятельствами подразумевался раздел территории македонского народа в результате Балканских войн (1912, 1913), когда освобождение от религиозного гнета сменилось политикой ассимиляции македонцев в Болгарии, Греции и Югославии. Мысль Рацина о значимости традиции К. Миладинова, Р. Жинзифова, Г. Прличева была актуальной, она касалась ценного опыта писателей XIX в., создававших свои произведения на языках македонских диалектов, и получила развитие в многочисленных трудах македонских исследователей после 1945 г. В статье Рацина был также сформулирован один из основных концептуальных принципов развития македонской литературы, важность которого подтвердила художественная практика послевоенного времени. Речь идет о народной поэзии как неисчерпаемом источнике литературы.

Рациновское понимание целей и задач художественного слова получило поддержку и развитие на страницах первого литературно-

го журнала на македонском языке «Нов ден» («Новый день», Скопье, 1945–1950, первый редактор В. Малеский). Журнал учредило Общество художников, ученых и журналистов Македонии (1945). Среди членов редколлегии были писатели Владо Малеский, Венко Марковский, Блаже Конеский, Коле Чашуле, Славко Яневский, первый профессиональный литературный критик Димитар Митрев и др. После создания Союза писателей Македонии в 1947 г. «Нов ден» стал органом этой организации. Журнал стоял на позициях социалистического реализма, что было характерно для литературы и литературной периодики того времени во всех республиках Югославии. Ориентиром для понимания искусства слова служили представления о литературе, сформулированные в марксистской эстетике и развивавшиеся в советской критике. Статьи ряда советских критиков были переведены и печатались на страницах «Нов ден» в 1945–1948 гг. (до разрыва отношений между СССР и ФНРЮ в 1948 г.). Публиковались также выступления югославских критиков из центральной печати о задачах социалистической литературы (Р. Зокович и др.). В статьях македонских авторов на первый план выдвигалась категория идейной направленности искусства и его воспитательное воздействие на читателя, прославление социалистического идеала и героя революционной эпохи.

При социологически упрощенном понимании задач литературы журнал все же сыграл весьма важную роль в развитии македонского художественного слова. Он отразил первые шаги его свободного развития. На страницах этого издания состоялся дебют многих писателей, как тех, кто уже прозвучал в партизанской печати, так и совсем начинающих. Журнал способствовал накоплению творческого опыта у литераторов и литературных критиков. В роли литературных критиков активно выступали писатели Б. Конеский, В. Малеский, С. Яневский, К. Чашуле, А. Шопов и др. Центральной фигурой в журнале был критик и литературовед Д. Митрев.

В первом номере журнала была опубликована статья Б. Конеского «Проблемы македонской литературы» (1945), которая по ряду признаков имеет значение программной как для автора, так и для литературы в целом. Конеский поставил в ней два вопроса: отношение между литературой и литературным языком и отношение между литературой и фольклором. Он подчеркнул, что «развитие литературы

кровно связано и в большой степени обусловлено развитием литературного языка»⁴, что, по его мнению, является первостепенной задачей для македонской литературы, только вступившей на путь свободного развития на национальном языке. Конеский сформулировал свое понимание важности устного народного творчества для развития художественной литературы. Говоря о ценности национальной традиции, он писал, что современные поэты должны не просто подражать народной лирике, а прежде всего сохранять близость с ней «по духу», и одновременно предостерегал от подражания, копирования ее стиля и стиха — «формального отношения к народной поэзии»⁵. Примеры творческого отношения к национальной традиции он находил в поэзии Рацина, Марковского, Неделковского. Эти поэты, «отталкиваясь от народной песни, много сделали для распространения новых поэтических форм, которые помогли лучше отразить проблематику нашего времени»⁶. Именно в выработке и распространении «новых поэтических форм» поэт видел эффективный путь развития для литературного языка и самой литературы.

Конеский также одним из первых заговорил о важности для македонской литературы поддержания рациновской традиции, развитию которой служила и его собственная поэзия послевоенных лет (поэма «Мост», стихотворение «Тешкото» и др.). Продуктивность такого подхода подтвердило дальнейшее развитие национального искусства слова. Вслед за Конеским о важности опыта Рацина и его ближайших сподвижников заговорил и критик Димитар Митрев. Он опубликовал ряд статей о творчестве погибших во время войны современников Рацина К. Неделковского и Н. Вапцарова, которых хорошо знал по довоенному «Македонскому литературному кружку» (полулегально действовал в Софии в 1938–1941 гг.), членом которого был и сам.

Митрев стал первым профессиональным македонским литературным критиком, его авторитет и влияние в писательской среде были очень велики. Он был широко образованным человеком и после войны преподавал ряд литературоведческих курсов на филологическом факультете университета в Скопье. Объектом исследований Митрева была литература на македонском языке, возникшая в новых исторических условиях. В частности, он писал о партизанской поэзии Ацо Шопова, опубликованной под названием «Стихи» в 1944 г.

в освобожденном Белграде (статья «Стихи Ацо Шопова»). В его работах, как и в публикациях других авторов, подчеркивалась актуальность произведений на тему народно-освободительной борьбы, важность мотивов восстановления разрушенной страны, воспевание свободного человека, выделялся образ героя времени — защитника народа и строителя новой жизни.

В конце 1940-х гг. (правда, недолго) выходил журнал молодых писателей «Иднина» («Будущее», 1949–1950), который издавали студенты филологического факультета университета в Скопье: Гане Тодоровский, Димитар Солев, Бранко Пендовский, Анте Поповский и др. В редколлегию входили также более опытные поэт А. Шопов, критик Александр Спасов, писатель Томе Момировский. На первый план в политике журнала в духе эпохи была выдвинута воспитательная функция художественного слова. Цель свою молодые писатели видели в том, что литература должна «сформировать образ нового социалистического человека». В то же время это издание обозначило наметившийся интерес к внутреннему миру участника исторических перемен в жизни родного народа, а его авторы А. Шопов, Г. Тодоровский и Д. Солев спустя несколько лет возглавили борьбу за более широкое понимание задач искусства слова и обогащение его выразительных средств.

На развитие литературы и литературной критики оказала серьезное влияние политическая ситуация 1948–1953 гг., вошедшая в историю Югославии как «Время Информбюро». Это период острого противостояния компартий Югославии и Советского Союза, в котором югославские коммунисты выдвинули свою концепцию развития страны и общества, отличную от советской. Это привело к разрыву отношений с СССР. Одним из последствий данного события стало изменение политики государства в области культуры, ее либерализация, намеченная на Втором съезде писателей Югославии (1949 г.) и окончательно сформулированная в докладе М. Крлежи «О свободе культуры» на III съезде СП Югославии (1952 г.). В докладе был провозглашен отказ от соцреализма как эстетической теории и художественной практики и переход на позиции «социалистического эстетизма», концепции (автор Света Лукич) весьма эклектичной, но предоставляющей писателю завидную свободу в поисках изобразительных средств и понимании задач искусства. Как заметил извест-

ный македонский ученый М. Гюрчинов, современник тех событий, «речь шла о стремлении югославского коммунистического режима создать после разрыва с Информбюро в 1948 г. более либеральную атмосферу в культуре и искусстве, разрешить борьбу различных точек зрения и заменить доминирующую доктрину соцреализма новой доктриной социалистического плюрализма... Со стороны официальной власти было признано право на различные точки зрения»⁷.

Декларированное равноправие идейного и художественного критериев не означало, что компартия устранилась от влияния в сфере искусства, и идеологический контроль исчез вовсе. Предоставив художнику право выбирать, в каком художественном стиле он будет создавать свои произведения, цензура не допускала обращение к ряду болезненных для национальной политики и истории тем: политические репрессии 1948–1952 гг., внутривластная борьба в компартии в 1920–1930-е гг., межнациональные конфликты во время войны.

Культурный климат, однако, изменился. Во всей стране развернулась полемика о дальнейших путях развития искусства и о наиболее важных для современной литературы традициях, вошедшая в историю как «эпоха конфронтации» между «реалистами» и «модернистами». Она продолжалась почти десять лет, до начала 1960-х гг. Спорили о природе реалистического искусства, о его актуальности и возможности (невозможности) обновления в XX в., о важности освоения художественных открытий западноевропейских литератур (об «-измах», по выражению македонских критиков), мировом опыте авангарда и модернизма. Новая расстановка литературных сил отразилась в исчезновении ряда старых (среди них «Нов ден») и появлении новых печатных органов. Начали выходить белградские «Савременик» («Современник») и «Дело» (оба — с 1955 г.), загребские «Кругови» («Круги», 1952–1958 гг.), люблянские «Беседа» («Слово», 1951–1957 гг.) и «Ревия» («Ревю», 1957–1958 гг.) и др.

В Македонии в первой половине 1950-х гг. спектр периодических изданий, посвященных вопросам литературы, значительно расширился, что само по себе говорит об интенсивном развитии и обогащении художественного слова и литературной критики. Стали издаваться журналы «Млада литература» («Молодая литература», 1951–1957 гг., Скопье), «Литературен збор» («Литературное слово», с 1954 г., Скопье), «Хоризонт» («Горизонт», 1956–1958 гг., Скопье), «Стремеж»

(«Стремление», с 1954 г., Прилеп), «Културен живот» («Культурная жизнь», с 1956 г., Скопье). Все эти журналы были вовлечены в споры о художественных ценностях и путях развития национального искусства слова. Полюсами литературной конфронтации были два журнала: орган реалистов «Современост» («Современность», Скопье, с 1951 г.) и орган модернистов «Разгледи» («Рассмотрение», Скопье, с 1953 г.). Первый возглавил сторонник ангажированного реалистического искусства Митрев, второй — молодой прозаик и критик, ратующий за обновление изобразительных средств литературы, Д. Солев.

В критических публикациях Димитара Солева (1930–2003) 1950-х гг. наиболее отчетливо были сформулированы специфические для македонского искусства слова того времени проблемы. Среди них оказались вопросы о «романтизме» и необходимости его преодоления, о «фольклоризме» (чрезмерной привязанности литературы к фольклорной модели), в чем стали видеть препятствие для успешного развития поэзии. В полемическом запале не всегда делались различия между романтизмом как европейским художественным стилем конца XVIII — начала XIX вв. и романтическими элементами, свойственными в том числе соцреализму. Так, одна из статей Солева называлась «Неизжитый романтизм», где на острие критики оказалась романтическая приподнятость стиля ряда произведений македонских поэтов, утратившая свежесть и искренность поэтического чувства и превратившаяся в шаблон. Но самые острые споры вызвал вопрос о реализме, точнее, о жизненной правде, ее художественном отражении и мироощущении человека второй половины XX в. Всячески подчеркивалось, что современный реализм в корне отличается от классического реализма XIX в. При этом признавалась продуктивность «фантастического реализма» и категорически отвергался социалистический реализм. Наиболее остро осуждался его «краеугольный камень» — принцип партийности и идейности.

Это было время бурного развития литературной критики, которая заняла в литературном процессе важное место. Атмосфера литературной полемики пошла ей явно на пользу, заставив обратить самое пристальное внимание на художественный уровень произведений, задуматься над критериями их оценки. Если в послевоенные годы на первый план выдвигалось идейное содержание и актуальность тематики, то теперь больше стали писать о художественной форме,

приемах, особенностях стиля с акцентом на поиски новых выразительных средств в русле модернистских течений. Отказавшись от социалистического реализма, искусство искало новые эстетические ориентиры. В этой сфере царила полная эклектика, что было свойственно югославской литературе в целом. Критики и писатели пытались объединить марксизм как философскую основу общественной идеологии со свободой творческого выбора. Советская литература перестала служить для них идейно-эстетическим образцом и утратила доминирующее положение среди переводной литературы. Более интенсивно в 1950-е гг. в Югославии (в том числе, в Македонии) издавалась западная литература, и новыми кумирами и читателями, и писателями стали Ф. Кафка, Ф. Г. Лорка, Э. Хемингуэй.

Повысилось внимание к нереалистическим течениям национальных литератур Югославии. Реабилитируется традиция символизма (М. Ракич, Й. Дучич и др.), реанимируется предвоенный опыт надреализма, в число самых авторитетных авторов входит О. Давичо, который (роман «Песня», 1952) предложил, учитывая фрейдистский опыт понимания человеческого поведения, новые художественные решения в трактовке темы войны и революции и ее героя. По-новому зазвучал межвоенный экспрессионизм. Анализируется художественное новаторство Крлежи, получает поддержку его принципиальная позиция в «спорах на левом фронте литературы» (1928–1952), где он выступал за важность (наряду с идейным) художественного критерия при оценке художественного творчества. Широкий отклик, в том числе в Македонии, получила поэзия сербского поэта-надреалиста Васко Попа. Причудливость поэтического образа, характерная для его лирики, вызвала весьма разную реакцию у современников, о ней много полемизировали в сербских журналах, но в целом его популярность была высокой. На страницах «Разгledi» по поводу его лирики спорили Анте Поповский и Димитар Солев. Поповский увидел в «трудной для восприятия» экспериментальной поэзии В. Попы «бегство от жизни в -измы»⁸. Солев откликнулся на эту публикацию статьей «Необходимый комментарий», где, признавая усложненность поэтического языка, он призывал серьезно отнестись к художественному новаторству поэзии сербского автора⁹.

Из русской литературы особенно популярными стали «неортодоксальные» авторы, у которых при обращении к теме революции

обнаруживают черты нереалистической поэтики (Блок, Есенин, Мандельштам, Олеша, Бабель, Пильняк и др.). Их имена все чаще звучат в критических публикациях. В частности, Яневский в статье «Проблемы нашей литературы в пятьдесят третьем году» писал: «Мы начали искать у себя, в своей литературе, черты, напоминающие чрезвычайно почитаемого Хемингуэя, который превратился в писателя номер один, каким еще недавно были Есенин, Багрицкий, Горький, Леонов, Андреев. Но мы могли бы обратиться и к Жиду, Сартру, Прусту, Уайльдсу»¹⁰. Солев пишет статьи о Кафке, Фолкнере, Пильняке¹¹.

В македонской литературе 1950-х гг. начало полемики о путях развития национальной словесности связано с дискуссией о новых сборниках лирики Шопова, объединенных погружением во внутреннее переживания лирического героя. В югославском литературоведении такая поэзия стала называться «интимная лирика», а само явление «интимизмом». Оно затронуло все литературы страны и дало интересный художественный результат, хотя просуществовало сравнительно недолго.

Поэтический сборник известного партизанского поэта А. Шопова «Стихи о муке и радости» (1952) поражал своей новизной. Он никак тематически не был связан с предшествующей поэзией автора, в нем появился совсем иной лирический герой. Это уже не уверенный в победе и готовый ради нее на преодоление суровых испытаний и на самопожертвование герой. Он погружен в отвлеченные размышления и созерцательность. О новой поэзии Шопова резко высказался В. Малеский в статье «Шлягеры и музыка», осудив автора за безыдейность и упадничество¹². Малеский присоединился к суровой оценке, высказанной ранее Митревым («О критерии интимной лирики») и Д. Бошковым, который назвал Шопова «чуждым для нас поэтом»¹³. Действительно, поэзия нового сборника Шопова, в отличие от его лирики послевоенного времени («Любовь», «Очи» и др.), не содержит стихов с ярко выраженной идейной окраской. Это элегии, посвященные созерцанию окружающего мира, философским размышлениям о жизни и смерти, что еще более усилилось в следующем сборнике «Слейся с тишиной» (1955).

Шопов выступил в печати со статьей «Вместо ответа», где протестовал против вульгарно-социологического подхода к литературе,

настаивая на праве поэта писать о глубоко личном: «Для меня искренность — один из основных принципов истинного творчества; я никогда этому принципу не изменял и не собираюсь изменить, так как в этом случае я бы изменил искусству, своей поэзии и самому себе»¹⁴.

Ничего угрожающего идее социализма в мягкой пейзажной созерцательной лирике не было. Но в ней с избытком присутствовало то, что в послевоенном югославском (и македонском) литературоведении и критике подвергалось самому суровому осуждению — индивидуальные, часто минорные, личные переживания, которые в то время трактовали как проявление буржуазности и декадентства. Пессимизм считался чуждым оптимистическому социалистическому искусству. В условиях же нового общественного климата субъективное и индивидуальное все активнее завоевывали пространство искусства. Предшествующий пафос коллективизма, наоборот, был отвергнут. Так, суровому разбору была подвергнута поэма Г. Ивановского «Лазарополе» (1951) с воспеванием радости коллективного труда и мотивом материнской жертвы в основе сюжета, к тому времени распространенными так широко, что они превратились в шаблон и стали вызывать нарекания. Молодой критик Солев с беспокойством обратил внимание на приверженность национальной литературы узкому кругу мотивов и тем. Он отметил черты клише в поэме и показал художественную неубедительность отдельных ее глав¹⁵.

В 1952 г. Солев писал, что для национальной литературы наибольшая опасность кроется в самоизоляции, а вовсе не в освоении «чужого» художественного опыта. Его фраза «для литературы более плодотворен какой угодно -изм, чем примитивизм»¹⁶ стала на протяжении нескольких десятилетий крылатым выражением, своего рода лозунгом, который выразил готовность искусства слова к открытому взаимодействию с другими литературами. Поэтому пронизанный лирическими переживаниями, «есенинскими» ритмами и интонациями сборник С. Ивановского «Встречи и расставания» (1953) был горячо поддержан. «Трибуна революции» Маяковского сменил лиричный Есенин (в первую очередь, как автор пейзажной и любовной лирики). Солев увидел в сборнике Ивановского «поэзию трепетного чувства», которое можно понять и ощутить только особым внутренним слухом, «называемым эстетическим вкусом»¹⁷. Не лишним бу-

дет добавить, что Ивановски опирался на традицию Есенина, которого много и успешно переводил.

Македонская проза второй половины 1950-х годов тоже изменила ракурс изображения эпохи, поставив в центр художественного внимания не само событие, а личность участника исторических перемен в жизни страны (Яневский, Конеский, Малеский, Солев и др.). Нарастала тенденция психологизации прозы, увенчавшаяся появлением философско-психологического романа (Малеский «То, что было небом», 1958). Решалась задача изображения индивидуума «как такового» («гол, сум, тој», по словам Солева) с его мыслями и чувствами, а не в его подчеркнута социальной функции. Именно так сформулировал цель, которую должен ставить перед собой писатель, Солев в ставшей хрестоматийной статье «Проблемы прозы» (1953), где он отметил, что молодая македонская проза достаточно идейная, но недостаточно художественная.

Между тем, участникам развернувшейся дискуссии достигнуть взаимопонимания было не так легко, и речь действительно шла не только о тематическом и жанровом обогащении литературы, но и о серьезных изменениях во взгляде на художественное творчество. В поэтическом сборнике «Слейся с тишиной» (1955) Шопов опубликовал программное стихотворение «В тишине». Название само по себе для поэтической атмосферы Югославии того времени весьма характерное и симптоматичное, явно направленное против «громкой», ангажированной послевоенной лирики. Не случайно Солев в критическом отзыве тех лет подчеркнул, что подлинная жизнь души рождается и раскрывается именно «в тишине, вне всевозможных лозунгов, драматизации и позы»¹⁸. В этом македонские литераторы были созвучны с авторами из других югославских республик (С. Раичкович, Н. Идризович, В. Парун). Появление этого типа поэзии обогатило национальную литературу новыми мотивами и жанрами. Она, как стало ясно со временем, сыграла важнейшую роль в развитии медитативно-философской, пейзажной и любовной лирики. Не будучи идеологически оппозиционной, эта поэзия парадоксальным образом стала одним из первых проявлений зародившегося «эстетического плюрализма», как считает один из самых ярких и талантливых македонских критиков тех лет М. Гюрчинов (1928–2018).

Гюрчинов был активным участником литературных дискуссий между «реалистами» и «модернистами» и горячим сторонником обогащения национального искусства слова за счет усвоения художественного опыта зарубежных литератур. «Мой дебют литературного критика тесно связан с журналом «Млада литература»¹⁹, вспоминает автор, подчеркивая, что его первый критический опус «Стихи и тревоги» («Стихова и неспокојства», 1953) был посвящен сборнику стихотворений «Тревожные звуки» Гане Тодоровского, поэта, который внес большой вклад в обогащение поэтического языка македонской лирики. В этом эссе критик показал себя единомышленником молодых писателей, выступавших за равноправие идейного и художественного аспектов в художественном творчестве и за широкое использование мирового художественного опыта.

Свои суждения о задачах национальной литературы Гюрчинов высказал в программной статье «Замечания на тему: новое» (1954). В своей основе эта острая полемическая статья протестовала против подражательства, искусственного перенесения на национальную почву чужих образцов («Новое и наше. А не новое и чужое. Первое современно, второе — слепое следование моде и псевдоискусство»²⁰), призывала к творческому восприятию художественного опыта других литератур. Автор решительно выступал за оригинальность национального искусства слова, которое должно воплотить «самое ценное и самое существенное в нашей жизни, не оглядываясь на господствующие эстетические вкусы масс, такой подход может стать животворящим и новым для нашей литературной жизни»²¹. Мощный творческий потенциал Гюрчинов распознал в поэзии М. Матевского, В. Урошевича, П. Бошковского, которые вводили в македонскую литературу условно-метафорическую лирику.

Спустя полвека Гюрчинов вспоминал, что это были годы высокой творческой активности целого поколения художников слова: Тодоровского, Ивановского, Матевского, Б. Варошлии, литературных критиков А. Спасова, А. Алексиева. Напряженная творческая атмосфера усиливалась «невероятной сплоченностью и дружбой [...] В эту атмосферу взаимного уважения и поддержки вскоре были вовлечены молодые художники, музыканты, артисты театра, работники культуры...»²².

С высоты времени можно заметить, что, несмотря на очевидное противостояние позиций журналов, сотрудничество между конкрет-

ными их авторами не исключалось. Как свидетельствует тот же Гюрчинов, он публиковал критические отзывы в трех литературных журналах «Млада литература», «Современост» и «Разгледни»²³. Это весьма интересный факт, показывающий, что при всех противоречиях в позициях журналов существенную роль играл профессионализм критика. Причем, к сотрудничеству в журнале «Современост» Гюрчинова привлек преподаватель и известный литературный арбитр Д. Митрев, который был его главным редактором. «Журнал придерживался “реалистической ориентации”, но отношение ко мне было крайне корректным: никто мне не ставил никаких условий, все, что я писал, публиковалось»²⁴. Гюрчинов писал для журнала «Современост» критические отзывы о важнейших литературных событиях: изданиях новых произведений, свидетельствующих об интенсивно развивающейся молодой литературе Ивановского, К. Чашуле, Яневского, Бошковского и др. Приведенный факт помогает понять, что в реальности ситуация была многограннее и сложнее и разница во взглядах не препятствовала сотрудничеству. Атмосфера, при всей жесткости взаимных обвинений, была весьма благоприятной для эффективного развития македонской литературы. Гюрчинов называет то время «одним из самых светлых периодов, когда о литературе говорилось очень открыто, смело, без обиняков, со всей интеллектуальной силой и полемической страстью»²⁵.

Интересно отметить, что разница во взглядах не мешала критикам высказывать сходные суждения, когда оценивались произведения, ставшие вершиной национальной литературы. Самое пристальное внимание было уделено лирике и прозе выдающегося македонского писателя Конеского, вступившего в пору творческого рассвета. Его поэтический сборник «Вышивальщица» (1955) был встречен восторженно. Событием в литературе стало появление и сборника его рассказов «Виноградник» (1955). Критика сразу оценила свежесть стиля и новизну прозаического первенца признанного поэта. «Проза Блаже Конеского представляет собой большую творческую удачу отечественной беллетристики и свидетельствует о ее потенциальных возможностях. Эта книга, в большей степени, чем остальные, может и должна считаться для нашей прозы этапной»²⁶, — прозорливо заметил Гюрчинов. Это суждение спустя тридцать лет подтвердил автор монографии о македонском рассказе Х. Георгиевский²⁷. Высокую

оценку получила также поэзия Тодоровского (сб. «Спокойный шаг», 1956) и М. Матевского (сб. «Дожди», 1956).

Журнал «Разгледи» решительно выступал за открытость македонской литературы, ее широкое взаимодействие с другими югославскими центрами, за тесные контакты с мировой литературой, что соответствовало творческой позиции его постоянных авторов — Тодоровского, Ивановского, Матевского, Варошлии, литературных критиков Спасова, Алексиева, Гюрчинова и др. Немало места связям македонской литературы с другими литературами уделял и «Современост».

Литературовед и критик Г. Старделов, весьма активный участник эстетических споров тех лет, в своей книге «Время противоречий» (1977) пришел к выводу о растущей зрелости македонской критики во время острых дискуссий 1950-х гг.²⁸ Ученый и поэт поколения 1980-х гг. В. Смилевский в работе «Аспекты македонской литературы» (1993) также приводит ряд убедительных аргументов в пользу такой точки зрения, особо подчеркивая важность дискуссии о свободе творчества, во время которой существенно развились критерии эстетической оценки художественного произведения.

В 1950–1960-е гг. одним из самых обсуждаемых был вопрос отношения литературы к действительности, что так или иначе связывалось с проблемой реализма в современном искусстве. Наиболее важными текстами на эту тему были серия статей Митрева, опубликованных в журнале «Современост» под названием «Критерий и догма»²⁹, и Спасова «Ценности и критерии», опубликованные в журнале «Разгледи». Митрев писал о важности эстетического плюрализма. Спасов высказался об опасности конъюнктурных соображений при литературно-критическом анализе. А такая опасность существовала, судя по свидетельству Гюрчинова, который отметил, что в подоплеке дискуссионных суждений нередко обнаруживались личностные мотивы и амбиции.

В течение 1960-х гг. можно наблюдать изменение взглядов критики вследствие перемен в национальной литературе: «“реалисты” модернизировались, “модернисты” спустились на землю»³⁰. Проблема отношения между литературой и действительностью тесно соотносится с проблемой ангажированности художественного слова. Этот вопрос неразрывно связан с наметившейся тенденцией критического отношения литературы к негативным общественным процессам, спо-

рами о том, кто же подлинный герой нашего времени и как изображается наша эпоха в литературе. Эти вопросы приобрели актуальность и в художественном творчестве, которое все пристальнее обращается к постижению национального характера и национальным основам бытия. «Общечеловеческое» стало восприниматься и постигаться через «национальное». Решающую роль в этом процессе сыграло творчество одного из самых ярких писателей Македонии Живко Чинго (1935–1987), поставившего в центр внимания литературы национальные основы бытия и национальные жизненные типы. Новеллистика (сборники «Пасквелия», 1962; «Новая Пасквелия», 1965) обозначила новый этап в развитии национальной литературы и была высоко оценена критиками разных направлений.

Новые черты поэзии Р. Павловского, П. М. Андреевского, Урошевича, Б. Гюзела, Якимовского, Бошковского и др., синтезирующей опыт европейской лирики и народной традиции требовали от критики серьезного анализа национального литературного процесса, для чего уже был накоплен серьезный опыт.

Характерной чертой македонской критики 1945–1960-х гг. было то, что, наряду с профессиональными критиками (Митрев, Гюрчинов, Спасов, Старделов и др.), активно трудились на этом поприще сами писатели, в основной массе профессиональные филологи (Конеский, Солев, Мицкович, Урошевич и др.). Атмосфера литературных дискуссий способствовала быстрому и эффективному формированию критики как специфической области литературы. Объектом анализа становились наиболее значимые явления национального искусства слова. Материал литературных журналов того времени помогает воссоздать атмосферу напряженного творческого поиска в ее противоречиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подр.: *Шешкен А. Г.* Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007. С. 33–35.
- ² *Рацин К.* Развикокок и значењето на една нова наша книжевност // *Рацин К.* Стихови и проза. С. 217.
- ³ Там же. С. 220.
- ⁴ Цит. по: *Смилевски В.* Аспекти на македонската литература 1945–1985. Скопје, 1993. С. 18.

- ⁵ Там же. С. 18.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Гурчинов М.* Освојување на реалноста. Скопје, 2000. С. 157–158.
- ⁸ *Поповски А.* Бегање од живот во -изми // *Разгледи*, 1953, № 26. С. 103.
- ⁹ *Солев Д.* Еден нужен коментар // *Разгледи*, 1953, № 29. С. 114–116.
- ¹⁰ *Јаневски С.* Проблемите на нашата литература во педесетитретата // *Разгледи*, 1954, № 3. С. 2.
- ¹¹ См.: Критичко-есеистички текстови на Димитар Солев. Скопје, 2002. Издадено в рамка на научно-исследователски проект «Епоха на модернизмот во македонската литература и уметност» под рук. М. Гурчинова.
- ¹² *Малески В.* Шлагери и музика // *Разгледи*, 1953, № 3. С. 9.
- ¹³ *Бошков Д.* Ацо Шопов — «Стихови за маката и радоста» // *Млада литература*, 1952, № 4. С. 63–65 (цит. по: *Смилевски В.* *Аспекти...* С. 81).
- ¹⁴ См.: *Смилевски В.* *Аспекти...* С. 91.
- ¹⁵ *Солев Д.* Неизживеан романтизам // *Млада литература*, 1952, № 3. С. 37–42.
- ¹⁶ *Солев Д.* Неизживеан романтизам // *Гурчинов М.* *Епоха на модернизмот во македонската литература и уметност. Критичко-есеистички текстови на Димитар Солев.* С. 49.
- ¹⁷ *Солев Д.* *Поезија на трепети* (Србо Ивановски «Средби и разделби», Скопје, 1953). Цит. по.: Критичко-есеистички текстови на Солев. С. 57.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Гурчинов М.* Освојување на реалноста. С. 155.
- ²⁰ Там же. С. 166.
- ²¹ Там же. С. 167.
- ²² Там же. С. 162.
- ²³ Там же. С. 156.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 160.
- ²⁶ См., например, рецензио, објавена во 1955 г.: *Гурчинов М.* *Прозниот деби на Блаже Конески* // *Гурчинов М.* *Современа македонска книжевност.* Скопје, 1983. С. 60–69.
- ²⁷ *Георгиевски Х.* *Поетиката на македонскиот расказ.* Скопје, 1985. С. 83.
- ²⁸ *Старделов Г.* *Доба на противречностите.* Скопје, 1977.
- ²⁹ *Митрев Д.* *Критериум и догма* // *Современост*, 1955, № 7–8; 10–11; 1956, № 1–2, 3, 4.
- ³⁰ *Гурчинов М.* Освојување на реалноста. С. 264.

Словацкая литературная периодика времен «оттепели»: актуальность творческого наследия

Аннотация:

В период политической «оттепели», закончившийся разгромом реформаторского движения в Чехословакии, рупорами меняющихся общественных настроений и площадкой для обсуждения острых вопросов культуры стали литературные журналы «Млада творба» (1956–1970) и «Культурны живот» (1946–1968). Ориентированные на разный круг читателей и спектр проблематики они на протяжении всего времени своего существования оставались актуальными и авторитетными изданиями, ценность традиций которых сохраняется до сих пор.

Ключевые слова:

словацкая культура, литературные журналы, идеологическое давление, программы, дебюты, дискуссии

Liudmila F. SHIROKOVA
(Moscow)

Slovak literary periodicals of the “Thaw”: relevance of the creative heritage

Abstract:

During the period of political “Thaw”, which ended with the defeat of the reform movement in Czechoslovakia, the role of mouthpieces of changing public attitudes and a platform for discussing acute cultural issues became the literary magazines “Mladá tvorba” (1956–1970) and “Kultúrny život” (1946–1968). Focused on a different range of readers and a range of issues, they have remained relevant and authoritative publications throughout their existence, the value of the traditions of which is still preserved.

Keywords:

Slovak culture, literary magazines, ideological pressure, programs, debuts, discussions

Значительную роль в формировании современного лица словацкой литературы, становлении нового поколения поэтов, прозаиков и критиков, а в идейном плане — выражении либеральных настроений в словацком обществе времен «оттепели»* сыграли периодические издания. Речь идет, прежде всего, о литературных журналах. В их числе:

«Slovenské pohľady» («Словенские погляды» / «Словацкие взгляды»), старейший литературный ежемесячник (выходит с 1846 г. по настоящее время), главными редакторами которого в 1960-е гг. были М. Ферко и Й. Кот.

«Romboid» («Ромбоид»), выходит с 1966 г., главный редактор в 1966–1967 гг. — поэт М. Валек. Среди основателей, выразивших в названии журнала свою приверженность идейному и поэтическому направлению творчества Л. Новомеского**, — литераторы среднего поколения: поэты М. Руфус, В. Мигалик, В. Турчани, критики и историки литературы С. Шматлак, Й. Бжох.

«Mladá tvorba» («Млада творба» / «Творчество молодых») ежемесячник молодого литературного поколения, выходивший с 1956 по 1970 гг. Главными редакторами журнала, во многом определившими его облик и направленность, были писатели и поэты М. Ферко (1956–1960), П. Койш (1960–1961), М. Валек (1962–1966), П. Гривнак (1966–1967) и Я. Бузаши (1967–1970).

«Kultúrny život» («Культурный живот» / «Культурная жизнь») выходил с 1946 по 1968 г., затем нерегулярно в 1990-е и 2000-е гг., орган Союза словацких писателей, которому в пору политической оттепели после 1956 г. и особенно в 1960-е гг., принадлежала роль центральной арены острых политических выступлений и литературных дискуссий. Во главе журнала в этот период стояли известные словацкие публицисты и литераторы Л. Мнячко, Ю. Шпитцер, Р. Фабры, Ц. Штитницкий, П. Штевчек, Й. Боб.

Более подробного рассмотрения заслуживают два последних журнала, временные рамки существования которых ограничены годами,

* Границы этого периода определяются по-разному: 1953–1964 гг. («Хрущевская оттепель») или 1956–1968 гг. (от XX съезда КПСС до подавления «Пражской весны»).

** «Ромбоид» (1932) — сборник программных стихотворений Л. Новомеского социальной направленности, созданных в русле авангардизма.

ставшими вехами в общественно-политической и культурной жизни Словакии, периодом с зарождения либеральных и протестных настроений до подавления сформировавшегося реформаторского движения.

Журнал с тем же названием, «Млада творба», уже выходил в Словакии с 1947 по 1951 гг., позиционируя себя как «двухнедельник словацкой молодежи». Он ставил перед собой цель «оказывать позитивное воздействие на мышление словацкой молодежи [...] в нужной форме информировать об актуальных событиях, достижениях науки и техники, спорта и проч.»¹. В той же редакционной статье первого номера журнала было заявлено и о намерении публиковать литературные произведения молодых, «поддерживать первые литературные амбиции и давать им верное направление»². Однако слишком широкая тематика и явный дилетантизм авторов не позволил журналу стать площадкой для приложения сил и творческого становления молодых писателей, потребность в которой остро ощущалась. И после II съезда чехословацких писателей на заседании Союза словацких писателей в Будмерицах в июне 1956 г. было принято решение приступить к изданию «...литературного ежемесячника “Млада творба”, вокруг которого должны сгруппироваться творческие силы молодых литераторов и художников»³.

Вместе с тем, спустя много лет, один из редакторов и авторов «МТ»* Й. Кот, вспоминая о работе в журнале, говорил о естественности его рождения, о его характере, отражавшем ослабление идеологического давления в период «оттепели»: «“Млада творба” возникла не по решению или постановлению “сверху”, а как спонтанное проявление настроений молодых литераторов. К чести тогдашнего Союза писателей надо сказать, что он не сделал из журнала некий инкубатор, а предоставил ему, в том числе благодаря сложившимся политическим условиям, известную свободу»⁴.

С журналом «МТ» было связано вступление в словацкую литературу нового поколения поэтов и прозаиков, известных позднее как «Поколение 56» (прозаики Я. Блажкова, А. Гикиш, Я. Йоганидес, Й. Кот, Р. Слобода и др.), поэты — «конкретисты» (Я. Стахо, Л. Фелдек, Я. Ондруш) и группа поэтов, получившая название «одинокие

* Здесь и далее «Млада творба» — «МТ».

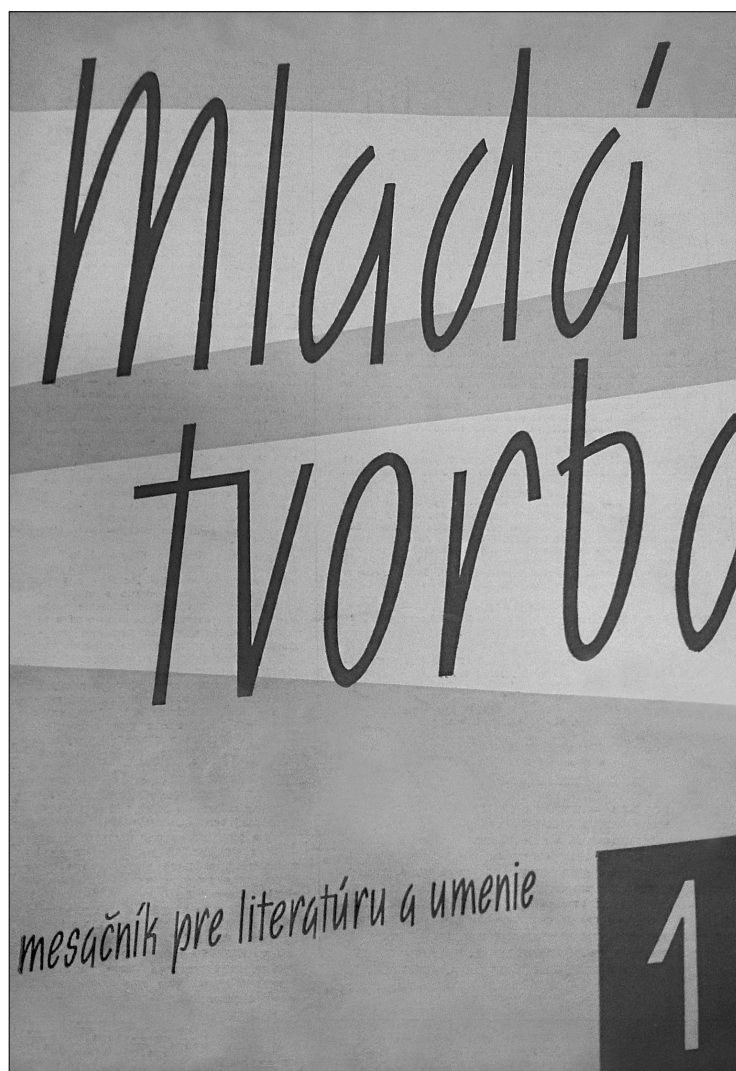
бегуны» (И. Штрпка, П. Репка, И. Лаучик), а также критиков (М. Гамада, П. Штевчек). Здесь публиковались их первые произведения, рецензии и критические обзоры, полемические статьи.

Оглядываясь на годы работы в журнале, один из литературных критиков этого поколения, В. Петрик, писал: «Когда осенью 1956 г. начала выходить “Млада творба”, это стало после долгих лет “засухи” могучим импульсом. Родилось нечто вроде “поколения молодых”, сосредоточившегося вокруг этого журнала. Это было время надежд и большого энтузиазма. Все были очень близки друг другу, поскольку речь шла не только об эстетике, а, вероятно, даже в большей степени — об этике»⁵.

Программные выступления, появившихся в редакционных статьях-передовицах каждый год, начиная с 1956 г., отражали настроения (протестные по своей форме и духу) молодых литераторов и, в то же время — границы их возможностей. Их определяла не только цензура, но и самоцензура, отчасти — неумение преодолеть клише, сформулировать новые идеи и ввести в оборот новые понятия.

Самый первый номер журнала (№ 1 за 1956 г.) открывается редакционной статьей в живой разговорной форме обращения от «лица» журнала к молодым читателям: «Наконец-то я здесь! Я, так долго и упорно ожидаемая “Млада творба”, ежемесячник о литературе и искусстве». Она отвергает связь с прежней «МТ», закрывшейся четыре года назад, однако само название лучше всего выражает ее содержание. В первой редакционной статье журнал заявляет о своем стремлении стать «трибуной творческих усилий молодых литераторов, художников и теоретиков, местом для художественного эксперимента», заверяя при этом о намерении следовать в русле социалистического реализма, правда, «на широко понимаемой платформе», поскольку «молодые выступают против вульгарного и узкого его толкования», «за самую широкую свободу творческой индивидуальности»⁶. В четырех номерах журнала, вышедших за первый год, были опубликованы рассказы начинающих прозаиков Я. Блажковой, Й. Кота, стихи Я. Шкамлы, А. Худобы, Я. Ондрушки, пьеса совсем юного тогда Я. Соловича.

Через год, в первом номере за 1957 г., вышла редакционная статья, подписанная главным редактором М. Ферко, со смелым названием «Бунт против привычного». Журнал вступил в спор с отжившими нормами и образцами, указывая на слабости литературы того

*Обложка первого номера журнала
«Млада творба»*

времени в соответствующих разделах: «Против мудрого молчания» («Привычным стало молчание некоторых писателей, когда их слова так ждали»), «Против фольклоризации поэзии» («Привычным стало подчеркивать, что то или иное — народное» — с примерами многочисленных графоманских стихов), «Против воробьиного чирикания» («Три года мы боролись со схематизмом, и пирровой победой стал кризис словацкой поэзии, ее крайний субъективизм»), «Против провинциальной замкнутости» («Неудачи молодых — в том числе — в недостаточной начитанности, слабом знании мировой литературы»⁷). Вместе с тем, М. Ферко повторяет общие формулировки требований к социалистическому писателю, указывая на главный недостаток вышедших уже номеров журнала: «Отсутствие острых вопросов современного общества, проблем наших рабочих, студентов, крестьян. На страницы журнала “Млада творба” должна ворваться бурная и сложная жизнь нашей молодежи, наших сверстников»⁸.

Номера журнала за 1958 г. открывались — вместо редакционной «направляющей» статьи — новыми стихами молодых тогда поэтов (М. Ферко, М. Касарды, А. Худобы), которые представляли не только их творческое лицо, но и в определенной мере идейные и эстетические позиции журнала. Так, в стихотворении «Эстетика», вошедшем позднее в сборник «Прикосновения», М. Валек говорит о поэтах, «странных солдатах», пьющих осенние дожди «так поздно и так напрасно», и усиливает ощущение готовности поколения к действию и одновременно — безысходности: «нас поливает автоматной очередью меланхолия / давит к земле ядовитый сплин / и снова крутится в нашем смятенном мозгу / печальная, краткая формула отваги: / Мы пишем / стираем, / стираем, / стираем»⁹.

В период с конца 1958 г. и вплоть до 1964 г. под воздействием волны политического «похолодания», сказавшегося и на других сторонах литературной жизни, журнал в определенной степени утрачивает свой стиль, редакционные статьи больше напоминают передовицы партийной печати. Вместе с тем возникала потребность в осмыслении состояния и перспектив молодой литературы. Попытку анализа и обобщения опыта молодого поколения предпринял редактор и писатель Йозеф Кот. В статье «Наступление без оружия или оружие без наступления» (№ 8–9 за 1962 г.) он пишет о «закомплексованном поколении, вырастающем в тени сильного и плодovitого поколения

прозаиков, которое вывело словацкую литературу из состояния посредственности и до сих пор не отказалось от поисков и экспериментов», приводя в качестве примеров имена В. Минача, Р. Яшика, Л. Мнячко. Называя естественной и вместе с тем туманной «программу» молодых, состоящую в том, чтобы быть «современными, созвучными сегодняшней реальности, отражать образ своего поколения», Й. Кот в духе времени говорит о необходимости отражения позитивного идеала в обществе: «Где-то здесь должна родиться жизнеспособная концепция, которая приведет к углубленному взгляду на действительность, к осмыслению коренных законов развития нашего социалистического общества»¹⁰.

Новая волна политической «оттепели», с которой связана и реабилитация жертв политических репрессий 1950-х гг., и возвращение в литературу имен и произведений, оказавшихся ранее под запретом, способствовала оживлению и в сфере культуры. На страницах «МТ» стали вновь появляться материалы более смелого и открытого характера, проза Р. Слободы, В. Шикеры, дебютные стихи молодых поэтов.

«Одиноких бегунов» — поэтов И. Лаучика, П. Репку и И. Штрпку и подборку их стихов — представил в первом номере журнала за 1964 г. М. Валек. Некое подобие манифеста указывает на общие черты их творчества: «Поэзию они понимают как миссию, ратуют за возвращение людей к человечности. Боятся равнодушия и лицемерия. [...] Теоретически выражают себя мало (может быть, позднее). Их программа — преимущественно этическая. Их интересует смысл движения. Это бегуны»¹¹.

В ироническом ключе начинается и «Манифест участников покушения» — редакционной статьи, опубликованной во втором номере журнала за тот же год: «В журнале “Млада творба”, по слухам, концентрируются силы для сражения со всем старым». Однако затем в развернутой форме оговариваются принципы и истинные намерения молодых литераторов, придерживавшихся представлений, близких к будущему лозунгу «Пражской весны» о социализме с человеческим лицом: «Мы даже не подчеркиваем, что выступаем за литературу, характер которой однозначно социалистический. Это вполне естественно. Мы лишь добавляем, что выступаем за литературу, [...] которая работает со всеми знаниями о человеке и обществе, то есть, за литературой, которая открывает, а не только регистрирует»¹².

Возвращаясь к группе «Одиноких бегунов», нужно заметить, что их «теоретическое» выступление, которое должно было появиться «позднее», действительно было опубликовано во втором номере журнала за 1967 г. В программном заявлении «Об открытой поэзии» в парадоксально-ироническом стиле они трактуют динамическую, ускользающую сущность поэзии: «Открытая поэзия исходит из перманентного присутствия человеческой структуры, в основе которой лежит тот факт, что целое существует, но ускользает». «Движение сущностного мышления», по их убеждению — главное условие этой открытости: «Любите движение? Любите бег! Любите фильм!»¹³.

1968 г. стал рубежным и для журнала, и для всего общества: в продолжение всего периода с января и вплоть до 21 августа (ввода в Чехословакию войск пяти государств Варшавского договора) проходил долгожданный процесс реформирования в общественно-политической, экономической и культурной сфере. «Пражская» или (по А. Дубчеку) «Чехо-словацкая весна» стала еще одной попыткой либерализации строя, придания ему «человеческого лица». События в общественной жизни происходили столь стремительно, что на их фоне литературные проблемы казались малозначительными. В редакционной статье второго номера за 1968 г. Ю. Ванович писал об ощущении стагнации в литературе: «Ничего не происходит, чувствуется усталость от литературы, от дискуссий [...] Если и возникает в словацкой литературе и культуре хоть какое-то движение, какое-то брожение и ожидание, это вызвано лишь общественно-политическими процессами»¹⁴.

Последовавший за подавлением реформаторского движения процесс «закручивания гаек», получивший название «нормализации общественной и политической жизни», затронул и журнал «Млада творба», который сотрудничал со многими литераторами, оказавшимися под запретом. Его последние, перед закрытием в 1970 г., номера тоже содержали в себе сомнительные с точки зрения новой цензуры материалы. Появилась язвительная юмористическая рубрика «Инфаркт», публиковавшая, помимо прочего, якобы «по просьбе читателей, с продолжением, карту СССР» с крупными планами Колымы и Чукотки. В первом номере за 1969 г. от имени редакции была напечатана краткая статья «Ситуация литературы», состоящая из злободневных вопросов, на которые предлагалось ответить словацким писателям:

«Чего требует настоящий момент от литературы? Нужно ли продолжать говорить о бессмысленности, абсурдности и бесперспективности, хотя теперь нам суждено в них жить?»¹⁵.

Исследователи словацкой литературы Петер Даровец и Владимир Барборик, называют «МТ» «журналом, замкнутым в прошедшем времени», «одним из наиболее плодотворных журнальных проектов своего времени, [...] создавших условия и площадку для таких проявлений культуры, которые смогли затем осуществиться лишь спустя десятилетия»¹⁶, после бархатной революции. Актуальность, современное звучание «МТ» они видят в его живости и созвучности нашему времени, а главное — в том, что «журнал способствовал созданию основ одного из наиболее сильных писательских поколений, когда-либо возникавших в Словакии»¹⁷.

Для журнала «Культурны живот», вышедшего с 1946 г., 1960-е гг. стали периодом расцвета и пика популярности. В публикуемых материалах открытость высказываний и широта представленных в них позиций, разумеется, ограничивалась контролем со стороны партийно-идеологических органов, особенно после всплеска свободомыслия в «оттепельные» 1956 и 1963 гг. Журнал, ориентированный, прежде всего, на освещение и анализ литературной жизни Словакии, стал одновременно и платформой общественно-политической публицистики. Он был, особенно во второй половине 1960-х гг., одним из наиболее читаемых периодических изданий, трибуной для дискуссий, рупором идей обновления, идей «Чехо-словацкой весны». Словацкий историк Э. Лондакова подчеркивает активную роль журнала в общественных процессах этого периода: «Нужно констатировать, что "Культурны живот" внес значительный вклад не только в развитие словацкой журналистики, но, благодаря тому, что он стал вольной трибуной разных точек зрения и информации, — сыграл роль катализатора общественного реформаторского движения в 1960-е гг.»¹⁸.

О живом, напряженном характере работы журнала говорит в своих воспоминаниях один из его главных редакторов Йозеф Боб: «Это была не обычная редакция, а своего рода национальный институт. Редакционные комнаты посещали писатели, художники, артисты, студенты, педагоги и ученые. Авторы публикаций или "просто" читатели и горячие сторонники. Здесь было шумно и тесно, как на бирже идей. Все это отражало спонтанную общественную активность

тех лет, которой не были чужды непосредственность и критическая отвага»¹⁹.

Можно выделить три основных круга общественно-политической проблематики выступлений и дискуссий того времени: это проблема преодоления деформаций начала 1950-х гг. и реабилитации жертв политических репрессий (прежде всего, Л. Новомеского, Г. Гусака и др.), проблема национальной идентичности (в эссе В. Минача, М. Руфуса, Д. Татарки) и тесно связанный с ней вопрос о федерализации, установлении равноправного положения Чехии и Словакии в государственном устройстве. Проходившие на страницах журнала дискуссии о современной литературе также нередко имели идеологический характер.

Так, периодически возникали дискуссии о современной литературе, затрагивавшие и вопросы считавшегося незыблемым и идеологически верным метода социалистического реализма (в 1953 и 1954 гг.). В 1955 г. прошли дискуссии по проблеме положительного героя и дальнейших путей развития литературы, также связанные, по сути, со стремлением преодолеть эстетическую ограниченность и схематизм навязываемых шаблонов. «Благодаря ослаблению гнета страха, этого мощнейшего оружия власти, — отмечал позднее Ю. Марушьяк, — в среде словацких писателей начался постепенный процесс деканонизации социалистического реализма, поиска индивидуальных художественных средств и творческих концепций»²⁰.

После недолгой оттепели 1956 г., в конце 1950-х — начале 1960-х гг. на страницы «КЖ»^{*} возвращается прежняя риторика. Так, первый номер журнала за 1961 г. открывается речью секретаря Союза словацких писателей М. Крно, произнесенной на конференции Союза словацких писателей 22 декабря 1960 г., где говорится о необходимости более тесной связи литературы с жизнью трудящихся, о пользе писательских командировок на производство, о необходимости «корректировать ошибочные точки зрения» писателей, особенно — молодых²¹. В седьмом номере за тот же год содержится обширная статья Ф. Богача «За новый эстетический идеал», где дается уничтожающе-критическая оценка упаднического западного искусства, которое, по убеждению автора, может оказать пагубное влияние на не-

^{*} Здесь и далее «Культурны живот» — «КЖ».

окрепшие умы в Словакии. С партийных позиций он указывает на истинные ценности: «Поскольку коммунизм является высшим идеалом человечества, его нравственным ориентиром, он является и эстетическим идеалом, который в наших условиях представляет собой источник воспитательной силы искусства»²².

Часто со страниц журнала напрямую звучал командный голос партийного руководства, готового направлять культуру в нужное русло. В этом духе выдержано выступление первого секретаря ЦК КПС К. Бацилека на совещании руководства партии с деятелями искусств 16 сентября 1961 г., где формулируются и общие установки («Нашим трудящимся нужно искусство, которое поддерживает все здоровое и отвергает все плохое, которое показывает хорошие и плохие примеры, [...] искусство, которое стоит на стороне социализма и коммунизма») и конкретные указания — своего рода идеологический социальный заказ: «Сегодня нам нужны бодрые, воодушевляющие песни, [...] которые пел бы весь народ. И такими же понятными, воодушевляющими, легко запоминающимися должны быть стихи, чтобы они вошли в сердца наших трудящихся»²³.

С 1962 г., под воздействием решений XXII съезда КПСС, в Словакии наблюдается некоторое ослабление идеологического давления, тормозившего развитие культуры. В первых номерах «КЖ» за 1962 г. еще появлялись материалы с прежней риторикой. Так, в статье «Новые задачи литературы» поэт А. Плавка поддерживал линию партии на «честную критику культа личности и нарушения норм партийной жизни», и в весьма мягкой форме упрекал авторов схематичных произведений соцреализма в увлечении мечтой за счет правды жизни. Более резкой критики, по его мнению, заслуживают те, кто «бросился в другую крайность — в негативизм, который наносит еще больший ущерб здоровому развитию нашей литературы»²⁴. Однако в целом к середине 1962 г. стал заметен отказ от идеологических переделов, вместо них на первых страницах журнала все чаще встречаются краткие литературные очерки, полемические выступления писателей, зарисовки. Затрагивались и реальные проблемы литературы, получили слово молодые критики и писатели. Так, в статье «Краткий баланс молодой прозы» Й. Боб, называя наиболее примечательные имена и произведения, говорит о еще недостаточной самостоятельности, художественной незрелости и мелкотемье молодых, особен-

но заметных на фоне «высокого историзма среднего поколения»²⁵. П. Штевчек в статье «Проза в зеркале дискуссий» (№ 51–52) проводит сопоставление между чешской и словацкой молодой прозой, находя в них точки соприкосновения.

В ряде номеров «КЖ» за 1963 г. публикуются подборки стихотворений Л. Новомеского, который стал жертвой политических репрессий 1950-х гг. и был реабилитирован и восстановлен в партии и в Союзе писателей лишь в 1963 г.

Слова Л. Новомеского о репрессиях начала 1950-х гг., о необходимости реабилитации и возвращения в литературу подвергшихся преследованиям писателей звучат и в его выступлении на конференции Союза словацких писателей (апрель 1963 г.), материалы которой были опубликованы в двух номерах журнала за тот же год. «Главное теперь, — подчеркивал поэт, — вернуть этим людям членство в сознании народа, коммунистов и беспартийных, поколения, которое их потеряло»²⁶. Высказывания Новомеского в поддержку огульно критиковавшихся в 1950-е гг. левых авангардистов, в защиту свободы творчества прозвучали на III съезде Союза чехословацких писателей, материалы которого публиковались в нескольких номерах журнала.

Тема политических репрессий стала в эти годы центральной в творчестве прозаика, будущего активного диссидента Ладислава Мнячко. Его рассказы, публиковавшиеся в «КЖ» («На кладбище», № 20, 1963 г. и др.) и вошедшие затем в книгу «Запоздалые репортажи», повествуют о трагических судьбах репрессированных, бывших участников антифашистского Словацкого национального восстания.

В реабилитации, а точнее, в решительной корректировке его оценоч, нуждалось и само Словацкое национальное восстание, многие руководители (Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис и др.) и рядовые участники которого были осуждены по сфабрикованному делу «словацких буржуазных националистов». И, начиная с августовского номера на 1963 г. в «КЖ» стали появляться статьи на эту тему, дающие более объективную и развернутую картину событий (Г. Гусак «Революционные традиции и Словацкое национальное восстание», Л. Новомеский «О побудительных мотивах», А. Матушка «Осень 1944 — личное и не-личное» и др.).

Параллельно, как бы вырастая из размышлений и споров вокруг Словацкого национального восстания, в журнале шли материалы,

посвященные словацкой истории, словацкому языку, словацкому национальному самосознанию, тяготевшие, особенно в 1967–1968 гг., к идее необходимости федерализации государства.

Национальный вопрос обсуждался на страницах «КЖ» в ходе оживленной дискуссии, начавшейся с полемической статьи Р. Калиского «Народ с грехами отцов?». Отвечая на этот риторический вопрос, переводчик и публицист З. Есенская писала: «Осуществление национальных прав словаков связано с сомнением, будет ли вообще прогрессивным осуществлять их: начало этому положило столкновение штурмовцев с венгерской революцией (1848 г. — *Л. III.*), отзвуки которого слышны даже сто лет спустя»²⁷.

В 1968 г. наряду с обширной, разбитой на несколько номеров статьей Г. Гусака «Примечания к Февралю», эссе В. Минача «Где наши замки?» и др. здесь публиковались и выступления по обсуждавшейся тогда проблеме федерализации Чехословакии поэта М. Руфуса («Беда от народа»), литературоведа и критика П. Штевчека («Условия и замечания»), а также затрагивающие проблему прав человека острые публикации переводчика З. Есенской и прозаика Л. Мнячко.

Все чаще и активнее выступает на страницах «КЖ» Д. Татарка, который с марта 1968 г. вошел в редколлегию журнала. Проблемам современной литературы и общества посвящены его «Вневременные размышления» (№ 51–52, 1967). О тесной взаимозависимости (социалистической) культуры и свободы слова и высказывания рассуждает Д. Татарка в программном эссе «Культура как общение» (№31, 1968). «Основой национальной культуры является культура общения и единения, — писал он, — Сама жизнь и сегодняшние события остро ставят вопрос: что нужно сделать, чтобы народ не чувствовал себя потребителем культуры, объектом махинаций? [...] Необходимо как можно скорее возродить в нас самих и особенно — в молодом поколении осознание единства национальной культуры»²⁸.

В напряженной атмосфере накануне августовских событий в журнале стали все чаще появляться открытые письма и обращения писателей в поддержку реформаторской линии, на которую возлагались надежды на экономическое и культурное возрождение нации. 19 июля было опубликовано «Открытое письмо», адресованное писательским организациям стран социалистического лагеря, включая Советский Союз, за подписью членов президиума Союза словацких

писателей А. Матушки, В. Минача, В. Мигалика, Л. Новомеского, С. Шматлака, П. Штевчека, М. Валека и др. В ответ на резкую критику в средствах массовой информации этих стран они выступили с разъяснением ситуации в обществе, заверяя в неизбежности основ социализма, в сохранении руководящей роли компартии, которая «исправляет ошибки, допущенные системой и возвращает социализму его изначальную марксистскую гуманистическую и демократическую сущность» и, предвидя вероятное развитие событий, подчеркивали опасность «внешнего психологического или силового давления, направленного против процесса возрождения в ЧССР»²⁹.

В этом же июльском номере журнала со своими статьями выступили прозаики Л. Тяжкий («Сможем ли мы избежать трагедии?») и Л. Мнячко. В статье с русским заглавием, написанным латиницей — «Da zdravstvujet večnaja...»³⁰ Л. Мнячко пишет о традиционной симпатии словаков к России и недоумевает по поводу искаженного освещения в советской печати процессов обновления, проходящих в ЧССР.

Еще более драматично звучали слова напечатанного в начале августа открытого «Обращения граждан» (прежде всего, деятелей культуры и искусства) к Президиуму ЦК КПЧ в преддверии переговоров с руководителями «братских» компартий. Отстаивая свою веру в истинный, демократический социализм как в «единственную реальную альтернативу для всей цивилизации», подписавшие его (а в их числе были известные писатели А. Беднар, П. Карваш, К. Лазарова, П. Виликовский, Д. Татарка, Л. Тяжкий и др.) выразили общую тревогу ввиду ускоряющегося негативного развития событий, обвинений, звучащих извне, в предательстве общих идеалов: «Над нами висит угроза несправедливой кары, которая [...] сведет на нет наши усилия, а главное — самым трагическим образом дискредитирует идею социализма во всем мире на долгие годы»³¹.

Тогда же со своими личными репликами, заметками, статьями выступили словацкие литераторы. З. Есенская в статье «Если бы я была политиком» указывает на приоритеты и ценности, которые следует защищать «даже ценой собственной жизни»³² — это «три суверенитета: государственный, национальный и гражданский». А. Гикиш в статье «Почему?» настаивает на необходимости активной позиции каждого перед лицом опасности и говорит о значении борьбы за обновление в Словакии: «Даже если нам больше ничего

не удастся сделать, мы все же расчистили своими локтями место не только для десятков малых народов, но и для всего того святого, человеческого, что еще сохранилось где-то в потаенном уголке славянской души»³³. П. Штевчек формулирует «Несколько тезисов о ситуации словацкого народа», где показывает положение «малого народа в эпоху политики глобальных блоков» и в пространстве, где «проходит самый рискованный и революционный эксперимент по упорядочению человеческой жизни»³⁴. Л. Мнячко в «Письме неназванному послу неназванной страны» (прозрачно намекая на тогдашнего посла СССР в Чехословакии С.В. Червоненко) ставит острые вопросы одному из тех, кто виновен не просто в «роковом непонимании ситуации», но и в сознательном искажении фактов, когда говорит о «несуществующих заговорах, о слабости нашего теперешнего руководства, о закамуфлированной контрреволюции»³⁵.

*Памятная табличка на доме,
где в 1946–1968 гг. располагалась редакция журнала
«Культурны живот»*

Последний номер еженедельника «Културны живот» вышел 6 сентября 1968 г., затем он был закрыт, и все позднейшие попытки возобновления издания оказались безуспешными. Однако в памяти словацкой общественности в последующие десятилетия остался и свободолюбивый дух журнала, и плодотворные идеи, высказывавшиеся его авторами и нашедшие, в конце концов, свою реализацию в новой Словакии. Оба журнала, относительно недолгая история которых была здесь представлена, сыграли большую позитивную роль в становлении национального самосознания. «"Млада творба" вместе с еженедельником "Културны живот", — подчеркивал словацкий историк Д. Ковач, — стала не только площадкой для новых художественных течений, но и местом, где формировалась духовная оппозиция против закостенелого режима»³⁶.

Литературная периодика не только отражала, но и продуцировала творческую атмосферу 1960-х гг. в искусстве и общественной жизни; она собрала вокруг себя широкий круг единомышленников, сформировала новое поколение литераторов, длительно и плодотворно продолжившее потом свою деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Mlada tvorba. 1947, č. 1. S. 1. (здесь и далее перевод автора. — *Л. Ш.*)
- ² Ibid. S. 1.
- ³ Цитата по: *Bílik R. Duch na reťazi*. Bratislava, 2008. S. 56.
- ⁴ *Darovec P., Barborík V. Mladá tvorba 1956 1970 1996. Časopis po čase*. Bratislava, 1996. S. 7.
- ⁵ *Petrík V. Hľadanie minulého času*. Bratislava, 2009. S. 105.
- ⁶ Mladá tvorba. 1956, č. 1. S. 2.
- ⁷ Вскоре этот пробел был восполнен во многом благодаря появлению новых периодических изданий — чешского журнала «Světová literatura» («Мировая литература», с 1956 г.) и словацкого «Revue svetovej literatúry» («Ревю мировой литературы», с 1965 г.).
- ⁸ Mladá tvorba. 1957, č. 1. S. 2.
- ⁹ Цитата по: *Válek M. Štyri knihy nepokoja*. Bratislava, 1971. S. 53.
- ¹⁰ *Kot J. Nástup bez zbraní alebo zbrane bez nástupu*. Mladá tvorba. 1962, č. 8–9. S. 16.
- ¹¹ Mladá tvorba. 1964, č. 1. S. 3.
- ¹² Mladá tvorba. 1964, č. 2. S. 5.

-
-
- ¹³ Mladá tvorba. 1967, č. 2. S. 2.
- ¹⁴ Mladá tvorba. 1968, č. 2. S. 2.
- ¹⁵ Mladá tvorba. 1969, č. 1. S. 37.
- ¹⁶ *Darovec P, Barborik V.* S. 1.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 1.
- ¹⁸ *Londák M., Sikora S., Londáková E.* Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1969. Bratislava, 2002. S. 310.
- ¹⁹ *Bob J.* Časové a nadčasové impulzy Kultúrného života. // Kultúrny život a slovenská jar 60. rokov. Bratislava, 1998. S. 55.
- ²⁰ *Marušiak J.* Slovenská literatúra a moc v druhej polovici päťdesiatých rokov. Brno, 2001. S. 9.
- ²¹ Kultúrny život, 1961, č. 1. S. 1.
- ²² Kultúrny život, 1961, č. 7. S. 10.
- ²³ Kultúrny život, 1961, č. 38. S. 3.
- ²⁴ Kultúrny život, 1962, č. 2. S. 1.
- ²⁵ Kultúrny život, 1962, č. 44. S. 5.
- ²⁶ Kultúrny život, 1963, č. 17. S. 3.
- ²⁷ Kultúrny život, 1967, č. 2. S. 3.
- ²⁸ Kultúrny život, 1968, č. 31. S. 6, 8.
- ²⁹ Kultúrny život, 1968, č. 29. S. 1.
- ³⁰ Пародия на известный лозунг «Да здравствует вечная дружба между народами ЧССР и СССР!»
- ³¹ Kultúrny život, 1968, č. 31. S. 2.
- ³² Kultúrny život, 1968, č. 31. S. 4.
- ³³ *Ibid.* S. 4.
- ³⁴ *Ibid.* S. 6.
- ³⁵ *Ibid.* S. 5.
- ³⁶ *Kováč D.* Dejiny Slovenska. Bratislava, 1998. S. 272.

Об авторах

АДЕЛЬГЕЙМ Ирина Евгеньевна — д.ф.н.
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: adelgejm@yandex.ru

БАЙДАЛОВА Екатерина Викторовна
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: kuzmukk@mail.ru

ГУСЕВ Юрий Павлович — д.ф.н.
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: juguszev@yandex.ru

ДУБОВЕЦ Сергей Иванович
(Минск, журналист)

КЁСЕГ Ференц / KŐSZEG FERENC
(Будапешт, публицист)
e-mail: koszegferenc@gmail.com

КОЖИНА Светлана Анатольевна
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: lana-0391@mail.ru

ЛАММ Мария Андреевна
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: lamm-maria@yandex.ru

ЛУНЬКОВА Наталья Александровна
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: lunkova_n@mail.ru

СЕМЁНОВА Александра Всеволодовна — к.ф.н.
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: jaskolka@list.ru

СТАРИКОВА Надежда Николаевна — д.ф.н., проф.
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: nstarikova@mail.ru

УСАЧЁВА Анастасия Викторовна
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: anastasia.usacheva@gmail.com

ШАТЬКО Евгения Викторовна
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: eshatko@gmail.com

ШЕШКЕН Алла Геннадьевна — д.ф.н., проф.
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: asheshken@yandex.ru

ШИРОКОВА Людмила Федоровна — к.ф.н.
(Москва, Институт славяноведения РАН)
e-mail: shirocco@mail.ru

Содержание

От редколлегии	3
И. Е. Адельгейм (<i>Москва</i>) Идеального строя не существует». Положение литературной периодики в постсоциалистической Польше	6
Е. В. Байдалова (<i>Москва</i>) Must-read украинской интеллектуальной элиты: журнал «Критика» как социокультурное явление	48
Ю. П. Гусев (<i>Москва</i>) Журнал «Беселё»	65
Ф. Кёсег (<i>Будапешт</i>) Свобода за решеткой	78
С. А. Кожина (<i>Москва</i>) «Реvolver Ревью»: специфика появления и современное состояние	91
М. А. Ламм (<i>Москва</i>) Эстетическая двойственность белорусской литературно-критической периодики	108
С. И. Дубовец (<i>Минск</i>) «Наша Нива» — газета-миссия	128
Н. А. Лунькова (<i>Москва</i>) Конфликт двух поколений постмодернистских поэтов в газете «Литературен вестник»а	133
А. В. Семёнова (<i>Москва</i>) Журнал «Гриф» Александра Майковского (1908–1922–1925 гг.) и «скромные достижения кашубской музыки»	152
Н. Н. Старикова (<i>Москва</i>) «Журнальный зал» инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ	171

А. В. Усачёва (<i>Москва</i>) Литературно-критическая периодика в социокультурном контексте современной Румынии	191
Е. В. Шатько (<i>Москва</i>) Славистические литературоведческие журналы Сербии после 1991 г.	203
А. Г. Шешкен (<i>Москва</i>) Роль литературных журналов 1945–1960-х гг. в формировании литературно-критической мысли Македонии	216
Л. Ф. Широкова (<i>Москва</i>) Словацкая литературная периодика времен «оттепели»: актуальность творческого наследия	234
Об авторах	251

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия
*«Современные литературы стран
Центральной и Юго-Восточной Европы»*

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА
в СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН*

Ответственный редактор:
Л. Ф. Широкова

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Обложка:
М. И. Леньшина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inlav@inlav.ru

Подписано в печать 00.09.2020. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88.
Объем 16,0 печ. л.

Заказ № 56.
Тираж 500 экз.